

Годъ 14-й.

Кн. II.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1902, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

И

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янчука.

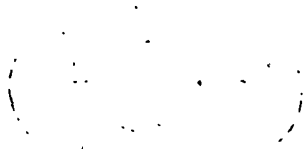
МОСКВА.

Т-во Оперн. А. А. Левинсонъ. Компиоонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1902.

P Slav 228.10

~~Slav 228.10~~

Въведенъ
(1902)

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Изъ области обычнаго права карачаевцевъ. <i>Б. Вс. Миллера</i>	1
II. Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ. <i>А. Н. Максимова</i>	41
III. Кросна. <i>В. Н. Добровольскаго</i>	77
IV. Теорія вѣроятностей и исторія первобытной культуры. Методъ Тэйлора. <i>А. М. Рѣдько</i>	88
V. Смѣсь:	
Мелкія этнографическія замѣтки: 1) Разбойничьи пѣсни. 2) Къ легендѣ о Киригѣ. 3) Празднованіе сошествія Св. Духа въ Москвѣ. 4) Легенда о соперничествѣ вѣръ. 5) Нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ. (1—13). <i>В. В. Каллаша</i>	107
Легенды объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ. <i>А. С. Хасанова</i>	113
VI. Критика и библиографія.	

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:

Харузинъ Николай. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Моск. Университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей Вѣры и Алексѣя Харузинныхъ. Вып. I. 1) Часть общая. 2) Матеріальная культура. Спб. 1901. *Вл. Б.* (115) — Сборникъ Кириши Данилова. Изданіе Имп. Публ. Библиотеки, подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. *А. В. Маркова* и *А. Л. Маслова*. (118) — Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Томъ VI. Среднее и нижнее поволжье и заволжье. Спб. 1901. *Вл. Б.* (120). — *A. Dreselly*. Grabschriften, Martel-Bildstöcke u. Todtenbrett-Verse, dann Hausinschriften, Wohn- und Trinkstuben-Reime, Geräte-Inschriften u. a. 2-e Auflage. Salzburg. *В. X.* (127). — Зобнинъ Ф. Къ

стр.

вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленгутахъ въ киргизской степи. (Пам. кн. Семипалат. обл. на 1902 г., 8^о. стр. 1—99. *Вл. Б.* (130).—
В. Г. Богоразъ. Колымское русское областное нарѣчіе. Сбор-
никъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ.
Томъ 68. С.-П. 1901 г. *Е.* (132)—*Э м и н с к і й* Этнографическій
Сборникъ, издаваемый при Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ
языковъ въ Москвѣ. Выпускъ II: Армянскій народный (герои-
ческій) эпосъ и сказки. Москва. 1901, стр. X+447. (134).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ.	137
3. Новости русской и иностранной этнографической лите- ратуры.	143
VII. Хроника	148
VIII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла.	155

Изъ области обычнаго права карачаевцевъ.

Въ верховьяхъ Кубани, у самыхъ ея истоковъ, и по притокамъ ея, рѣкамъ Тебердѣ, Доуту, Марѣ и Джегутѣ, почти на границѣ Кубанской и Терской областей, живетъ небольшое, сравнительно мало изслѣдованное племя тюркскаго происхожденія, — карачаевцы, исповѣдующіе мусульманскую религію. Съ запада и сѣверо-запада сосѣдями карачаевцевъ являются различныя мелкія адигейскія племена, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ кубанскіе казаки и кабардинцы; высокіе горные отроги проходятъ между Карачаемъ и осетинскими и балкарскими обществами на востокѣ; на югѣ главный кавказскій хребетъ, служа границей Кубанской области, отдѣляетъ карачаевцевъ отъ Закавказья и ближайшихъ къ нимъ его обитателей-сванетовъ. Народное преданіе относитъ время заселенія верховьевъ Кубани карачаевцами къ глубокой древности, лѣтъ 500, 600 тому назадъ, и генетически связываетъ теперешній Карачай съ Крымомъ: крымскій выходецъ Карча со своими товарищами поселился тутъ, случайно найдя послѣ долгихъ скитавій долину рѣки Хурзука ¹⁾, послужившую послѣднимъ этапомъ въ его странствованіяхъ; тутъ его народъ осѣлъ прочно и постепенно расселился по сосѣднимъ долинамъ. Такъ былъ основанъ, такъ называемый, Большой Карачай, занимающій въ настоящее время три сравнительно большихъ (по нѣскольку тысячъ жителей каждый) аула: Хурзукъ, Учкуланъ—при слияніи рр. Хурзука и Учкулана—и Картъ-Джюртъ, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, по самой Кубани. Эти три аула, вмѣстѣ съ двумя аулами Доутомъ и Джазлыккомъ, расположенными по р. Доуту, притоку Кубани, въ сосѣдней долинѣ, составляютъ старый, аристократи-

¹⁾ Р. Хурзукъ или Уллукамъ въ своемъ слияніи съ р. Учкудагомъ образуетъ Кубань.

ческой Карачай, населенный преимущественно узденями и бѣями и ихъ немногочисленными бывшими крѣпостными и вольноотпущенниками.

Здѣсь сохранились довольно ясно черты родового быта, а цѣлый рядъ преданій о происхожденіи отдѣльныхъ родовъ поддерживаетъ еще и понынѣ родовую традицію. Въ отличіе отъ Большого Карачая, аулы, образовавшіеся въ недавнее время, главнымъ образомъ послѣ освобожденія крѣпостныхъ, происшедшаго въ Карачаѣ въ концѣ 60-хъ годовъ, и населенные бывшими крѣпостными больше-карачаевскихъ узденей и бѣевъ, составляютъ такъ наз. Малый Карачай. Эти аулы, въ порядкѣ ихъ возникновенія, слѣдующія: Теберды, образованный въ 68 г. на р. Тебердѣ, Сенты (1870 г.) на той-же рѣкѣ, нѣсколько ниже аула Теберды; далѣе Ташкупырь (Каменный мостъ), поселенный въ 1870 г. на Кубани, недалеко отъ впаденія въ послѣднюю р. Теберды; въ 1875 г. возникъ аулъ Маринскій на р. Марѣ и, наконецъ, въ 83 г. послѣдній изъ карачаевскихъ ауловъ Джегутинскій на р. Джегутѣ. Послѣдніе два заселены исключительно освобожденными крѣпостными.

I.

Черты родового быта.

Аулы Большого Карачая, Картъ-Джуртъ, Учкуланъ и Хурзукъ (на рѣкѣ того-же имени), отстоя недалеко другъ отъ друга, верстахъ въ 5—10, представляютъ оригинальное зрѣлище, рѣзко отличаясь отъ обычнаго типа скученныхъ татарскихъ селеній. Идутъ эти аулы не сплошной массой, а разбросаны небольшими „кварталами“ (какъ ихъ называютъ), такъ что трудно опредѣлить, гдѣ кончается одинъ аулъ, и гдѣ начинается другой. Напримѣръ, первыя постройки Картъ-Джурта, начинаются версты за три отъ самого аула, если центромъ его считать аульное правленіе, и тянутся вверхъ по Кубани отдѣльными кварталами вплоть до первыхъ кварталовъ ауловъ Учкулана и Хурзука. Кварталы эти, какъ бы отдѣльные аулы, населены чрезвычайно многочисленными фамиліями, въ которыхъ нельзя не видѣть подраздѣленій одного и того-же поколѣнія или рода, какъ это выясняется изъ народныхъ преданій и сказаній, съ одной стороны, и изъ

собственнаго убѣжденія однофамильцевъ, съ другой. Иная фамилія, понимаемая въ смыслѣ совокупности дворовъ, носящихъ однофамильное прозвище, занимаетъ не одинъ, а два и даже три квартала. Такова, напр., фамилія Узденовыхъ, которая въ одномъ только аулѣ Картъ-Джуртѣ занимаетъ свыше 65 дворовъ и образуетъ два квартала по Кубани, верхній и нижній. Фамилія Хубиевыхъ, еще болѣе многочисленная, занимаетъ 3 квартала и т. д. Всѣ эти фамиліи считаютъ себя чрезвычайно древними, приводя въ доказательство этого свою многочисленность, и безспорно узденскими. Не-уздени, бывшіе крѣпостные, до эмансипаціи жили въ кварталахъ своихъ господъ, послѣ-же освобожденія, какъ мы уже говорили, болѣею частью выселились, образовавъ аулы Малаго Карачая, частью сохранивъ свои прежнія прозвища, частью присвоивъ себѣ фамиліи господъ; несмотря на это, „уздени“ нисколько не ошибаются относительно ихъ „низкаго“ происхожденія и строго отличаютъ, напр., узденскую фамилію Узденовыхъ отъ ихъ бывшихъ крѣпостныхъ, тоже Узденовыхъ. Въ аулахъ Большого Карачая и сейчасъ нѣсколько менѣе половины населенія состоятъ изъ прежнихъ крѣпостныхъ, оставшихся жить въ предѣлахъ кварталовъ своихъ господъ. Такъ, на 695 дворовъ Картъ-Джурта узденскихъ считается только 266; остальные заселены азатами и кулами. Большинство узденскихъ фамилій образуетъ нѣсколько десятковъ дворовъ. Такъ, напр., кромѣ упомянутыхъ Узденовыхъ и Хубиевыхъ, въ Картъ-Джуртѣ многочисленны фамиліи Салпагаровыхъ (61 дворъ), Баташевыхъ (49), Алиевыхъ (22), Ижаевыхъ (18), Лепшковыхъ (34) и т. д. Въ Учкуланѣ извѣстны своею многочисленностью фамиліи Байрамкуловыхъ (болѣе 60 дворовъ), Байчоровыхъ (дворовъ 40); далѣе Кочкаровыхъ, Бостановыхъ, Урусовыхъ, Эриккеновыхъ, образующихъ десятка по два дворовъ каждая. Процентное отношеніе числа узденей ко всему населенію выгоды, чѣмъ это могло бы казаться, судя по количеству ихъ дворовъ; дѣло въ томъ, что въ среднемъ населеніи каждаго узденскаго двора надо принимать человѣкъ въ 20—25; представляетъ онъ типичную форму такъ наз. семейной общины.

Большинство обитателей узденей до сихъ поръ сохраняютъ ясное представленіе о томъ родовомъ союзѣ, который обнимаетъ цѣлый рядъ родственныхъ фамилій, какъ происходящихъ отъ одного родоначальника, и относить себя къ опредѣленному роду.—Дру-

гія фамиліи, также очень многочисленныя, не будучи въ состояніи доказать свою генетическую связь съ опредѣленнымъ родоначальникомъ, стараются, хотя-бы по женской линіи, присоединиться къ извѣстному поколѣвію, или-же направляютъ вниманіе изслѣдователя къ сосѣднимъ горскимъ племенамъ, ведя свое происхожденіе отъ какого-нибудь знаменитаго выходца изъ сосѣдняго племени. Чтобы нѣсколько выяснить родовую организацію большинства фамилій, необходимо обратиться къ народнымъ преданіямъ о происхожденіи и заселеніи Карачая.—Родоначальникомъ всего Карачая считается Карча ¹⁾, давшій ему свое имя, выходець изъ Крыма, и его три товарища, Адурхай, Наурузъ и Будіанъ. Трое послѣднихъ были родными братьями и выселились изъ Крыма цѣлымъ семействомъ подъ предводительствомъ Карчи. Но есть также предположеніе, что и Карча былъ изъ ихъ рода. Причиной ихъ переселенія считаютъ покореніе ихъ племени какимъ-то другимъ народомъ, послѣ чего, вообще, всѣ знатныя фамиліи (а не однѣ только вышеупомянутыя) стали переселяться, ища свободу, въ другія страны. Другой вариантъ того-же преданія считаетъ всѣхъ четырехъ товарищей просто свободными людьми, не связанными между собой узами родства, а Карча возвысился, главнымъ образомъ, какъ воинственный человекъ, предводительствовавшій небольшою группою товарищей и приведшій ихъ изъ Крыма послѣ долгихъ странствованій на р. Баксанъ. Хотя это второе предположеніе по мнѣнію карачаевцевъ, пожалуй, и достовѣрнѣе, нельзя не отмѣтить, что по первому варианту, карачаевцы всѣ происходятъ изъ одного семейства, рода. Относительно послѣдующаго маршрута всѣ преданія сходятся между собой. При выходѣ изъ Крыма переселенцы шли вдоль берега Чернаго моря и вначалѣ поселились въ мѣстности Джметеѣ. Тутъ они пробыли не долго и двинулись дальше. Вторая остановка ихъ произошла на Архызѣ, гдѣ уже племя Карчи осѣло крѣпче; но ему пришлось придти въ столкновеніе съ племенемъ кизилбековъ, потребовавшихъ съ ишельцевъ дани и, въ концѣ концовъ, вытѣснившихъ ихъ оттуда. На Архызѣ къ Карчѣ присоединился нѣкто Хубій, родомъ изъ

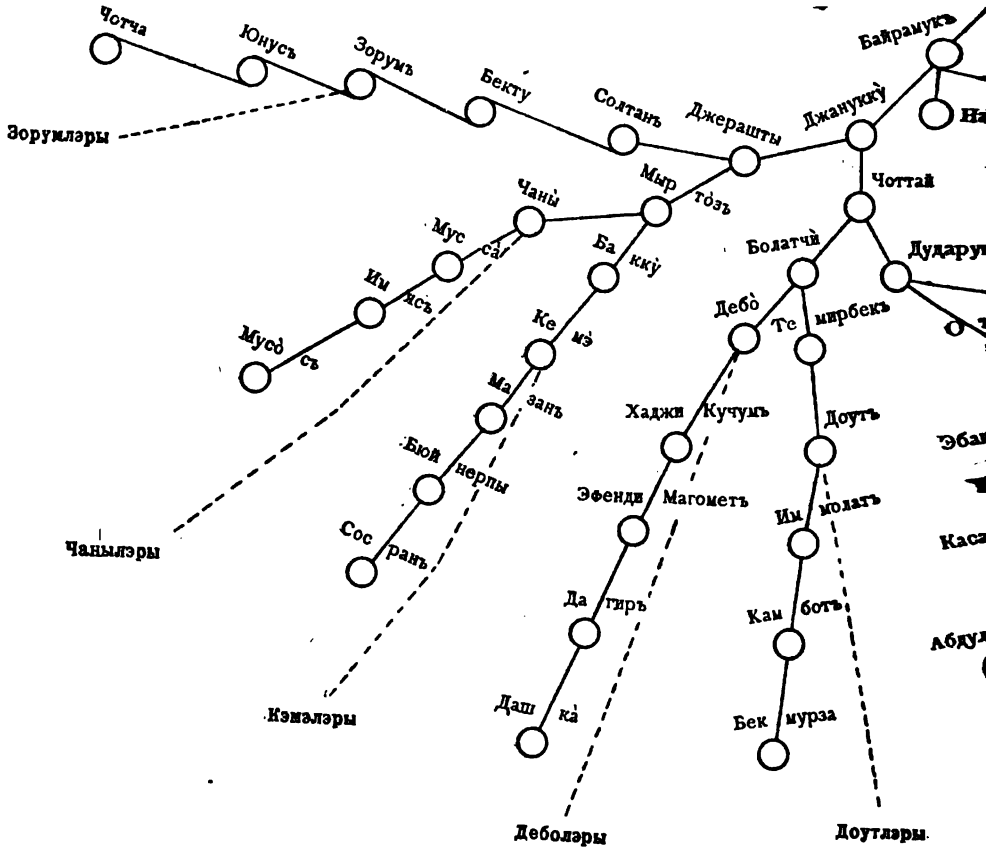
¹⁾ Милечское лицо, имя котораго ставится народнымъ преданіемъ въ связь съ названіемъ Карачая, вполне удовлетворительно объясняющагося, конечно, изъ двухъ тюркскихъ словъ: кара-черный и чай-рѣка.

этого племени кизилбековъ, съ братомъ своимъ Хубтія, уѣхавшимъ вскорѣ въ Абхазію. На Джегутѣ, послѣдующей остановкѣ, въ Карчѣ присоединился Крымшамхалъ, родоначальникъ княжеской фамиліи Крымшамхаловыхъ.

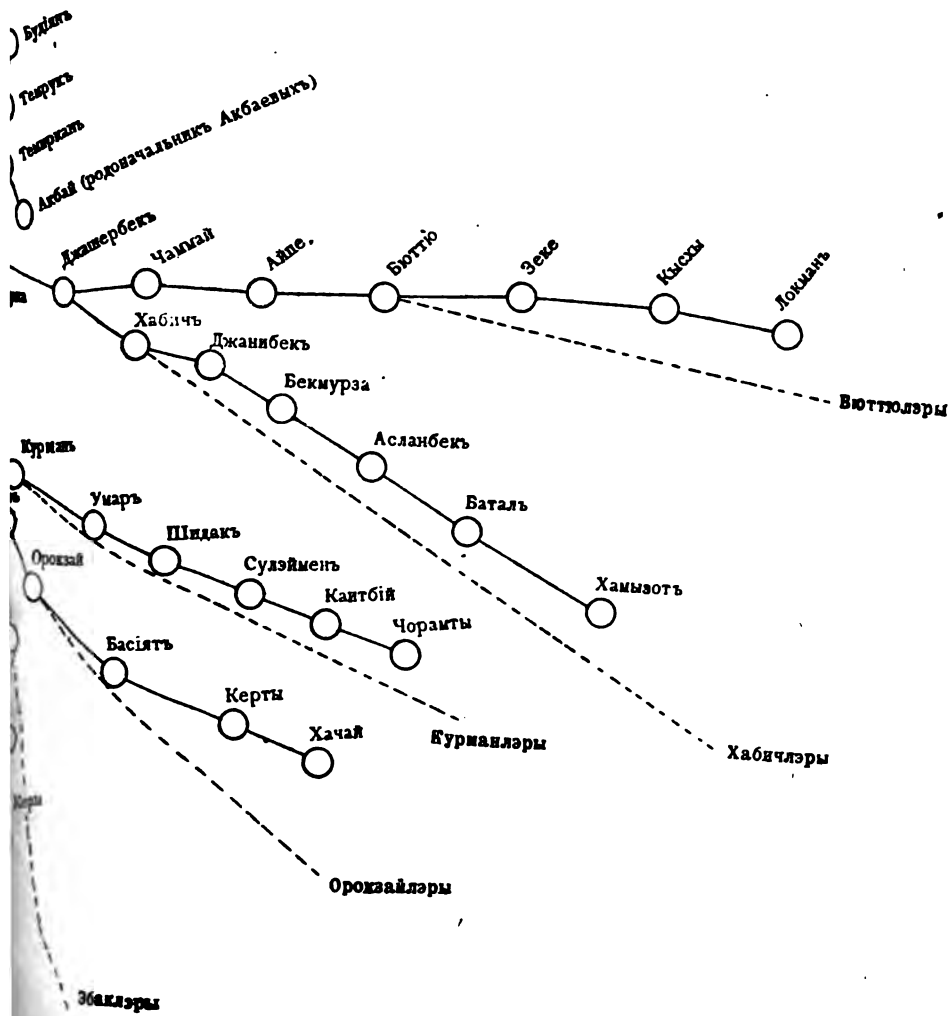
Наконецъ, на Баксанѣ, народъ Карчи пришелъ въ столкнове-ніе съ кабардинцами, которые понудили основателя Карачая ис-кать помощи въ Имеретіи или Абхазіи. Во время его отсутствія кабардинцы завладѣли частью его племени, оставшейся въ то время беззащитной. Но въ концѣ концовъ Карча осилилъ кабардинцевъ и не только принудилъ ихъ выпустить на свободу еѳо народъ, но и дать заложниковъ, двухъ юношей изъ ихъ племени, Тохчука и Тамбія, тоже родоначальниковъ двухъ многочисленныхъ фамилій въ Карачаѣ, Тохчуковыхъ и Тамбіевыхъ. Затѣмъ, послѣ примиренія его съ кабардинцами, послѣдовало переселеніе всего племени въ нынѣшній Карачай, открытый быстроногимъ Баташемъ, работникомъ или товарищемъ Карчи.—Такова въ общихъ чертахъ схема послѣдовательныхъ переселеній карачаевцевъ. Нѣкоторыя преданія знаютъ и четвертаго товарища Карчи, нѣкоего Трама. Какъ-бы то ни было, въ настоящее время большинство фамилій, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большинство населенія Большо-го Карачая, возводятъ себя къ одному изъ этихъ четырехъ то-варищей Карчи (самъ Карча не оставилъ мужского потомства), и дѣлятся на 4 поколѣнія-рода: Будіановъ, Наурузовъ, Адурхасевъ и Трамовъ. Можно даже замѣтить, что главнѣйшія фамиліи одного и того-же поколѣнія живутъ въ одномъ аулѣ, напр., главнѣйшія фамилія Наурузовъ — Байрамкуловы, Каппушевы, Аджіевы, Коч-каровы,—живутъ въ Учкуланѣ; но, съ другой стороны, одну фа-милію можно встрѣтить въ нѣсколькихъ аулахъ, иногда во всѣхъ трехъ Большого Карачая, хотя большинство дворовъ, ее состав-ляющихъ, живетъ все-таки въ одномъ аулѣ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что административное разграни-ченіе этихъ ауловъ другъ отъ друга должно было по необходимо-сти провести границу между ними нѣсколько искусственно, тѣмъ болѣе, что, какъ раньше было замѣчено, карачаевскіе аулы не-прерывной цѣпью кварталовъ почти сливаются другъ съ другомъ.— Приведемъ распредѣленіе главнѣйшихъ фамилій по поколѣніямъ. Поколѣніе-родъ Будіановъ включаетъ въ себѣ фамиліи Эльха-новыхъ, Акбаевыхъ, Байрамуковыхъ, Текѣевыхъ, Болуровыхъ,

Чотчаевыхъ и т. д. Къ Наурузамъ относятся фамиліи Байрамкуловыхъ, Кобаевыхъ, Каппушевыхъ, Голаевыхъ, Аджіевыхъ, Кочкаровыхъ, Каппоевыхъ. Адурхаями считаютъ себя Лайпановы, Чомаевы, Джуккаевы, Кульчаевы, Урусовы, Шидаковы, Байгоровы, Эриккеновы.—Сознаніе принадлежности своей фамиліи къ извѣстному роду-поколѣнію еще сейчасъ довольно ясно сохраняется въ представленіи каждой узденской фамиліи, и ничѣмъ такъ нельзя возбудить вниманія карачаевца, какъ терпѣливымъ выслушиваніемъ его генеалогіи, а съ другой стороны, ничѣмъ такъ не оскорбляется претендееть на аристократическое происхожденіе отъ Науруза или Будіана, какъ скептическимъ отношеніемъ къ его заявленіямъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе образованныхъ семействахъ, представители которыхъ исполняли должности мулль въ своихъ аулахъ и кадівъ при хумаринскомъ горскомъ судѣ, еще и понынѣ можно найти „документальныя данныя“, писанныя на арабскомъ языкѣ, генеалогіи ихъ фамилій, возстановляющія связь ихъ съ другими фамиліями того же поколѣнія, причемъ счетъ предкамъ ведется ab ovo, т. е. отъ того самаго Науруза или Будіана, который, по преданіямъ, лѣтъ 600 тому назадъ пришелъ въ Карачай.—Во всякомъ случаѣ въ настоящее время родовая традиція, сознаніе общаго происхожденія отъ одного родоначальника, имѣеть для карачаевцевъ болѣе теоретическій интересъ, если исключить нѣкоторые факты, о которыхъ мы скажемъ ниже. Родовой организаціи, собственно говоря, не существуетъ; родовой бытъ не кладеть почти никакого отпечатка на земельныя отношенія карачаевцевъ, и принципъ индивидуализаціи всецѣло восторжествовалъ надъ общинно-родовымъ строемъ. Только преданья о томъ, какъ раньше слагались отношенія между родичами, да нѣсколько обычаевъ, имѣющихъ интересъ пережитковъ родового строя и уже явно вымирающихъ, позволяютъ намъ обрисовывать черты карачаевского рода-поколѣнія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ сохранившимся чертамъ родового быта, необходимо замѣтить, что населеніе Карачая далеко не исчерпывается упомянутыми тремя или четырьмя поколѣніями. Существуютъ еще поколѣнія, состоящія изъ очень многочисленныхъ фамилій, признающихъ своего родоначальника выходцемъ изъ какой нибудь страны: или присоединившимся къ Карчѣ, во время его продолжительныхъ странствованій въ поискахъ удобной для поселенія земли, или присе-

лившимся уже къ племени Карчи, обрѣтшему свой Карачай, или, наконецъ, не по своей доброй волѣ увеличившимъ своимъ семействомъ карачаевское племя. Уже самая этимологія фамилій, очень многочисленныхъ, указываетъ на ихъ „заграничное“ происхождение: таковы, напр., Кумыковы, Калмуковы, Ногаевы. Имеретія, Абхазія, Сванетія, и Кабарда тоже поставляли предприимчивыхъ людей, основавшихъ въ Карачаѣ многочисленные роды. Таковы, Кобановы, Богаторовы, Джаттоевы—пришельцы изъ абазинцевъ; Борлаковы—происхождения кумыцкаго и т. д. Далѣе, поколѣніе Шатбекларовъ, происходящихъ отъ Шать-бека, изъ племени кизилбековъ (по преданію), обнимаетъ фамиліи Хубіевыхъ (болѣе 100 дворовъ), Хасановыхъ, Хачировыхъ и Биджіевыхъ. Особенно тѣсно ощущаютъ свою родственную связь Хачиры съ Хубіевыми, производящіе себя отъ двухъ родныхъ братьевъ, сыновей Шатьбека, преданіе о чемъ еще очень свѣжо въ памяти обѣихъ фамилій. Когда Карча жилъ на Архызѣ, гдѣ онъ пришелъ въ столкновение съ кизилбеками, Шать-бекъ,—князь этого племени, умеръ, оставивъ двухъ сыновей—Хубія и Хубтію, присоединившихся къ Карчѣ. Послѣ смерти Шатьбека—Хубій остался съ Карчей, вмѣстѣ съ нимъ пришелъ и поселился въ Карачаѣ; Хубтія же уѣхалъ въ Абхазію; внукъ Хубтіи—Хачиръ пріѣхалъ въ Карачай отыскивать свои права, но Хубіевы не согласились признать его своимъ. Это не помѣшало ему жениться на плѣнницѣ Темурчока (внука Хубія); при этомъ случаѣ Хубіевы хотѣли его обратить въ крѣпостного и Хачиръ успѣшилъ вернуться въ Абхазію. Одинъ изъ его пяти сыновей—Зыны—страшно мстилъ Хубіевымъ нападеніями за оскорбленіе, которое они нанесли отцу, и какъ-то даже поджогъ весь ихъ кварталъ. Отношенія настолько обострились, что, когда братъ мстителя, Девлетъ, изъ Абхазіи переселился въ Карачай, Хубіевы грозили ему смертію, если онъ не согласится быть ихъ крѣпостнымъ со всей своей семьей; чтобы примириться съ разгнѣванными родичами, Девлетъ долженъ былъ взять на воспитаніе (въ аталычество) одного изъ малолѣтнихъ Хубіевыхъ, что онъ и сдѣлалъ и тѣмъ помирился съ ними, и съ тѣхъ поръ добрыя отношенія между Хубіевыми и Хачирыными не нарушались. Это преданіе, кромѣ того, что оно бросаетъ свѣтъ на происхождение крѣпостного сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно заставляетъ предполагать, что установленіе родственныхъ отношеній, вступле-

ніе въ родѣ, было возможно, благодаря той формѣ пріемнаго усыновленія, которую представляет собой аталычество, и можетъ служить нагляднымъ примѣромъ сильнаго вліянія фикцій, столь свойственныхъ, по мнѣнію Мэна, неразвитому уму первобытнаго общества, вліянія, которое онѣ оказываютъ на образование, происхожденіе рода и его размноженіе. На ряду съ Шатбеклэрами,

мы встрѣчаемъ еще нѣсколько довольно многочисленныхъ поколѣній-родовъ, присоединившихся уже въ Карачаѣ: поколѣніе Кустосовъ, въ которое входятъ фамиліи Коримазовыхъ, Джанибековыхъ, Сэмэновыхъ ¹⁾, Бостановыхъ и Алботовыхъ. Замѣтимъ, что

¹⁾ Эта фамилія, вообще, возбуждаетъ большія сомнѣнія: недруги Сэмэновыхъ производятъ ихъ отъ бѣлаго солдата—Семена,—бѣжавшаго въ Карачай при

всѣ эти фамиліи живутъ кварталами въ одномъ аулѣ, Уччуланѣ, а не разбросаны по всѣмъ тремъ, что, можетъ быть, объясняется ихъ сравнительно позднимъ происхожденіемъ. Поколѣнье Чибиш-лэровъ, отъ пришельца Чибиша, заключаетъ въ себѣ фамиліи Каитовыхъ, Каракотовыхъ, Кипкеевыхъ и Гэбэновыхъ. Наконецъ, существуютъ фамиліи, не соединенныя въ родъ, уже сами собой образующія отдѣльное поколѣніе: таковы, напр., двѣ фамиліи въ Хурзукѣ, кабардинскаго происхожденія, Тохчуковы и Тамбіевы, ведущія свое начало отъ Тохчука и Тамбіа, двухъ юношей, которые по преданію были даны Карчѣ въ видѣ заложниковъ.

„Группа родственниковъ въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, экзогамна, т. е. члены рода не имѣютъ права вступать въ бракъ; отсюда бракъ воспрещается между лицами, которыя производятъ себя отъ общаго родоначальника, или носятъ одно и то же фамильно-родовое прозвище“. „Съ другой стороны, экзогамія не можетъ считаться непремѣннымъ признакомъ родового быта; иногда соображенія о сохраненіи чистоты крови членами родового союза предписываютъ эндогамію, т. е. обязательство брать женъ изъ собственной родовой группы“¹⁾.

Первое изъ этихъ положеній, установленныхъ сравнительно историческимъ изученіемъ права первобытнаго общества, вполнѣ оправдывается на примѣрѣ кавказскихъ горскихъ племенъ и въ частности карачаевцевъ. Еще 15—20 лѣтъ тому назадъ въ этомъ племени крѣпко было сознаніе обязательности экзогаміи, какъ это видно изъ одного дѣла отъ 9 іюля 1879 года, которое мы заимствуемъ изъ хумаринскаго судебного архива.—Нѣкто Соджукъ Батчаевъ сдѣлалъ своей невѣстѣ подарковъ деньгами и вещами на 130 рублей; невѣста же отказалась за него выйти замужъ. Махай Чотчаевъ, отецъ невѣсты, возражаетъ истцу въ такихъ словахъ: Батчаевъ не обращался ко мнѣ съ просьбой о выдачѣ за него замужъ моей дочери; да предложеніе это я во всякомъ случаѣ отклонилъ бы, такъ какъ я состою съ нимъ въ одной фамиліи (т. е. родѣ), которая имѣетъ общаго родоначальника; по на-

Николаѣ I, но чрезвычайная многочисленность ея, быть можетъ, допускаетъ и иное объясненіе: сэмънъ—по-турецки, посланецъ, говецъ,—слово, повидимому, персидское—сэмъндъ.

¹⁾ См. Н. Н. Харузина: Очерки первобытнаго права, стр. 32.

родному же обычаю браки въ подобныхъ случаяхъ не допускаются.—Въ настоящее время, правда, стали встрѣчаться случаи нарушенія этого адата; но и до сихъ поръ они вызываютъ сильное неудовольствіе со стороны стариковъ, хранителей адатнаго начала, и представителей духовной власти—муллъ, которые на этотъ разъ дружно отстаиваютъ народный обычай, тогда какъ по другимъ вопросамъ противодѣйствуютъ адату, какъ идущему въ разрѣзъ съ предписаніями корана, и стараются замѣнить его шаріатомъ. Приведемъ нѣсколько случаевъ нарушенія экзогаміи и тѣхъ послѣдствій, которыя оно за собой вѣдѣ. Поколѣніе Наурузовъ, какъ намъ передавали, съ самаго основанія Карачая не нарушало этого обычая. Фамиліи Салпагаровыхъ, Кочкаровыхъ, Аджіевыхъ, Байрамкуловыхъ и другихъ никогда не роднились между собою посредствомъ браковъ. Нѣкто Салпагаровъ, мулла Али, переселился, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Байрамкуловскій кварталъ, гдѣ и обучалъ нѣкую Маріамъ Байрамкулову арабской грамотѣ; ученица оказалась очень способной; Али вздумалъ на ней жениться и задуманное привелъ въ исполненіе. Все поколѣніе Наурузовъ возстало противъ молодыхъ и опредѣлило: „выселить Али Салпагарова изъ Карачая, а Маріамъ проклясть“, „не давать ей даже уголька“ (карачаевская поговорка). Не ограничиваясь этимъ, Наурузовцы подали въ горскій судъ жалобу, обвиняя Али въ нарушеніи родового обычая. Судъ, продержавъ Али нѣкоторое время въ тюрьмѣ, счелъ за лучшее его куда-то удалить, подальше отъ глазъ раздраженныхъ сородичей.—Маріамъ, оставшюся въ Карачаѣ, привязывали къ позорному столбу, „дабы и другимъ не повадно было“, и всѣ проходящіе считали своей обязанностью осипать ее всякими оскорбленіями и ругательствами. Досталось и отцу Маріамъ, Джанхоту, за то, что онъ воспиталъ такую дочь, опозорившую весь родъ. Съ нимъ не здоровались, не говорили „селяма“, что считается высшимъ оскорбленіемъ у мусульманъ. Все это происходило не далѣе нѣсколькихъ лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, подъ влияніемъ толковъ и разговоровъ, взволновавшихъ весь Карачай, поколѣніе Шатъ-бека (Шатбеклера), обнимающее фамиліи Хубіевыхъ, Хачировыхъ, Биджіевыхъ и Хасановыхъ, среди которыхъ за послѣдніе годы стали встрѣчаться случаи браковъ, собралось, не далѣе какъ въ первыхъ числахъ іюля 1898 года, на родственную сходку, на которой „разсуждали о

томъ, чтобы не брать и не выдавать другъ за друга дѣвушекъ⁴, въ чемъ и отбиралась подписка у представителей отдѣльныхъ фамилій и главнѣйшихъ дворовъ.—Но есть примѣры и противоположнаго характера. Адурхай и Будійны этотъ обычай соблюдаютъ уже не такъ строго, хотя и у нихъ родственныхъ браковъ мы почти не встрѣчаемъ.—Карачаевцы, далѣе, столь же ревниво относятся и къ неравнымъ бракамъ, по возможности стараясь ихъ предупреждать. Неравными считаются браки членовъ рода, слѣдовательно узденей по происхожденію, съ вольноотпущенниками, бывшими крѣпостными. Тотъ же наурузовскій родъ, столь неуклонно соблюдающій экзогамію, не позволяетъ членамъ своимъ родниться съ вольноотпущенниками. Когда нѣкая Аджіева вышла замужъ за вольноотпущенника, всѣ родичи собрались на сходку, „не могли стерпѣть“; въ складчину собрали сумму, равную калыму, которую и представили жениху, съ тѣмъ, чтобы онъ отступился, что тотъ волей-неволей принужденъ былъ сдѣлать. Въ случаяхъ „умыканія“, увоза дѣвицы, обычая и до сихъ поръ еще распространеннаго среди населенія, особенно рѣзко проявлялась въ былыя времена солидарность родичей, какъ можно судить по рассказамъ стариковъ. Какъ въ прежніе годы, такъ отчасти и теперь еще увозъ дѣвицы считается оскорбленіемъ всему роду; всѣ родичи преслѣдуютъ похитителей; хотя, конечно, болѣе активная роль выпадаетъ на долю однофамиліальныхъ дворовъ, если родъ обнимаетъ нѣсколько фамилій. Нѣкто Хачировъ, въ прежніе годы, рассказываютъ, увезъ дѣвицу Тогаеву; всѣ Тогаевы напали на похитителя и отбили похищенную. Дѣло должно было быть рѣшено третейскимъ судомъ, обязаннымъ помирить враждующіе роды; и вотъ Тогаеву помѣстили до поры до времени въ нейтральное мѣсто, именно, въ семейство князей Крымшамхаловыхъ, такъ какъ дѣло происходило въ Картъ-Джуртѣ, гдѣ „правили“ эти князья. Но родъ похитителя, чувствуя свое превосходство надъ родомъ похищенной, не соглашался идти на мировую сдѣлку. Хотя адатъ запрещалъ врываться въ нейтральный домъ, тѣмъ болѣе княжескій, но на этотъ разъ нормы туземнаго международного права были нарушены, и всѣ Хачировы и Хубіевы—Шатбеклары—напали на этотъ домъ. Адатъ, по преданію, былъ ими первыми нарушенъ, такъ какъ они не понесли законнаго наказанія, т.-е. не подверглись штрафу, который раскладывался на всѣ

дворы нарушившей адать фамилин,—и благополучно увезли невѣсту.

Въ случаѣ убійства однимъ родичемъ другого, виновнаго въ прежнее время, судя по преданіямъ, по совѣщанію стариковъ всѣхъ дворовъ, или изгоняли изъ своей среды, или же продавали на сторону, въ чемъ особенно рѣзко выражалась вся полнота правъ рода надъ своими членами. Убійца лишался всякихъ правъ, дѣлался объектомъ имущественной сдѣлки, отъ него отрекался весь родъ, въ котораго онъ былъ ничто. Въ случаѣ-же убійства родичемъ чужеродца начиналась вражда и нападенія рода на родъ; но, по видимому, въ Карачаѣ кровная месть не носила такого губительнаго характера, какъ среди другихъ горскихъ обществъ; по крайней мѣрѣ, преданіе представляетъ себѣ окончаніе родовой вражды не въ формѣ безконечнаго обоюднаго истребленія членовъ враждующихъ родовъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, а обязательно въ формѣ немедленнаго вмѣшательства князей, какъ представителей высшей власти, умиротворявшихъ враговъ и сводившихъ ихъ на выкупъ. Вообще традиція кровной мести сохранилась въ воспоминаніяхъ тепершняго населенія далеко не такъ рѣзко, какъ, напр., у чеченцевъ или лезгинъ, среди которыхъ месть и сейчасъ еще является болѣе или менѣе жизненнымъ фактомъ. По видимому, въ Карачаѣ чаще практиковался выкупъ, замѣнявшій кровную месть, чему благоприятствовалъ и мирный, мало воинственный характеръ карачаевца-скотовода. На это указываетъ и преданіе о томъ, чѣмъ расквитались съ родней Боташа, присвоившаго себѣ всю землю открытаго имъ Карачая, его убійцы. Какъ выкупъ за убійство, гласитъ преданіе, была проведена оросительная канава для дѣтей Боташа, ставшая ихъ собственностью, тогда какъ, вообще, въ Карачаѣ каналы находятся въ общемъ владѣніи; пользуются ими по-очереди дворы, начиная съ верхнихъ; починка ихъ тоже производится сразу, всѣмъ обществомъ. Канава Боташевыхъ называется кан-липынь, буквально, канава, проведенная за кровь. Отсюда видно, что народныя воззрѣнія относятъ появленіе выкупа на замѣну кровной мести уже ко времени перваго заселенія Карачая; хотя, съ другой стороны, въ подобнаго рода преданіяхъ нельзя видѣть точнаго, хронологическаго указанія на время появленія въ Карачаѣ выкупа, тѣмъ болѣе, что они могли быть придуманы для объясненія, *post factum*.— За убійство въ

старые годы мстили кровью лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда убійца не могъ заплатить выкупа, или родственники убитаго отказывались его принять, предпочитая мечь. Выкупъ производился по опредѣленной таксѣ ¹⁾, въ зависимости отъ общественнаго положенія убитаго и убійцы; при этомъ дѣлалось различіе (уже тогда) между убійствомъ намѣреннымъ и случайнымъ: тогда какъ намѣренное убійство влекло за собой выкупъ въ полномъ размѣрѣ, за случайное брали выкупъ въ меньшемъ количествѣ, если только не состоялось примиренія, обыкновеннаго послѣдствія случайныхъ убійствъ. Но разъ предпочитали кровную мечь, обязанность мщенія падала на членовъ семьи въ такой очереди: сперва мстилъ сынъ убитаго, затѣмъ братья, причемъ не дѣлалось различія между старшимъ и младшимъ; далѣе жена, такъ какъ по адату, если она бездѣтна, она послѣ мужа получаетъ по третейскому суду $\frac{1}{4}$ часть имущества; затѣмъ очередь доходила до ближайшихъ родственниковъ, потомъ до дальнѣйшихъ, т.-е. родичей. Не трудно замѣтить, что обязанность мести идетъ въ порядкѣ призванія обязанныхъ лицъ къ законному наслѣдованію. Въстѣ съ имуществомъ покойнаго наслѣдникъ какъ бы принималъ на себя обязательство исполнить (подразумѣваемую) послѣднюю волю убитаго, отомстить за его кровь. Нечего и говорить, что мечь ограничивалась однимъ только виновникомъ убійствъ; безъ различія въ выборѣ жертвы, когда мщеніе могло быть направлено противъ любого члена изъ рода убійцы, что характеризуетъ собою самую архаическую стадію родовой мести, мы въ карачаевскихъ преданіяхъ не находимъ. Мечь всегда могла быть сведена на выкупъ, или же потерпѣвшій (напр., сынъ убитаго), примирившись, могъ требовать отъ общества выселенія убійцы изъ аула. — Съ другой стороны, если убійство происходило въ предѣлахъ семьи, напр., если отецъ убивалъ сына или наоборотъ, то, очевидно, никто не имѣлъ права требовать выкупа, и никакого наказанія убійца не несъ. Но какъ въ случаяхъ второй категоріи родичи не могли оставаться безучастными къ убійству, такъ и въ случаѣ отцеубійства, — сына убійцу родственники лишали права наслѣдства послѣ отца, или конфисковали его имущество; также какъ и сыноубійца не могъ наслѣдовать убитому сыну; но въ

¹⁾ Этой „обычной“ таксы, къ сожалѣнію, современное населеніе уже не помнитъ.

томъ случаѣ, когда сынъ не былъ отдѣленъ и не имѣлъ своего имущества, то и такихъ послѣдствій не вытекало, и отецъ никакой отвѣтственности за убійство сына не подвергался.

Упомянемъ еще объ отвѣтственности за увѣчья, которымъ подвергался увѣчившій въ прежніе годы. Выкупа за увѣчья мы въ Карачаѣ не находимъ: увѣчившій обязанъ былъ только лѣчить раненаго на свой счетъ; послѣ его выздоровленія, онъ его приглашалъ къ себѣ, устраивая пиръ; одѣвалъ его съ ногъ до головы на свой счетъ и дарилъ лошадь; родители раненаго принимали ранившаго, какъ сына, стараясь тѣмъ закрѣпить состоявшееся примиреніе. Иногда происходило и формальное принятіе ранившаго въ семью раненаго: онъ припадалъ къ груди матери оскорбленнаго имъ и сосалъ ее; этимъ символическимъ актомъ онъ пріобрѣталъ права родного сына ея и равноправнымъ членомъ вступалъ въ семью. — Аналогичный обычай велъ въ Карачаѣ къ прекращенію кровной мести за прелюбодѣяніе, влекшее чрезвычайно суровое отношеніе къ виновному и не допускавшее выкупа. По мнѣнію Ковалевскаго, причиной сурового отношенія къ прелюбодѣянію является „порча крови, введеніе въ семью чужеродцевъ, а известно, что ничѣмъ такъ не дорожитъ родовая группа, какъ чистотой своей крови“. По этому „при готовности прелюбодѣя сдѣлаться членомъ семьи, онъ избавляемъ былъ отъ грозившей ему смерти ¹⁾. Въ Осетіи съ этой цѣлью виновный бралъ въ ротъ обнаженную грудь виновной въ прелюбодѣяніи жены, называлъ себя ея сыномъ и клялся не питать болѣе къ ней порочныхъ чувствъ. Въ Карачаѣ это примиреніе происходило нѣсколько раціональнѣе, именно, тѣмъ путемъ, что виновный становился въ отношеніе приемнаго сына къ матери оскорбленной имъ женщины, а не къ ней самой ²⁾. Съ другой стороны, виновный въ убійствѣ, въ Карачаѣ такимъ актомъ не могъ избавить себя отъ послѣдствій своего преступленія, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что на смѣну мести сталъ выкупъ, котораго родственники убитаго лишиться не желали.

Всѣ нормы, регулировавшія отношеніе родственниковъ убійцы

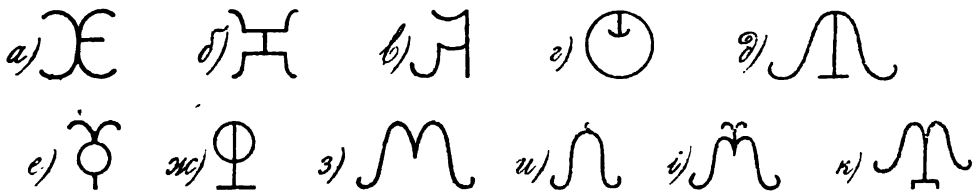
¹⁾ Ковалевскій: Совр. обич. и Древній законъ т. II, 37.

²⁾ Дѣтъ 15 тому назадъ, въ Учкуланѣ, какъ намъ передавали, прелюбодѣя, спасаясь отъ мести, прибѣжалъ къ матери своей жертвы и, прижавши къ ея груди, заявилъ: „ты будь моею матерью, а твоя дочь—мнѣ сестрой“.

къ убійцѣ, опредѣлявшія размѣръ выкупа или порядокъ, въ которомъ родичи должны были осуществлять свое право мести, отошли уже въ область прошлаго, живутъ лишь въ народномъ преданіи. Въ настоящее время и убійства случаются чрезвычайно рѣдко, и влекутъ за собой наказаніе „по закону“, какъ говорятъ туземцы, т. е. по русскому уголовному уложенію о наказаніяхъ, навлекая на виновнаго заключеніе въ острогѣ, и затѣмъ ссылку на каторгу.

Изъ числа фактовъ, указывающихъ на то, что въ прежнее время родовая связь была крѣпче, упомянемъ еще о родовыхъ таврахъ, которыя и понынѣ въ ходу въ Карачаѣ, и родовое происхожденіе которыхъ несомнѣнно.

Родовыя тавра въ Карачаѣ:

Дѣло въ томъ, что мы находимъ, во первыхъ, тавра главныхъ поколѣній ¹⁾, родовъ, изъ которыхъ сложилось карачаевское племя, именно, поколѣнія Наурузовъ, Будіиновъ, Адурхаевъ и Трамовъ, изъ нихъ тавро Наурузовъ имѣетъ даже два различныя начертанія, именно, см. на чертежѣ а и б. Хотя въ настоящее время ими можетъ пользоваться всякій желающій, хотя бы и изъ другого поколѣнія и даже „иногородній“ т. е. не карачаевецъ; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ ими пользуются преимущественно главнѣйшія фамилія даннаго поколѣнія. Такъ, напр., наурузовское тавро мы встрѣтимъ на табунахъ главныхъ наурузовскихъ фамилій—Аджиевыхъ, Кочкаровыхъ и Салпаровыхъ. Двѣ главнѣйшія фамиліи Шатбекларовъ—Хубіевы и Хачирировы имѣютъ общее тавро, черт. е, называемое хубіевскимъ.—Далѣе, мы вслрѣчаемъ тавра княжескихъ фамилій ²⁾, при чемъ

¹⁾ Изображеніе наурузовскаго тавра см. на чертежѣ а и б; адурхаевскаго—в; будіиновскаго—г; и трамовскаго д.

²⁾ Изъ нихъ намъ извѣстны тавра Крымшамхаловыхъ, черт. ж; и Карабашевыхъ черт. з.

тавра князей Крымшамхаловыхъ очень часто встрѣчаются и въ этой „княжеской“ фамилии, этотъ фактъ туземцы объясняютъ тѣмъ, что въ прежніе годы крымшамхаловскія лошади славились своими достоинствами, чѣмъ, конечно, пользовались ловкіе люди, которыми могли являться, во первыхъ, бывшіе крѣпостные этихъ князей, а затѣмъ представители незначительныхъ узденскихъ фамилій, не дорожившіе своимъ происхожденіемъ.—На ряду съ родовыми и княжескими таврами мы встрѣчаемъ, далѣе, тавра фамильныя, а также и семейныя, дворовыя ¹⁾). Потребность изобрѣтеніи послѣднихъ туземцы объясняютъ необходимостью различенія табуновъ въ предѣлахъ одной фамилии или подгруппы ея. Нельзя не замѣтить сходства начертанія фамильныхъ мѣтокъ съ общеродовыми и княжескими. Такъ, напр., тавро Абайхотовыхъ и Байчоровыхъ представляетъ небольшое видоизмѣненіе тавра князей Карабашевыхъ, а фамилія Каракотовыхъ въ Тебердинскомъ аулѣ мѣтитъ лошадей тавромъ тѣхъ-же князей; это обстоятельство, можетъ быть, вызывается тѣми-же корыстными побужденіями, которыя ведутъ (или вели прежде) къ заимствованію многими картъ-джуртскими фамиліями крымшамхаловскаго тавра.—Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что лишь тѣ поколѣнія (подобно, напр., Наурузамъ), члены которыхъ строже сознаютъ свою родовую связь (выражая ее, напр., въ строгомъ соблюденіи экзогаміи), — придаютъ значеніе родовому тавру, а не мѣтятъ своихъ лошадей первымъ попавшимся; въ другихъ же поколѣніяхъ родовое тавро уже въ скоромъ времени потеряетъ свою *raison d'être*, если ея уже не потеряло.—Побужденіемъ къ изобрѣтенію новаго дворового тавра служатъ семейныя раздѣлы, распаденія семейной общины на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ—дворовъ. При раздѣлѣ табуновъ, чтобы опредѣлять, кто изъ раздѣлившихся братьевъ можетъ сохранить обще-семейное тавро, и кто долженъ выдумать новое, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: до раздѣла братья отдѣляютъ изъ семейнаго табуна нѣсколькихъ лошадей, по одной на каждого изъ дѣлящихся; на одну изъ нихъ кладутъ семейное тавро, затѣмъ бросаютъ жребій; эта лошадь достается одному изъ братьевъ, а получившіе не отмѣченныхъ лошадей должны выдумать свое собственное тавро или заимствовать чье-нибудь другое.

¹⁾ Нѣсколько семейныхъ тавръ изображены на чертежахъ: и Кипячевыхъ, і Абайхотовыхъ; к Байчоровыхъ.

Укажемъ еще на нѣкоторые обычаи, подтверждающіе солидарность членовъ рода, или даже всего племени, хотя мало по малу и они выходятъ изъ употребленія. — Когда какой-нибудь карачаевецъ умираетъ, всѣ жители всѣхъ ауловъ Большого Карачая, особенно женщины, посѣщаютъ савлю покойнаго, выражая свое соболѣзнованіе. Въ прежніе годы, еще лѣтъ десять тому назадъ, женщины приносили по кусочку матеріи бѣлаго цвѣта на саванъ; близкіе-же родственники и любимцы покойнаго приносили шелковые куски. — Въ важныхъ случаяхъ своей жизни, напр., при замужествѣ или женитьбѣ какого-нибудь члена фамиліи, карачаевецъ не преминетъ пригласить на торжество всѣхъ однофамильцевъ. — Среди отдѣльныхъ дворовъ есть такіе, которые производятъ себя по прямой линіи отъ родоначальника; главы ихъ пользуются особымъ почетомъ, и въ нимъ всѣ родичи обращаются за совѣтомъ, хотя трудно опредѣлить, можно-ли приписать это ихъ качеству представителей старшихъ родовъ, или только ихъ учености (напр., кадін, муллы въ фамиліяхъ Хачириловыхъ, Салпагаровыхъ), благодаря которой они могутъ „документально“ доказать свое прямое происхожденіе отъ родоначальника. — Но, конечно, солидарность интересовъ сильнѣе чувствуется въ предѣлахъ фамиліи, хотя-бы разросшейся въ нѣсколько десятковъ однофамильныхъ дворовъ. Особенно рѣзко сказывается она въ процессахъ о захватѣ фамильной земли (въ аулѣ) членами другой фамиліи. Дѣла подобнаго рода рѣшались раньше по адату народнымъ судомъ, причемъ судъ предлагалъ въ подтвержденіе своихъ правъ на землю принять присягу *всей* фамиліи. Любопытно въ этомъ отношеніи дѣло, возникшее по поводу захвата земли между фамиліями Голаевыхъ и Чотчаевыхъ, въ Хурзукѣ, съ которымъ намъ удалось ознакомиться въ Хумаринскомъ судебномъ архивѣ (отъ 30 декабря 79 года).

Вотъ начало жалобы одного изъ представителей фамиліи Голаевыхъ—Таусултана, которую мы позволяемъ себѣ привести въ виду ея большого интереса: „на которой землѣ я и ближайшіе родственники мои живемъ и владѣемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; земля эта была занята моими дѣдами, даже прадѣдами, которыхъ я даже припомнить могу; лѣтъ же тому назадъ 30 или 40, жители аула Хурзука, Чотчаевы, какъ въ большомъ количествѣ ихъ фамилія противъ фамиліи нашей, и изъ зависти, желали таковую

отъ насъ совершенно отбить и уже одинъ разъ насильственнымъ образомъ землю ту вспахали и засѣяли хлѣбомъ, который хлѣбъ дѣдомъ и другими родственниками моими былъ избить и потравленъ, о чемъ тогда-же былъ назначенъ между фамиліемъ Чотчаевымъ и нашимъ, по тогдашнему обычаю, нашему народный судъ, который разобралъ такъ: какъ - та земля была занята колѣномъ Голаевымъ, а не Чотчаевымъ, слѣдовательно, послѣднее и не имѣло на то право, причемъ и было предложено Чотчаеву колѣну принять присягу о томъ, что была-ли земля та занята когда-нибудь колѣномъ Чотчаевымъ, которое отъ принятія присяги совершенно отказалось, почему фамилія наша до 1878 года тою землею пользовалась безпрепятственно“. Всѣ однофамильцы, какъ отсюда видно, привлекались къ отвѣтственности за неправомѣрный захватъ нѣкоторыми членами фамиліи чужой земли. — Таково было положеніе дѣлъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія; но и сейчасъ еще, въ случаѣ споровъ и земельныхъ недоразумѣній, привлекаются къ дѣлу всѣ однофамильцы въ качествѣ свидѣтелей, хотя аульный судъ замѣнилъ народный, третейскій, даже въ случаяхъ споровъ въ предѣлахъ одной только фамиліи. — Такъ, напр., нѣкто Урусовъ Алибекъ вздумалъ строить саклю на землѣ двухъ братьевъ Урусовыхъ, Магафира и Хусына; тѣ протестовали и, наконецъ, были вынуждены обратиться къ суду. — Судъ самъ направился на мѣсто постройки и, убѣдившись, что дѣйствительно, Алибекъ занялъ чужую землю, распорядился, кромѣ того, собрать фамиліи Урусовыхъ „собственно для узнанія“, и въ присутствіи ихъ была земля Алибека, Магафира и Хусына, разбита на межи, „почему стороны остались довольны“. — Въ заключеніе упомянемъ еще о внутреннемъ дѣленіи фамильныхъ кварталовъ. Каждый кварталъ — имѣетъ подраздѣленія, носящія т. н. квартальные клочки, по имени предка въ 5 или 6 приблизительно колѣнѣ, *прямое* потомство котораго представляетъ совокупность дворовъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу. Такъ, напр., фамилія Байрамуковыхъ дѣлится на Деболэровъ, Доутлэровъ, Кэмэлэровъ, Зорумлэровъ и т. д., по имени прадѣдовъ, и прапрадѣдовъ теперешняго поколѣнія, достигшаго 30-35 лѣтняго возраста. Каждую саклю нетрудно отыскать по кварталу и квартальной клочкѣ, все равно какъ въ городахъ точнымъ адресомъ служить названіе улицы и номеръ дома. Наглядной иллюстраціей такого дѣленія кварталовъ можетъ

служить прилагаемая таблица ¹⁾ постепеннаго разрастанія фамиліи Байрамуковыхъ изъ Будіяновскаго рода (остальныя фамиліи этого рода въ ней не прослѣжены).

II.

Семейная община.

Не только тѣсно-родственной, но и самостоятельной хозяйственной единицей въ Карачаѣ является „дворъ“, представляющій, какъ мы увидимъ ниже, довольно типичную форму т. н. семейной общины, большой семьи. Большая семья почти повсемѣстно распространена въ Карачаѣ: малыхъ семей намъ почти не приходилось встрѣчать, и въ большинствѣ случаевъ онѣ принадлежали иногороднимъ, т.-е. пришельцамъ со стороны, какъ, напр., городскимъ евреямъ, нѣсколько семействъ которыхъ въ каждомъ аулѣ держатъ лавки и снабжаютъ мануфактурными произведеніями весь Карачай. По составу своему дворы представляютъ сожителство дѣдовъ, отцовъ и внуковъ, иногда правнуковъ; это форма преобладающая; рѣже сравнительно встрѣчается сожителство дядей съ племянниками, т.-е. нераздѣльныхъ братьевъ. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время, послѣ смерти старика, родоначальника двухъ, трехъ поколѣній, большая семья представляется настолько разросшеюся, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь родственниковъ дѣлается затруднительной. Тѣ центро-бѣжные элементы, которые при жизни главы семьи сдерживались его авторитетомъ, теперь обнаруживаютъ свое вліяніе, и большая семья распадается по числу составляющихъ ее отдѣльныхъ семей. Неудивительно также, что самыя многочисленныя „большія семьи“, отличаются наибольшей зажиточностью; большое количество земли, главнымъ образомъ усадебной, позволяетъ дѣлать новыя хозяйственныя пристройки при образованіи новыхъ семей въ предѣлахъ большой семьи путемъ женитьбы ея членовъ, тогда какъ менѣе состоятельныя семьи тѣснота заставляетъ дѣлиться и начинать новыя самостоятельныя хозяйства. Самая многочисленная по числу членовъ семья въ Большомъ Карачаѣ—одна изъ фамиліи

¹⁾ См. на стр. 8—9. Доставлена мнѣ эта таблица учителемъ учкуланской школы Ильясомъ Байрамуковымъ.

Байчоровыхъ, насчитывающая 53 человекъ; Байчорovy считаются самыми богатыми скотоводами, обладателями 2 десятковъ тысячъ овецъ и табуновъ въ нѣсколько тысячъ головъ. Такого рода факты, подтверждающіе соединеніе зажиточности съ многочисленностью семей, аульные старики приводятъ въ примѣръ того, что лишь нераздѣльные семьи достигаютъ богатства, дѣлая при этомъ нѣсколько неправильное умозаключеніе, такъ какъ именно богатство даетъ возможность долѣе не раздѣляться, а не наоборотъ—нераздѣльность хозяйства ведетъ къ благосостоянію. Въ среднемъ число членовъ ¹⁾ карачаевского двора колеблется между 15—25 человекъ; встрѣчаются семьи и съ большимъ и съ меньшимъ числомъ членовъ, но рѣдко; семья въ 30, 35 человекъ составляетъ уже исключеніе. Приведу здѣсь, кстати, карачаевскіе термины для обозначенія видовъ родства. Тюркскіе языки не особенно богаты такими словами. Такъ и карачаевское нарѣчіе большинство видовъ родства выражаетъ описательно, прибѣгая къ сложнымъ, составнымъ словамъ. Особые названія мы находимъ только для обозначенія отца (атá), матери (анá), сына (джашъ), дочери (кызъ), брата (карнашъ) и сестры (эгечъ). Дѣдъ по матери и по отцу обозначается черезъ улú (старшій) атá, бабка—черезъ улú анá; хотя надо замѣтить, что дѣдъ по матери чаще обозначается черезъ ананí атасí,—буквально отецъ матери. Для обозначенія племянника и племянницы карачаевецъ строитъ очень длинные составные термины; племянникъ (отъ брата)—карнаш-дантуганъ (буквально уроженецъ (туганъ) отъ (дан-исх. пад.) брата (карнашъ)); племянница именуется карнашъ-дан-туган-кызъ. Внукъ называется сыномъ сына; внучка—дочерью сына; дядя—братомъ отца или матери; тетка—сестрой отца или матери. Напр.: внукъ—джашдантуганджашъ; внучка—джашдантуганкызъ; двоюродный братъ (сестра)—экí (два) карнашдантуганджашъ (кызъ). Дядя по отцу—ата карнашъ; дядя по матери—ана карнашъ; тетка—атá эгечъ и анá эгечъ.

Съ внѣшней стороны „дворъ“ представляетъ собой нѣсколько

¹⁾ Вотъ составъ нѣсколькихъ семей Сентинскаго аула: 1) Семья Чогарова, старика 74 лѣтъ, состоятъ изъ 5 сыновей, 9 внуковъ, его жены, 5 снохъ и 8 внучекъ—всего 29 человекъ. 2) Дворъ Батырбека Карабашева, старшаго брата, состоятъ изъ его 6 братьевъ, его 5 сыновей и 3 племянниковъ отъ братьевъ, 3 дочерей и 3 племянницъ, одной внучки и матери втораго брата. Изъ 7 братьевъ—5 женатыхъ; всего 23 человекъ и т. д.

сакель, по большей части примыкающих другъ къ другу, вытянутыхъ въ одну линію и соединенныхъ общей крышей. Еще чаще большая семья размѣщается въ длинной постройкѣ, иногда въ нѣсколько десятковъ шаговъ длины, раздѣленной на нѣсколько помѣщеній съ отдѣльными входами въ каждое, при чемъ всѣ входы обращены къ одной сторонѣ. Противъ лицевой стороны такого дома расположенъ дворъ съ хозяйственными пристройками, конюшнями и амбарами. Глава семьи, отецъ съ женой и съ незамужними дочерьми, занимаетъ особую саклю. Отдѣльныя сакли отводятся и для женатыхъ сыновей съ ихъ семьями, между тѣмъ какъ холостые помѣщаются всѣ въ одной общей саклѣ. При женитьбѣ сыновей къ главному дому, при немъ нѣтъ свободныхъ сакель, дѣлаются пристройки. Въ зажиточныхъ семьяхъ встрѣчается и кунацвая, т.-е. отдѣльное помѣщеніе для гостей. Большая семья состоитъ такимъ образомъ исключительно изъ близкихъ, кровныхъ родственниковъ; изъ постороннихъ во дворѣ живутъ лишь наемные работники; иногда же проживаетъ и какой-нибудь бѣднякъ одноаулецъ, котораго пріютила данная семья. Какъ на чрезвычайно рѣдкое исключеніе въ Карачаѣ, можно указать и на такіе случаи, что какой-нибудь бездѣтный старикъ ¹⁾ принимаетъ къ себѣ постороннюю семью, усыновляетъ ее и оставляетъ ей по завѣщанію свое родовое имущество. Если такой пріемной семьѣ усыновитель захочетъ оставить имущество, онъ обязанъ сдѣлать завѣщаніе, иначе, по адату, его имущество переходитъ къ его кровнымъ родственникамъ, или же вообще, къ однофамильцамъ. Какими причинами вызывается усыновленіе—трудно сказать: религіозные мотивы тутъ едва-ли играютъ роль; вѣрнѣе всего, что усыновитель не желаетъ себя видѣть одинокимъ, или не хочетъ передавать имущества неприятнымъ для него родственникамъ. Во всякомъ случаѣ усыновленіе случается рѣдко и члены большой семьи связаны, какъ общее правило, кровной связью.—Каждая большая семья называется именемъ своего главы и квартальной кличкой. Глава семьи, отецъ, занимаетъ первенствующее положеніе въ семьѣ, носящей строго патріархальный характеръ. Всѣ члены семьи находятся въ одинаково подчиненномъ и безправномъ поло-

¹⁾ Такой случай имѣлъ мѣсто недавно въ Учкуланѣ: уденъ, старикъ Алботовъ принялъ къ себѣ семью своихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

женіи по отношенію къ домовладыкѣ; власть его, въ теоріи по крайней мѣрѣ, такъ же неограничена, какъ власть его древнеримскаго собрата. Свойственное всѣмъ кавказскимъ горцамъ уваженіе къ старикамъ, и требованіе безусловнаго повиновенія отцу, выставленное шаріатомъ, соединяются, чтобы еще рѣзче подчеркнуть абсолютный характеръ власти отца. Безспорно, что именно мусульманство дѣйствовало въ этомъ направленіи и до нѣкоторой степени изгладило черты, указывавшія на прежнюю ограниченность домовладыки въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ (о чемъ мы скажемъ ниже), характеризующую принадлежность послѣдняго семейной общинѣ, какъ субъекту права собственности. — Отцу, какъ главѣ семьи, всѣ члены обязаны безусловнымъ повиновеніемъ. Лишь за послѣднее время стали встрѣчаться случаи столкновенія молодого поколѣнія со стариками: они происходятъ, напр., когда сынъ занимаетъ какую-нибудь общественную должность, какъ-то старшины и т. п. Въ виду того, что въ Карачаѣ „политическія“ причины требуютъ отъ должностныхъ лицъ особыхъ качествъ, часто идущихъ въ разрѣзъ съ прежними воззрѣніями карачаевцевъ, имъ приходится выдерживать столкновенія со стариками, какъ представителями стараго, адатнаго начала, причемъ въ этомъ неравномъ боѣ побѣдителями выходятъ, конечно, новые администраторы и принципъ безусловнаго повиновенія старшимъ страдаетъ; напр., младшій членъ семьи, какъ старшина, укоряетъ главу семьи за несвоевременный взносъ податей и т. п. Но это, конечно, исключительные случаи. Сынъ обязанъ оказывать отцу всякіе внѣшніе знаки почтенія и уваженія, напр., вставать, когда отецъ входитъ и т. д.

Преданія о прежнихъ порядкахъ, господствовавшихъ въ Карачаѣ, говорятъ, какъ мы уже упоминали, что въ случаѣ убійства отцомъ сына, первый остается безнаказаннымъ. Но изъ безнаказанности преступленія, какъ вѣрно замѣчаетъ Ковалевскій, нельзя дѣлать вывода о правѣ на совершеніе преступнаго дѣянія. Условія родового быта требовали наказанія въ формѣ мщенія, а разъ мстителю не было, очевидно и преступленіе должно было остаться неотмщеннымъ, т. е. ненаказаннымъ. Далѣе, въ Карачаѣ отецъ (въ теоріи) всецѣло опредѣляетъ судьбу своихъ дѣтей и распоряжается ихъ рукой, хотя мусульманское законодательство въ этомъ „правѣ“ сдѣлало значительную брешь, именно

въ его правѣ распоряжаться рукой дочерей. Во всякомъ случаѣ, не говоря о „правахъ“, отецъ имѣеть фактическую возможность не допустить брака своего сына, отказавъ ему въ калымѣ, или же, наоборотъ, побудить сына ко вступленію въ бракъ, обѣщая большой калымъ и тѣмъ давая возможность сыну взять, въ жены самую красивую, богатую и знатную невѣсту. Распространенъ въ Карачаѣ и обычай еще въ малолѣтствѣ обручать своихъ дѣтей, напр., сына съ какой-нибудь дѣвочкой, дочерью своего хорошаго пріятеля. Соглашеніе стариковъ имѣеть по адату юридическое значеніе: когда дѣти выростутъ, обязательство ими расторгнуто быть не можетъ. Семейные споры и ссоры безапелляціонно рѣшаются главой семьи; ни въ какихъ семейныхъ совѣтахъ онъ не нуждается; лишь въ случаѣ важнаго проступка члена семьи, совѣщается онъ съ женатыми сыновьями, но рѣшающаго значенія ихъ совѣты не имѣють никакого. Въ своей семейной жизни подвластный сынъ подчиненъ отцу; въ случаѣ отказа, напр., наказать по требованію отца свою жену, непокорный сынъ можетъ быть выгнанъ изъ дому безо всего; ни родственники своими совѣтами не помогутъ, ни аульный сходъ протеста не окажетъ. Только въ брачныхъ дѣлахъ семейный совѣтъ играетъ нѣкоторую роль, хотя тоже второстепенную.—На главѣ семьи лежитъ, главнымъ образомъ, все управленіе семейнымъ имуществомъ: скотоводство, арендованіе участковъ, опредѣленіе времени сѣнокосенія и посѣвовъ. Онъ распредѣляетъ наличныхъ членовъ семьи на работы и контролируетъ ихъ дѣйствія. Черезъ свою главу семья входитъ въ сношенія съ мѣстнымъ начальникомъ, аульными властями; съ нимъ имѣють дѣло сборщики податей, падающихъ на цѣлый дворъ; на судѣ, когда глава семьи фигурируетъ въ качествѣ свидѣтеля, слово его имѣеть больше значенія, чѣмъ показанія подчиненныхъ членовъ семьи, и въ случаѣ разногласія въ показаніяхъ, ему судъ даетъ больше вѣры.—Глава семьи—отецъ—не только главный распорядитель, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полновластный хозяинъ всего семейнаго имущества, которое принадлежитъ ему, по увѣренію карачаевцевъ, на правѣ полной собственности. Какъ собственникъ, онъ не ограниченъ въ правѣ распоряженія имъ и даже можетъ отчудить его въ другія руки (залогъ карачаевцамъ не извѣстенъ), или же растратить до послѣдней копейки. Никто изъ подвластныхъ не можетъ опротестовать его

распоряженій. Различія между родовымъ имуществомъ и нажитыми трудами членовъ семьи не дѣлается никакого, по крайней мѣрѣ, при жизни главы; оно имѣетъ значеніе только при наследованіи; какъ тотъ, такъ и другой родъ имущества принадлежать главѣ семьи—отцу—на правѣ полной собственности. И не надо думать, что такое право существуетъ лишь въ теоріи и не находитъ себѣ примѣненія на практикѣ. Въ Карачаѣ уже извѣстно нѣсколько случаевъ растраты всего состоянія главами семьи, и никакія жалобы членовъ семьи не помогали, пока, наконецъ, семья не была вынуждена прибѣгнуть къ покровительству русской власти, обратиться къ суду; общество-же лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказываетъ поддержку сыновьямъ противъ столь легкомысленныхъ отцовъ; сосѣди-же, съ своей стороны, съ интересомъ слѣдятъ за процессомъ растраты имущества, стараясь повыгоднѣе воспользоваться ей. Очевидно, при такомъ характерѣ власти домовладыки, онъ въ своихъ имущественныхъ распоряженіяхъ не связанъ никакой отчетностью членамъ семьи; контролировать его дѣйствія они не смѣютъ.

Сыновья въ имущественномъ отношеніи совсѣмъ безправны, своего *rescitur*'а они не имѣютъ за немногими лишь исключеніями. Такое исключеніе составляютъ подарки, дѣлаемые имъ родственниками и друзьями. Иногда сынъ воспользуется любовью къ себѣ отца и выпроситъ у него нѣсколько штукъ скота; это составляетъ его собственность; но справедливость требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ и другіе сыновья что-нибудь получили, и вотъ отецъ и ихъ надѣляетъ скотомъ. Бываетъ и такъ, что любящій дѣдъ, при опасной болѣзни внука, даетъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, подарить ему лошадь или корову, и затѣмъ исполняетъ свое обѣщаніе. Но подарки составляютъ единственный источникъ образованія частнаго имущества подвластныхъ сыновей, а подарками, конечно, трудно составить себѣ значительное состояніе и выйти изъ имущественной зависимости отца. Въ правильно организованныхъ дворахъ, представляющихъ въ Карачаѣ нормальный типъ, существуетъ общая семейная касса, въ которую поступаютъ всѣ заработанныя членами семьи деньги, и деньги, вырученныя изъ продажи продуктовъ скотоводства; изъ общей кассы удовлетворяются всѣ потребности большой семьи и вносятся подати. Ею завѣдуетъ отецъ, который всецѣло распоряжается трудомъ сво-

ихъ подвластныхъ. Онъ отъ своего имени заключаетъ договоры личнаго найма, по которымъ его малолѣтніе сыновья и внуки поступаютъ въ услуженіе, въ работники, за опредѣленное вознагражденіе натурой и деньгами. Такіе договоры, въ которые часто вступаютъ малозажиточные хозяева, встрѣчаются нерѣдко и обыкновенно заключаются на 5 лѣтъ. Въ случаѣ неисправной уплаты слѣдующаго вознагражденія, отецъ предъявляетъ искъ къ нанимателю; онъ-же по иску нанимателя отвѣчаетъ за неисправность отданнаго въ работники сына; деньги, слѣдующія за работу, разумѣется, идутъ отцу, или въ семейную кассу. Совершеннолѣтній членъ семьи можетъ отправиться на заработки только съ согласія или по приказанію отца; всѣ заработанныя деньги онъ обязанъ отдать при возвращеніи цѣликомъ въ общую кассу; удержать онъ ничего не смѣетъ, развѣ только это удастся ему сдѣлать скрытно. Если на сторонѣ онъ проживаетъ долго, то обязанъ отъ времени до времени присылать въ семью свой заработокъ; смотря по тому присылалъ онъ его или нѣтъ, онъ можетъ сохранить свое право на общее имущество и вернуться равноправнымъ членомъ въ семью. Во время его отсутствія его семья, т. е. жена и дѣти, непосредственно подчиняется отцу, разницы въ ихъ положеніи почти не замѣчается. Какъ-бы долго членъ семьи ни проработалъ на общую пользу, онъ все-же не въ правѣ распоряжаться ни одной частью семейнаго имущества и права завѣщать что-нибудь (напр., свою предполагаемую долю) онъ не имѣетъ. Какъ бы различенъ ни былъ заработокъ отдѣльныхъ членовъ семьи, они въ одинаковой мѣрѣ обязаны отдать его цѣликомъ въ общую кассу. Лишь въ самое послѣднее время, за такими членами семьи, которые по своему общественному положенію или образованію стоятъ выше другихъ, признается право удерживать нѣкоторую часть своихъ доходовъ, необходимую имъ для поддержанія ихъ общественнаго положенія. Напримѣръ, сельскій учитель, получающій 200 р. жалованья, отдаетъ лишь половину, т. е. столько, во сколько-бы онъ оцѣнилъ свой трудъ, если бы былъ зауряднымъ членомъ семьи. Изъ общей кассы дѣлаются всѣ необходимые расходы по семьѣ; изъ нея дается приданое дочерямъ и внукамъ; отецъ и мать послѣднихъ сами имущественно безправны и снабдить дочь приданнымъ не могутъ.

Изъ общаго достоянія уплачивается калымъ при женитьбѣ сы-

новой и внуковъ. Такъ какъ семья отвѣчаетъ за проступки своихъ членовъ, то и *obligationes ex delicto* падаютъ на нее и гражданскія взысканія, къ которымъ присужденъ членъ семьи, напр., по кражамъ скота, весьма многочисленнымъ въ Карачаѣ, уплачиваются изъ общаго имущества. Обязываться лично подвластный членъ семьи не можетъ, да едва ли кто и рѣшится вступить съ нимъ въ сдѣлку имущественнаго характера, зная, что имущества у него нѣтъ. Обязываться отъ имени отца онъ можетъ только съ его согласія. Согласія, явно выраженнаго, не требуется, разъ оно подразумѣвается само собой. Такъ, напр., въ отсутствіе старика управленіе хозяйствомъ ведется его взрослыми сыновьями, находящимися въ домѣ; они, конечно, могутъ сами заарендовать, не требуя спеціальнаго разрѣшенія, участокъ земли, обыкновенно, изъ году въ годъ, заарендовываемый отцомъ ¹⁾, принять уплату долга отъ должника отца, разсчитаться съ кредиторами изъ семейнаго имущества, разъ эта уплата необходима и т. п.; послѣдующая *ratihabitio* отца предполагается.—Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда сынъ имѣетъ свое болѣе или менѣе значительное имущество, въ формѣ, напр., участка земли, подареннаго отцомъ, онъ, конечно, можетъ по нему вступать въ обязательства, и гражданскія взысканія, напр., за потраву, идти въ его пользу, хотя и въ этомъ случаѣ отецъ, какъ законный представитель, предъявляетъ искъ за него и выступаетъ на судѣ въ роли отвѣтника. Когда предметомъ даренія со стороны отца сыну является ключевъ земли, то составляется при аульномъ правленіи письменный актъ, въ которомъ отецъ лишаетъ себя права отобрать у сына свой подарокъ ²⁾.—Отецъ, какъ глава семьи, держитъ въ своихъ рукахъ управленіе ею до самой своей смерти. Даже въ случаѣ

1) Если отецъ поручаетъ сыну заарендовать участокъ земли, сынъ въ настоящее время представляетъ судебнымъ порядкомъ совершенное удостовѣреніе въ томъ, что имѣетъ имущества на такую-то сумму; оно пишется на его имя, но лишь съ согласія отца, когда отецъ не можетъ почему-либо лично арендовать землю.

2) Любопытна дарственная запись, въ которой „Хаджи Таусултагъ Крымшамхаловъ даритъ безвозмездно (!) въ вѣчное и потомственное владѣніе ключевъ земли, находящійся въ его дворѣ, имѣющій въ длину 11 арш. и въ поперечину $5\frac{1}{2}$; съ тѣмъ, чтобы сынъ на свой счетъ ее застроилъ“; и даритъ еще „смежный съ этой землею жилой домъ, устроенный по азіатскому образ-

неспособности старика къ управленію (а такіе случаи бывають нерѣдко, такъ какъ карачаевцы отличаются долговѣчностью, доживаютъ до глубокой старости и не рѣдкость между ними встрѣтить старцевъ 110 и даже 120 лѣтъ), овъ все же, безъ своего согласія не можетъ быть отстраненъ отъ хозяйства дѣтьми. Обращеніе дѣтей къ суду происходитъ очень рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., неумѣлыя распоряженія старика, выжившаго изъ ума, грозятъ подорвать благосостояніе семьи, или когда старикъ безъ основательной причины прогнать сыновей, не давъ имъ никакого имущества и т. д. Судъ въ такихъ случаяхъ, руководствуясь русскимъ законодательствомъ, отстраняетъ главу семьи, признавая его слабоумнымъ и отдавая подъ опеку, и передаетъ управленіе семьею старшему сыну. Но такіе рѣдкіе случаи возбуждаютъ всеобщее негодваніе и считаются нарушеніемъ принципа безусловнаго повиновенія отцу. Въ большинствѣ же случаевъ, даже въ виду явной неспособности старика къ управленію, суда стараются избѣгать, и власть фактически переходитъ къ слѣдующимъ по возрасту членамъ семьи, тогда какъ номинально главой семьи считается устранимый отъ дѣла старикъ. — При ознакомленія со всѣми этими данными, которыя мы наблюдаемъ въ Карачаѣ, невольно возникаетъ вопросъ, кто же, собственно, долженъ считаться субъектомъ имущественныхъ правъ, совокупность которыхъ составляетъ матеріальный субстратъ большой семьи? Глава ли ея, родоначальникъ двухъ, трехъ поколѣній, ее составляющихъ, или же такимъ субъектомъ является сама община, какъ форма общественнаго обладанія, или, вѣрнѣе, совокупность ея членовъ, пользующихся въ этой формѣ имущественнымъ правомъ? Второму выводу противорѣчитъ то обстоятельство, что, по увѣренію самихъ карачаевцевъ, отецъ, какъ глава семьи, есть собственникъ всего имущества. Если и можно заподозрить, имѣютъ ли карачаевцы ясное представленіе о правѣ собственности и не смѣшиваютъ ли они его съ видимымъ осуществленіемъ его главой семьи, который управляетъ имуществомъ, распоряжается имъ и собираетъ доходы, — то во всякомъ случаѣ факты растраты отцомъ всего семейнаго достоянія, не вызывающіе протестъ

цу, имѣющій въ длину 16 арш. и въ поперечину 7". Въ заключеніе Хаджи лишаетъ себя навсегда права отбѣгать у сына подаренную землю и постройку (Изъ общ. догов. К.-Джурта 97).

со стороны аульнаго общества, право отца прогнать сына, не давъ ему никакого имущества, на которое сынъ, очевидно, имѣлъ бы право, если бы оно было общимъ достояніемъ всей семьи т.-е. всѣхъ ея членовъ,—должны, повидимому, убѣдить насъ въ томъ, что собственникомъ является отецъ—глава семьи. Съ другой стороны существованіе общей семейной кассы, въ которую идутъ заработки членовъ семьи и доходы съ ея имущества, непризнание частной собственности членовъ семьи на продукты сельскаго хозяйства, далѣе, семейный коммунизмъ, распространяющійся (какъ мы увидимъ ниже) даже на потребленіе, всѣ эти черты, характерныя, какъ показываетъ сравнительная исторія права, для семейной общины въ ея чистомъ видѣ, сохранились и въ Карачаѣ, и заставляютъ предположить, что факты, приведенные выше и противорѣчащіе этому выводу, составляютъ исключеніе изъ общаго правила, явились подъ чужимъ воздѣйствіемъ, и только искажаютъ типичныя черты семейной общины; къ тому же они могутъ допустить и иное объясненіе. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отецъ прогоняетъ сына безъ имущества, нельзя ли видѣть радѣнія его объ интересахъ семьи, которой грозитъ опасность отъ ея негоднаго члена, конечно, при томъ лишь условіи, что сынъ изгоняется по основательной причинѣ и на его изгнаніе предполагается согласіе всѣхъ членовъ общины? Случаи же неосновательнаго лишенія члена семьи его доли въ семейномъ имуществѣ исключительны и составляютъ продуктъ новѣйшаго времени; чаще всего это злоупотребленіе престарѣлаго главы семьи своею властью, которая не предусматрѣна адатомъ; именно поэтому они заставляютъ изгнанника обращаться къ защитѣ горскаго суда и возбуждать вопросъ объ умственныхъ способностяхъ домовладыки. Обыкновенно-правовой взглядъ и настоящее отношеніе общества къ такимъ случаямъ злоупотребленія отцовской властью, хотя слабо, но все же иногда сказываются. Такъ, напр., не вмѣшиваясь самъ никогда въ семейныя дѣла, пока спорящіе къ нему не обратятся, аульный судъ, органъ общественнаго мнѣнія, въ случаѣ явной неосновательности изгнанія сына, считаетъ иногда нужнымъ заявить, напр., „чтобы сынъ у отца получилъ клочекъ земли“ и т. п. Но такой скромный совѣтъ не имѣетъ обязательной силы для отца, тѣмъ болѣе, что дѣло семейнаго характера, о выдѣлахъ и раздѣлахъ и т. д., не входятъ въ компетенцію аульнаго суда, а под-

лежать горскому, словесному, съ предсѣдателемъ, русскимъ чиновникомъ, во главѣ. Но тутъ надо замѣтить, что, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ „о неосновательномъ прогнаніи“ отцы находятъ полную поддержку въ обрусительныхъ тенденціяхъ горскаго суда, не принимающаго въ соображеніе обычныхъ воззрѣній карачаевцевъ, и старающагося, гдѣ только возможно, изгнать адатъ, замѣнивъ его русскимъ законодательствомъ. Вотъ почему, принимая жалобы прогнанныхъ сыновей на неосновательность ихъ изгнанія, судъ руководствуется исключительно соответствующими статьями русскаго гражданскаго кодекса. А такъ какъ „полное разьединеніе имущественныхъ интересовъ родителей и дѣтей составляетъ основное начало нашего законодательства“, ¹⁾ то судъ никогда не входитъ въ оцѣнку мотивовъ, которыми руководствовался отецъ, изгоняя сына, если только не затронуть вопросъ объ умственныхъ способностяхъ перваго; тогда судъ, руководствуясь тѣмъ же законодательствомъ, устраняетъ его отъ веденія хозяйства; но разъ этого нѣтъ, онъ интересуется лишь тѣмъ, достигъ ли истецъ совершеннолѣтія, послѣ котораго онъ, на основаніи 172 статьи, не имѣетъ права требовать содержанія отъ родителей, или же нѣтъ; и въ первомъ случаѣ отказываетъ ему въ искѣ, заявляя, что „онъ, какъ совершеннолѣтній, можетъ самостоятельно зарабатывать себѣ пропитаніе“. Такимъ образомъ русское законодательство даетъ санкцію тѣмъ исключительнымъ отношеніямъ, которыя не имѣютъ санкціи обычно-правовой, и возводитъ исключеніе въ общее правило; отрицая тотъ юридическій фундаментъ, на которомъ покоится семейная община, оно ускоряетъ процессъ разложенія послѣдней.

Объ руку съ русскимъ законодательствомъ идетъ мусульманское право, тенденціи котораго очень сильны въ Карачаѣ, требующее безусловнаго повиновенія родительской власти; вліяніе его болѣе всего сказывается именно въ тѣхъ семейныхъ общинахъ, гдѣ главой является отецъ, и еще рѣзче подчеркиваетъ преимущественное положеніе главы семьи. Въ семьяхъ такого состава отецъ уже потому можетъ считать именно себя собственникомъ, что вѣдь онъ унаслѣдовалъ дворъ при раздѣлѣ съ братьями; благодаря его стараніямъ и хлопотамъ, неусыпному контролю надъ дѣйствіями членовъ семьи и умѣлому веденію хозяйства, оно достигло такого благосостоянія, которое даетъ возможность удовле-

¹⁾ Мейеръ—Рус. гражд. право стр. 612.

творять потребностямъ нѣсколькихъ десятокъ его нисходящихъ. Семья семейнымъ имуществомъ обязана главнымъ образомъ ему и невольно начинаетъ смотрѣть на него, какъ на полнаго собственника всего имущества. Общинное происхожденіе послѣдняго, доставшагося въ свое время на долю главы семьи, упускается изъ виду. Но вотъ почему также общинный характеръ не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ семьяхъ, гдѣ сожительствуютъ дяди съ племянниками.

Послѣ смерти отца, главы семьи, управление переходитъ въ руки его вдовы, если она жива, или старшаго сына, если семья не предпочтетъ раздѣлиться на отдѣльные дворы. Переходъ управления отъ отца къ старшему сыну—обычный; лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда старшій сынъ явно помѣшанный, онъ устраняется отъ веденія хозяйства, и его мѣсто заступаетъ слѣдующій братъ; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такому неспособному оказывается внѣшній почетъ; онъ занимаетъ первое мѣсто за столомъ, при его входѣ братья встаютъ и т. д. Большакъ изъ братьевъ непременно долженъ быть женатъ и, по большей части, такъ и бываетъ въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что старшій братъ, по адату, женится раньше младшихъ. Большакъ — старшій братъ, по своей власти далеко уступаетъ главѣ семьи—отцу: братья равноправные хозяева общаго имущества, а не безправные сыновья своего отца, не имѣющіе своей собственности. Такія отношенія ясно сказываются, напр., въ правѣ младшихъ братьевъ даже судомъ требовать отъ старшаго исполненія тѣхъ дѣйствій, на которыя онъ уполномоченъ, какъ главный управитель, завѣдующій семейной кассой. Напр., если старшій братъ не выплачиваетъ калыма, слѣдуемаго женѣ младшаго брата, тотъ судомъ можетъ его требовать, и судъ присуждаетъ большака „отдать изъ общаго достоянія столько-то въ уплату калыма“. Такія требованія едва-ли бы могъ предъявлять подвластный сынъ по отношенію къ отцу, если-бы противъ воли послѣдняго вступилъ въ бракъ. Однимъ словомъ, тѣхъ естественныхъ преимуществъ, которыми обладаетъ глава семьи отецъ, старшій братъ не имѣетъ. Только по отношенію къ малолѣтнимъ братьямъ старшій братъ пользуется правами отца: можетъ ихъ отдавать въ работники, отъ своего имени заключая договоръ личнаго найма и самъ получая искъ изъ него; но, разумѣется, заработокъ брата онъ обязанъ отдать въ общую кассу. Авторитетъ, которымъ онъ пользуется, зависитъ исключительно отъ его лич-

ныхъ качествъ, отъ его умѣнія поставить себя; при неумѣніи братьевъ уладить свои взаимныя отношенія, каждый изъ нихъ имѣеть право требовать раздѣла, или по крайней мѣрѣ выдѣла; такое требованіе старшій братъ обязанъ исполнить непрекословно. Далѣе, нераздѣльный братъ можетъ даже продать постороннему лицу принадлежащую ему часть общаго имущества, свою идеальную долю въ недвижимости, причемъ покупатель „впредь до раздѣла долженъ пользоваться участкомъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ пользовался продавецъ, а также и такой-же частью“¹⁾. Такія продажи стали встрѣчаться лишь въ послѣднее время и въ купчихъ подобнаго рода, продавецъ, какъ-бы чувствуя нѣкоторую неправомѣрность своего акта, связываетъ себя неустойкой на тотъ случай, если онъ нарушитъ условіе продажей участка въ другія руки, или если его наслѣдники будутъ вмѣшиваться въ эту продажу и опорочивать сдѣлку.

Внутреннимъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдуетъ свекровь, когда семья находится подъ властью отца, или-же большухой (употребляя терминъ, обозначающій старшую хозяйку въ большихъ семьяхъ великорусскаго сѣвера) является жена большака старшаго брата. Свекровь ежедневно, рано утромъ, распределяетъ продукты домашняго хозяйства по саклямъ, составляющимъ дворъ: молоко, баранину, дрова, шерсть,—все до послѣдней мелочи; она же отъ времени до времени раздаетъ платья снохамъ, черкески, чевяки и бурки сыновьямъ; все это идетъ изъ семейнаго имущества, по усмотрѣнію свекрови. Въ большинствѣ семей коммунизмъ распространяется и на потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ, — существуетъ общій столъ. Въ опредѣленное время къ нему въ общую столовую собираются всѣ наличные члены семьи, и свекровь распределяетъ между ними пищу и оставляетъ отсутствующимъ ихъ долю до возвращенія. Но въ нѣкоторыхъ семьяхъ (въ меньшинствѣ) общаго стола не существуетъ и хозяинъ каждой сакли, отведенной въ его пользованіе, обѣдаетъ со своей семьей отдѣльно. Свекровь имѣеть большую власть надъ всѣмъ женскимъ населеніемъ семьи, какъ распорядительница продуктовъ питанія и одежды; ладить съ ней необходимо каждой снохѣ; не взлюбится ей почему-либо сноха, свекровь можетъ настоять на томъ, чтобы отецъ потребовалъ отъ сына удаленія жены; или же можетъ прямо голо-

¹⁾ Изъ сдѣлокъ и договоровъ Картъ-Джурта за 1897 г.

домъ извести ее и ея дѣтей, отказывая ей въ самомъ необходимомъ, урѣзывая пишу и принуждая сноху закладывать свои вещи или обращаться за помощью къ своимъ родственникамъ. Женатые сыновья, находясь въ полной зависимости отъ родителей, не имѣя ничего своего, не могутъ помочь своимъ женамъ. — На свекрови лежитъ завѣдываніе огородомъ, принадлежащимъ двору; обыкновенно снохи, находясь въ ладу со свекровью, выпрашиваютъ по грядкѣ, которая идетъ въ ихъ пожизненное пользованіе и служитъ иной разъ значительнымъ подспорьемъ семьѣ. — Въ веденіи домашнего хозяйства болѣе трудныя работы возлагаются свекровью на замужнихъ женщинъ, болѣе легкія, а иногда и никакихъ, на незамужнихъ дочерей и ввучекъ. Приготовленіе пищи, напр., составляетъ обязанность снохъ, которыя чередуются по днямъ; не избавляется отъ этой обязанности и та сноха, у которой есть взрослая дочь дѣвушка; вообще же дочери находятся подъ покровительствомъ своихъ матерей, которыя ихъ избавляютъ отъ черной работы. Свекровь, не соблюдая очереди, можетъ приказать той или другой снохѣ приготовить одежду для нея и для ея мужа, т. е. свекра, и отказаться отъ работы сноха не смѣетъ. Кроимъ приготовленія пищи для общаго стола, на обязанности снохъ лежитъ изготовленіе одеждъ для ихъ семей, но лишь съ особаго разрѣшенія свекрови; чаще-же всего изготовленные всѣми снохами черкески распределяются лично свекровью. — Въ одинаково безправномъ положеніи съ братьями находятся незамужнія сестры, между тѣмъ какъ снохи имѣютъ частную собственность въ формѣ калыма и приданаго. Даже все, что женщины пріобрѣтаютъ случайнымъ путемъ, онѣ обязаны возратить въ общую кассу. Изготовленные на продажу вещи (бурки) продаются по усмотрѣнію всѣмъ завѣдующей свекрови. Положеніе дѣвушекъ въ семьѣ нѣсколько выгоднѣе положенія замужнихъ женщинъ. Избавленные отъ трудныхъ работъ, онѣ служатъ баловнями семьи; золовки всячески за ними ухаживаютъ, при вступленіи въ семью дѣлаютъ подарки. Нѣкоторую частную собственность дѣвушки имѣютъ въ видѣ шкатулокъ, кисетиковъ и т. п., которыми въ изобиліи снабжаютъ ихъ изъ своего имущества матери, заботливо готовя имъ приданое. Любопытенъ обычай, по которому сестры себѣ, въ исполненіе приданаго, могутъ наворовать нѣсколько мѣръ ячменя. На такой поступокъ братья смотрятъ сквозь пальцы и только по-

смѣиваются.—Осенью, когда съ кошей привозятъ шерсть, свекровь, отобравъ матеріалъ для пряжи, въ количествѣ, необходимомъ для удовлетворенія потребностей семьи, остатокъ, обыкновенно, дарить снохамъ, а матери отдаютъ дочерямъ шерсть, которая также составляетъ ихъ частную собственность. Каждая дѣвушка до своего замужества старается накопить себѣ такими случайными путями какъ можно больше имущества; но въ крайней нуждѣ семья въ лицѣ своего главы имѣетъ право отобрать у дочерей и снохъ то, что онѣ себѣ такимъ путемъ накопили, но только съ ихъ согласія и подъ условіемъ вернуть такую-же сумму при первой возможности.

Въ положеніи членовъ семьи, управляемой старшимъ братомъ, мы находимъ мало отличій отъ положенія членовъ семьи, живущей подъ властью отца: внутренніе распорядки тѣ-же; тотъ-же семейный коммунизмъ, общій столъ, домашнимъ хозяйствомъ завѣдываетъ большуха, жена старшаго брата.—Таковы главные черты, характеризующія семейную общину въ томъ видѣ, въ какомъ она и сейчасъ существуетъ въ Карачаѣ.

Если исходнымъ моментомъ въ исторіи семейной общины нужно считать тотъ ея періодъ, въ которомъ собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая, состоитъ въ общемъ владѣніи, и всѣ личные заработки, какимъ бы путемъ они ни были приобрѣтены, принадлежать всей совокупности членовъ, — то карачаевская община недалеко ушла отъ этой первоначальной стадіи. Частная собственность членовъ развита еще очень слабо, и источники ея происхожденія случайны, ненадежны (главнымъ образомъ, подарки родственниковъ и знакомыхъ, излишекъ пряжи, идущій въ семьи снохъ и т. д.). Если въ послѣдующей исторіи семейной общины мы видимъ различеніе источниковъ дохода, — семейнаго капитала и личнаго труда, результатомъ котораго является то положеніе, что лишь тѣ приобрѣтенія, которыя сдѣланы съ помощью семейнаго капитала принадлежать по праву всей семьѣ, остальные-же поступаютъ въ частную собственность, — то этого различія карачаевская община еще не проводитъ, и, какъ мы видѣли, всѣ заработки на сторонѣ, возможные только при согласіи общины въ лицѣ ея представителя и главы, поступаютъ въ семейную кассу. Съ другой стороны, лишь трудъ на пользу семьи даетъ право членамъ ея на участіе въ общемъ имуществѣ, и въ этомъ смыслѣ трудовой принципъ вполне признается; но въ общинѣ мы все-таки

видимъ союзъ кровныхъ родственниковъ, а не артель, и даже не задругу, въ которой отдѣльныя семьи связаы не столько родствомъ, сколько экономическими связями, и потому больные и неспособные къ работѣ члены семьи не теряютъ своей доли въ семейномъ имуществѣ, получая ее при раздѣлахъ и наслѣдованіи въ полномъ размѣрѣ.

III.

Семейные раздѣлы.

Перехожу теперь къ рассмотрѣнію обычныхъ нормъ, регулирующихъ семейныя дѣла, послѣдній актъ въ жизни общины, которымъ заканчивается ея существованіе и кладется начало частной собственности. Семейные раздѣлы въ настоящее время съ каждымъ годомъ учащаются. Слишкомъ многочисленныя семьи, послѣ смерти своего главы, обыкновенно, распадаются на отдѣльныя хозяйства, но и при жизни отца случаи раздѣла встрѣчаются все чаще, несмотря на неблагопріятное отношеніе къ нимъ общественнаго мнѣнія. Отъ общихъ семейныхъ дѣлеж (айралгаты) карачаевцы отличаютъ выдѣлы отдѣльныхъ членовъ, отходы ихъ, которые рѣдко происходятъ съ согласія отца и вызываются или дурнымъ поведеніемъ сыновей или ихъ стремленіемъ къ самостоятельности. Тутъ предоставленъ полный произволъ оскорбленному самолюбію отца, и часто отходящій противъ его воли не получаетъ ничего изъ семейнаго имущества или получаетъ неполную долю. Отецъ не можетъ ему отказать только въ необходимомъ платьѣ и его собственномъ имуществѣ, напр., подаркахъ. Но чаще всего въ такихъ случаяхъ ближайшіе родственники вліяютъ на отца, который, по ихъ настоянію, даетъ кое-что изъ движимаго имущества, какъ-то: арбу, пару быковъ; участковъ же земли никогда. Въ большинствѣ случаевъ самовольно отходящіе сыновья довольствуются и этимъ, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ; къ тому-же они слишкомъ надѣются на свои силы, на возможность получить какой-нибудь заработокъ, мѣсто. Въ связи со случаями отдѣленія сыновей встрѣчаются и случаи принятія тестемъ зятя въ свой домъ. Такъ напр., отдѣливъ сына расточителя, чтобы не платить его долговъ, отецъ замѣняетъ его мужемъ своей дочери, который иногда также выдѣляется изъ своей семьи, находя такую перемѣну для себя выгодной. Иногда зять, уходя изъ своей семьи, ничего не получаетъ

изъ семейнаго имущества, когда, напр., его отецъ противится его намѣренію; иногда онъ перемѣняетъ семью, не уживаясь съ братьями; если у тестя нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, то онъ дѣляетъ своимъ наслѣдникомъ пріемнаго зятя; если-же у него есть нѣсколько дочерей, зять получаетъ послѣ его смерти равную съ ними долю; иногда-же часть его даже нѣсколько больше, именно, когда тесть принимаетъ въ расчетъ трудъ зятя на пользу семьи. Принимаютъ зтей, обыкновенно, только хозяева, не имѣющіе мужского потомства, рѣже входитъ зять въ семью, въ которой есть сыновья—работники. Вступаетъ онъ тогда уже на другихъ основаніяхъ, не на положеніи будущаго наслѣдника, замѣстителя сыновей, а на началахъ товарищества; онъ приноситъ съ собой имущество, которое складывается съ общимъ семейнымъ; работа производится на общія средства, и возникаетъ нѣчто въ родѣ договора, родственнаго товарищества. Такой зять-товарищъ во всякое время можетъ отойти, взявъ назадъ свое имущество и слѣдующую ему часть доходовъ. Обратимся теперь къ общему дѣлежу, предполагающему согласіе отца. Послѣднее необходимо всегда; даже совѣтъ устранившійся отъ дѣлъ отецъ властенъ въ раздѣлѣ; исключеніе составляютъ только случаи полнаго его умственного разстройства. Тогда инициатива исходитъ отъ старшаго брата, предлагающаго младшимъ произвести общій раздѣлъ. Но все споры, возникающіе изъ такихъ раздѣловъ, рискуютъ не получить судебного разрѣшенія, такъ какъ горскій словесный судъ, руководствуясь русскими законами, отказываетъ тяжущимся въ искахъ, ссылаясь на то, что при жизни отца дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества, почему самовольно ими произведенный дѣлежъ долженъ считаться незаконнымъ.—На дѣлежъ собираются по обычаю все родственники, принимая въ немъ самое горячее участіе, составляя описи имущества, примиряя слишкомъ разгорячившихся братьевъ и т. п. Отецъ иногда формально поручаетъ произвести раздѣлъ между его сыновьями какимъ-нибудь уважаемымъ и почетнымъ родственникамъ и знакомымъ, иногда-же горскому суду; послѣдній, въ такомъ случаѣ, назначаетъ по своему усмотрѣнію въ третейскіе судьи лицъ, хорошо знакомыхъ съ имущественными отношеніями данной семьи. Раздѣлъ, произведенный братьями между собой явно несправедливо, иногда вызываетъ вмѣшательство муллы, производящихъ своей властью, въ присутствіи выбранныхъ свидѣ-

телей, передѣлъ имущества, съ цѣлью вознаградить обдѣленныхъ младшихъ братьевъ, подавленныхъ авторитетомъ старшаго брата при первомъ дѣлежѣ и не рѣшавшихся протестовать. По адату, принципиально, не принимается при дѣлежѣ братьевъ во вниманіе трудовое начало: всѣ братья получаютъ поровну, независимо отъ того, сколько времени каждый изъ нихъ проработалъ на пользу семьи, былъ-ли онъ хорошимъ работникомъ или нерадивымъ. Но старые порядки въ настоящее время все болѣе и болѣе нарушаютъ чувство справедливости и возбуждаютъ безконечные споры, за которыми въ концѣ концовъ дѣлежъ приостанавливается. Всѣ сыновья, по адату, имѣютъ право на равную часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества, причемъ не дѣлается никакого различья между единоутробными ¹⁾ и единокровными сыновьями, сыновьями отъ первой или второй жены. Далѣе, раздѣлъ идетъ поколѣбно, нѣсколько племянниковъ получаютъ вмѣстѣ отцовскую долю. Для того, чтобы достигнуть большаго равенства при раздѣлѣ, необходимо принять въ расчетъ тѣ выдачи изъ общей кассы, тѣ расходы, которые были произведены на членовъ той или другой малой семьи, входящей въ составъ большой, выражающіеся въ уплатѣ по обязательствамъ изъ правонарушеній, произведенныхъ членомъ семьи, въ выдачѣ калыма и приданаго изъ общаго семейнаго имущества и т. п. Такъ, напр., если у одного сына до раздѣла была выдана замужъ дочь, а у другихъ—дочерей не было, или они холосты, то подарки, или приданое, сдѣланные этой внучкѣ, принимаются въ соображеніе при раздѣлѣ, и ихъ стоимость распределяется между послѣдними. Также поступаютъ и съ калымомъ, внесеннымъ за одного изъ сыновей. Незамужнія дочери, по адату, не получаютъ опредѣленной части семейнаго имущества; имъ, обыкновенно, отдѣляется только по нѣсколько штукъ скота. Послѣ раздѣла онѣ остаются на попеченіи братьевъ, обязанныхъ ихъ содержать, или-же живутъ у родителей; какъ тѣ, такъ и другіе должны имъ сдѣлать приданое при ихъ выдачѣ замужъ и вернуть имъ полученный за нихъ калымъ. По шаріату-же дочь имѣетъ право на долю вдвое меньшую сына, и въ тѣхъ случаяхъ, когда она себя считаетъ обдѣленной братьями, прибѣгаетъ къ шаріату и заступничеству суда. По адату, далѣе, въ Карачаѣ старшій

¹⁾ Точнѣе—полнородными.

братъ при раздѣлѣ получаетъ нѣкоторую добавочную долю, въ сравненіи съ младшими (такъ наз. майоратъ).

Эта прибавка состоитъ, обыкновенно, или въ лучшей лошади, шашкѣ, ружьѣ, или въ небольшомъ клочкѣ земли (садикѣ), или, наконецъ, въ предоставленіи ему лучшей сакли, самой большой, если она ему пришлась по вкусу. Карачаевцы основываютъ это право на болѣе авторитетномъ положеніи, которое занимаетъ старшій братъ въ семьѣ: онъ получаетъ прибавку, именно, въ силу своего старшинства, первородства. Но она не должна быть чрезмерной, идти въ ущербъ интересамъ другихъ братьевъ, должна лишь выражать извѣстное уваженіе, которое ему оказываютъ этимъ путемъ младшіе братья, а не вести къ обогащенію его на ихъ счетъ. Любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее дѣло, которое мы заимствуемъ изъ хумаринскаго судебного архива. Дѣлялся 5 братьевъ Чотчаевыхъ. Старшій изъ нихъ, нѣкій Магометъ, „былъ человекъ хитрый, самостоятельный и неустрашимый. Задумавъ отдѣлиться отъ своихъ братьевъ, онъ выбралъ для себя лучшія сакли, другія постройки, землю и много различнаго скота, такъ что всего имѣнія взялъ на сумму 9300 р., а остальное раздѣлялъ, какъ опять на себя, такъ и на братьевъ своихъ по равной части. Братья изъ боязни не спорили противъ раздѣла до тѣхъ поръ, пока объ этомъ не дошло до свѣдѣнія эфендія-муллы Агуя, который въ присутствіи другихъ выбранныхъ свидѣтелей раздѣлилъ имѣніе уже по своему усмотрѣнію и по закону, а именно: имѣніе, взятое Магометомъ, раздѣлилъ пополамъ на всѣхъ братьевъ, отобралъ отъ него одинъ участокъ земли въ суммѣ 7750 р. и ввелъ во владѣніе послѣднихъ. А какъ Магометъ на это доволенъ не былъ, то въ оправданіе свое обѣщался найти такихъ лицъ, которыя дѣйствительно скажутъ, что онъ, какъ старшій братъ, то противъ меньшихъ обязанъ получить гораздо больше, для чего ему и давалась отсрочка на нѣсколько дней, но онъ того сдѣлать не могъ, почему тотъ эфендій предложилъ принять, какъ ему, Магомету, такъ и остальнымъ братьямъ присягу, на что Магометъ не согласился“. Дѣло это происходило въ 30-хъ или 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Уже тогда, какъ мы видимъ, не находилось такихъ лицъ, которыя бы ясно представляли себѣ основаніе, на которомъ старшій братъ могъ бы требовать, какъ таковой, „гораздо больше“ младшихъ братьевъ.

При раздѣлѣ братьевъ солидарность родственниковъ сказывается и въ томъ, что они дѣлаютъ подарки, обыкновенно предметы, необходимые для перваго обзаведенія въ новомъ хозяйствѣ. Мужчины дарятъ, по обычаю, скоть: коровъ, овецъ и лошадей; женщины—посуду; подарки дѣлаютъ родственники какъ по мужской, такъ и по женской линіи, а также и свойственники. Родственники оказываютъ раздѣляющимся и помощь личнымъ трудомъ. Такъ напр., если при дѣлежѣ одни изъ братьевъ получили по саклѣ, другіе вмѣсто нея—лѣсъ для постройки, то въ послѣдней, наряду съ братьями, участвуютъ и родственники, конечно, безвозмездно. Все вниманіе раздѣляющихся направлено на возможно справедливый раздѣлъ. Поэтому, если сакли неравнаго достоинства, то уравниваются скотомъ и деньгами. Вмѣсто сакель холостымъ братьямъ, которые, получивъ при раздѣлѣ опредѣленную часть движимости и земли, остаются жить или въ родительской саклѣ, или всѣ вмѣстѣ въ отдѣльной саклѣ,—отводится планъ, т. е. особый участокъ земли для будущей постройки. Имущество дѣлится жребіемъ; сперва въ дѣлежъ идетъ недвижимое, какъ болѣе цѣнное, затѣмъ уже дѣлятся стада и табуны; жребій вынимаютъ или мальчики, или старики. Сперва изъ подлежащаго раздѣлу имущества предоставляется старшему брату выбрать нѣсколько вещей по вкусу; затѣмъ, послѣ долгихъ трудовъ, путемъ продолжительныхъ уравниваній опредѣляется та доля, которая должна достаться каждому изъ братьевъ. Все имущество разбивается на части, по числу дѣлящихся, и затѣмъ уже претупаютъ къ жеребьевкѣ. Кромѣ старшаго брата нѣкоторую прибавку, изъ чувства состраданія, дѣлаютъ больнымъ и увѣчнымъ братьямъ, которые сами не въ состояніи хорошо управлять своимъ хозяйствомъ. Младшій сынъ, въ большинствѣ случаевъ, остается въ домѣ родителей и наследуетъ ихъ саклю. Мельница, обыкновенно, остается въ общемъ пользованіи; каждый имѣетъ право пользоваться ею, причѣмъ устанавливается извѣстная очередь. Сады дѣлятся по счету деревьевъ. Иногда дѣлящіеся не могутъ придти къ соглашенію, какъ подѣлить какой-нибудь участокъ земли, который въ одинаковой мѣрѣ привлекаетъ каждого такъ, что никто не желаетъ его уступать другому; въ такомъ случаѣ, по нѣкоторымъ оригинальнымъ рѣшеніямъ ¹⁾, участокъ признается общей собствен-

¹⁾ Дѣла Хумар. арх. за 1879 г.

ностью, „но къ нему никто не долженъ касаться“; но такъ какъ фактъ раздѣла предполагаетъ, что все имущество было подѣлено и въ общей собственности ничего не осталось, то такіе участки нѣкоторые изъ родственниковъ, очевидно, признавая за *res nullius*, захватываютъ; и если протесты родственниковъ приведутъ къ судебному разбирательству, то горскій судъ, не желая знать такихъ запрещенныхъ имуществъ, признаетъ право собственности оккупанта, разъ земская давность уже протекла. Отецъ, раздѣливъ все имущество между сыновьями, или оставляетъ себѣ часть, иногда довольно значительную, на прожитокъ ¹⁾, не желая зависѣть отъ сыновей, или-же проживаетъ у послѣднихъ, обязанныхъ его содержать по очереди, по мѣсяцу, по два, переходя изъ одной сакли въ другую. Обязанность содержать отца равномерно ложится на всѣхъ сыновей, и если одинъ изъ нихъ отказывается, то другіе могутъ принудить его къ этому судомъ. Такъ какъ при жизни отца сынъ не имѣетъ своего имущества, то, очевидно, своихъ сыновей онъ выдѣлить не можетъ; напротивъ, бывають обратные случаи, когда сыновья выдѣляются, съ согласія отца, а ихъ дѣти остаются при дѣдѣ. Въ такомъ случаѣ сынъ получаетъ свою долю, а внукъ, являясь наслѣдникомъ своего отца, кромѣ того (если онъ единственный) наслѣдуетъ дѣду въ той части, которую тотъ оставилъ себѣ на прожитокъ. Раздѣлъ имущества въ нормальныхъ случаяхъ идетъ, какъ мы видѣли, въ равныя доли и соотвѣтствуетъ наслѣдованію по обычаю. Неравный раздѣлъ, произведенный отцомъ, влечетъ за собой, несмотря на весь авторитетъ отца, продолжительные споры и вмѣшательство родственниковъ; но, въ принципѣ, отецъ все свое имущество можетъ, напр., отдать одному изъ сыновей, обойдя остальныхъ; такіе случаи представляютъ рѣдкое исключеніе, хотя встрѣчаются, особенно въ послѣднее время.

Благополучное окончаніе раздѣла знаменуется, обыкновенно, торжественнымъ угощеніемъ всѣхъ родственниковъ-однофамильцевъ, для чего рѣзается огромное количество барановъ.

Борисъ Миллеръ.

¹⁾ Такъ напр., Хаджи Крымшамхаловъ, выдѣлившій сыновей, оставляетъ себѣ на прожитокъ имущество, состоящее изъ одного дома, одной конюшни, одного сада и Высочайше дарованнаго ему участка земли.

(Хумар. архив. 7 февр. 1879).

Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ.

Я хочу коснуться нѣкоторыхъ брачныхъ обрядовъ и обычаевъ, существующихъ у русскихъ инородцевъ и наводящихъ на мысль, что прежде семья у русскихъ инородцевъ была организована совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь нормальной формой инородческой семьи является патриархальная семья; мужчина беретъ себѣ жену или, въ рѣдкихъ случаяхъ, нѣсколько женъ, вводитъ ее въ свой домъ и становится почти полнымъ ея господиномъ. Съ своей родной семьей женщина, выходя замужъ, порываетъ въ значительной степени прежнія связи; для прежнихъ родственниковъ замужняя женщина становится какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ; она теряетъ права на пользованіе родовымъ имуществомъ, лишается защиты и покровительства родственниковъ, начинаетъ поклоняться новымъ божествамъ. Такая форма семьи въ настоящее время преобладаетъ на земномъ шарѣ, но на ряду съ ней существуетъ и теперь или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существовала раньше и другая совершенно противоположная форма. У нѣкоторыхъ народовъ женщина, выходя замужъ, нисколько не мѣняетъ своихъ прежнихъ отношеній къ родной семьѣ; она по прежнему остается членомъ этой семьи, пользуется ея защитой и покровительствомъ, имѣетъ извѣстную долю въ ея имуществѣ и даже не мѣняетъ своего мѣстожителства, а по прежнему остается жить со своими родителями или ближайшими родственниками. Мужъ или входитъ въ составъ жениной семьи, селится въ ея домъ и становится сперва подчиненнымъ, а потомъ болѣе или менѣе равноправнымъ ея членомъ, или же сохраняетъ свое прежнее положеніе и мѣстожителство, только посѣщая по временамъ жену и оказывая ей болѣе или менѣе случайныя услуги.

Такъ вотъ я хочу указать на нѣкоторыя основанія, позволяющія думать, что и у русскихъ инородцевъ современная патриар-

хальная семья не существовала испоконъ вѣка, а была продуктомъ историческаго развитія, и что еще и теперь есть кое-какіе слѣды прежней организаціи семьи, когда замужняя женщина не покидала своей собственной семьи. Основанія эти далеко не такъ солидны, чтобы на нихъ можно было построить прочную теорію, но важность вопроса даетъ оправданіе даже попыткѣ выставить нѣкоторыя гипотезы, которыя, можетъ быть, побудятъ другихъ обратить вниманіе на относящіеся сюда любопытные факты.

I.

Начну съ инородцевъ крайняго сѣверо-востока Сибири: соотвѣтственныя племена, правда, не имѣютъ никакого лингвистическаго родства съ прочими инородцами Сибири и сильно отличаются отъ послѣднихъ и въ культурномъ отношеніи, такъ что выводы вѣрные относительно однихъ могутъ быть совершенно непримѣними къ другимъ, но тутъ мы имѣемъ дѣло съ болѣе опредѣленными и ясными фактами, позволяющими намъ намѣтить возможный путь развитія, приведшаго къ патріархальной семьѣ, и дающими болѣе прочную почву для истолкованія разрозненныхъ и отрывочныхъ переживаній, сохранившихся у другихъ народовъ Сибири и восточной Россіи.

У *юкагировъ*, какъ оказывается по изслѣдованіямъ Гюхельсона, замужняя женщина и теперь не покидаетъ своей родной семьи наоборотъ, мужъ входитъ въ составъ этой семьи и селится въ жилищѣ тестя. До брака дѣвушки пользуются очень большою свободой; каждая имѣетъ особый пологъ въ урасѣ и принимаетъ тамъ по ночамъ молодыхъ людей; родители, конечно, знаютъ про эти ночные визиты, но дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ихъ. На такой почвѣ возникаютъ болѣе прочныя отношенія между дѣвушкой и какимъ-нибудь опредѣленнымъ молодымъ мужчиной, и послѣдній становится постояннымъ посѣтителемъ полога дѣвушки. Иногда онъ уже въ эту пору начинаетъ оказывать разныя услуги семьѣ любимой дѣвушки; услуги эти молчаливо принимаются, хотя и не обязываютъ ни къ чему ни ту, ни другую сторону. Наконецъ, связь кончается бракомъ, но мѣняетъ онъ отношенія между молодыми людьми только въ томъ смыслѣ, что женихъ поселяется въ урасѣ невесты и становится членомъ ея семьи. Переселяясь въ урасу

невѣсты, женихъ приносить съ собой только ружье; невѣста заготавливаетъ для него новый костюмъ—и даже сѣти, которыми онъ будетъ ловить рыбу, должны быть у невѣсты. Для брака требуется согласіе отца невѣсты, и теперь это согласіе дается только послѣ сватовства, продолжающагося довольно долго, прежде же все дѣло ограничивалось тѣмъ, что женихъ въ теченіе трехъ дней кололъ дрова передъ урасой тестя, и если послѣдній начиналъ пользоваться ими на четвертый день, то тѣмъ самымъ выражалъ свое согласіе. Женихъ по обыкновенію приходилъ ночью къ невѣстѣ, но утромъ уже не уходилъ изъ урасы тестя, а оставался въ ней, поставивъ предварительно на видномъ мѣстѣ свой лукъ и стрѣлы. Въ теперешнемъ сватовствѣ характерны слова, съ которыми обращается свать къ роднымъ невѣсты послѣ первоначальнаго обычнаго отказа на предложеніе: „Отець-мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?“ Эта формула особенно важна тѣмъ, что культъ предковъ сильно развитъ у юкагировъ, а приобщеніе къ домашнему очагу, какъ известно, равносильно приобщенію къ культу предковъ. Давая свое согласіе, отецъ невѣсты „ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома“¹⁾. Изъ этого правила впрочемъ бываютъ „исключенія“, и „если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятя переходили изъ дома въ домъ“²⁾. Но эти исключенія, конечно, не нарушаютъ цѣльности картины и ничего не доказываютъ, какъ ничего не доказываютъ отдѣльные случаи вступленія зятя въ домъ тестя при патриархальной семьѣ. Изъ другихъ приводимыхъ Гохельсономъ подробностей необходимо отмѣтить эндогамію и отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній на символическое или дѣйствительное похищеніе невѣсты³⁾.

¹⁾ *Вл. Гохельсонъ*, Бродячіе роды между Индигиркой и Колымой. Жив. Ст. 1900 г., I—II, стр. 171—175.—*В. И. Гохельсонъ*, Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, стр. 19, 20, 104—105, 138, 169, 171, 188, 221—223, 225, 226.

²⁾ *Вл. Гохельсонъ*, Бродячіе роды, стр. 175.

³⁾ *Авустинювичъ* (Гр. Антр. отд. IV, стр. 48) и *Киберъ* (Спб. Вѣстн. 1824 г. I, стр. 37) упоминаютъ о калымѣ у юкагировъ, но въ ихъ сообщеніяхъ, въ-

Чукотская семья организована уже иначе, чѣмъ семья юкагировъ, но все же тутъ мы имѣемъ довольно ясныя слѣды прежняго иного порядка вещей въ обычаяхъ отработывать за невѣсту. Наибольше точными свѣдѣніями о чукчахъ мы обязаны В. Г. Богоразу. Онъ указываетъ, что преобладающей формой брака является эндогамный бракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и экзогамный бракъ, не уничтожающій, однако, совѣмъ власти надъ женщиной ея семьи. Хотя при экзогамномъ бракѣ мужъ уводитъ жену въ свой домъ, но, какъ утверждаетъ г. Богоразъ, „ближайшіе мужскіе родственники отданной женщины сохраняютъ надъ ней свою власть и имѣютъ право даже черезъ значительный промежутокъ времени потребовать ея обратно, что нерѣдко и приводится въ исполненіе“. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ семьяхъ дѣвушки совѣмъ не покидаютъ родительскаго дома, а наоборотъ, зять вступаетъ въ семью тестя и становится ея членомъ, хотя и можетъ быть прогнанъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ брака ¹⁾. До брака женихъ долженъ проработать нѣсколько лѣтъ тестю, но ужъ съ перваго дня послѣ договора женихъ пользуется супружескими правами на невѣсту, такъ что бракъ измѣняетъ для жениха и невѣсты только мѣстожителство ²⁾. Калымъ у чукчъ, по категорическому утверженію г. Богоразъ, не существуетъ, и въ одномъ изъ своихъ беллетристическихъ произведеній изъ чукотской жизни этотъ авторъ влагасть слѣдующія слова чукотскому отцу въ отвѣтъ на предложеніе замѣнить отработку уплатой калыма: „Или я ламутъ, что стану продавать дѣвку! Развѣ это собака или нерпа, чтобы брать за нее шкуры на плату“ ³⁾?

Самъ по себѣ фактъ службы будущаго зятя тестю за невѣсту допускаетъ различное объясненіе. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая служба бываетъ простою замѣною калыма, и если мы знаемъ только то, что женихъ отработываетъ тестю за невѣ-

роятно, подразумеваются не настоящіе юкагиры, а такъ называемые тундренные роды, представляющіе смѣсь юкагировъ съ тунгусами.

¹⁾ В. Г. Богоразъ. Краткій отчетъ объ изслѣдованіи чукчъ Калымскаго края. Изв. Вост. Сиб. отд. Геогр. общ., кн. XXX, вын. 1-й (1899 г.), стр. 35-37

²⁾ Ibid., стр. 35. 36.—Тамъ, Чукотскіе рассказы, стр. 201.

³⁾ В. Г. Богоразъ., стр. 27.—Тамъ, стр. 29.—Др. Кибертъ (Чукчи. Сиб. Вѣстн. 1824 г., II, стр. 112) тоже говоритъ: „калымъ и другіе свадебные обычаи имъ неизвѣстны“.

сту, въ этомъ фактѣ нельзя еще видѣть безспорныхъ указаній на прежнюю организацію семьи, когда мужъ навсегда селился въ домъ жены. Но относительно чукчей у насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ мы знаемъ не только, что зять отработываетъ тестю за невьсту, но также и то, что 1) калыма у чукчей совсѣмъ не существуетъ, и отработка не можетъ быть замѣнена уплатой денегъ или товаровъ, 2) родственники жены не утрачиваютъ своихъ правъ на нее и могутъ отнять ее у мужа, и 3) служба зятя не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя, послѣдній во всякій моментъ можетъ прогнать перваго безъ всякаго вознагражденія за понесенные имъ труды¹⁾. Эти три обстоятельства, какъ мнѣ кажется, ясно доказываютъ, что у чукчей служба за невьсту является переживаніемъ прежняго переселенія мужа на постоянное жительство въ домъ жены, а отнюдь не видовзмѣненіемъ покупного брака.

Я не буду останавливаться на показаніяхъ другихъ авторовъ, подтверждающихъ, съ большими или меньшими подробностями, картину, нарисованную г. Богоразомъ, (Ресинъ, Майдель, Августиновичъ, Дьячковъ), и укажу лишь на существованіе отзывовъ, противорѣчащихъ ей. Такъ у Литке мы находимъ такую фразу: „Жены покупаются и цѣнятся не столько по красотѣ, какъ по уму и проворству невьсты“, а другой менѣ извѣстный путешественникъ, какъ Шишмаревъ, говоритъ: „Женятся безъ всякихъ обрядовъ; выбравъ невьсту, торгуются съ отцомъ и уговорясь уводятъ съ собой“²⁾. Въ этихъ отзывахъ какъ будто содержится указаніе на покупной бракъ, но краткость этихъ отзывовъ не позволяетъ придти къ опредѣленному выводу. Литке и Шишмаревъ описываютъ чукчей тихоокеанскаго побережья, тогда какъ Богоразъ (а также Майдель и Августиновичъ) имѣютъ въ виду западныхъ чукчей. Можетъ быть, что на тихоокеанскомъ побережьѣ чукотская семья сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ по направленію къ па-

¹⁾ Объ этомъ обстоятельствѣ см. *Тамъ*, Чукотскіе расы., стр. 26.—А. А. Ресинъ, Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. Изв. Геогр. общ. 1888 г., 3, стр. 178.—Б. Г. Майдель, Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 г., стр. 162.—Ф. М. Августиновичъ, О племенахъ, населяющихъ Колымскій округъ. Гр. Антр. отд., т. IV, отд. 2, стр. 54.

²⁾ Ф. Литке, Путешествіе вокругъ свята, т. II, стр. 194.—Кап. Шишмаревъ, Свидѣнія о Чукчахъ. (извлеченія). Зап. Гидрогр. Департ. X, стр. 190.

триархату и замѣнила службу за невѣсту уплатой выкупа, но и этому предположенію противорѣчатъ показанія Ресина, говорящаго про отработку невѣсты и не упоминающаго про покупку женъ.

Чтобы покончить съ чукчами, упомяну еще, что только въ двухъ описаніяхъ я нашелъ указанія на символическій захватъ невѣсты, да и то у авторовъ, описывающихъ чукчей вмѣстѣ съ коряками ¹⁾). Такъ какъ при этомъ символическій захватъ описывается именно въ такихъ формахъ, которыя другими авторами приписываются исключительно корякамъ, то можно думать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ ошибкой или съ неточностью выраженій и что, на самомъ дѣлѣ, чукчамъ символическій захватъ неизвѣстенъ.

Относительно *коряковъ* всѣ наши источники согласно показываютъ, что женихъ, прежде чѣмъ получить невѣсту, долженъ прожить нѣсколько лѣтъ у тестя и исполнять для него всѣ наиболее тяжелыя и непріятныя работы ²⁾). Ни въ одномъ описаніи нѣтъ указаній на существованіе покупного брака и на возможность замѣны службы тестю уплатой денегъ или товаровъ. Напротивъ того, Крашенинниковъ прямо говоритъ: „Жениху, каковъ бы кто богатъ оленями ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ“, а въ составленномъ мѣстной администраціей и относящемся приблизительно къ 1770 г. „Описаніи народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ“ это обстоятельство выражено не менѣе ясно: „Свойство производить и въ замужество дочерей своихъ отдають безъ калымовъ, только съ тѣмъ договоромъ, чтобы тому зятю ихъ быть у нихъ въ работѣ по то время“ и т. д. Тутъ, правда, говорится не объ однихъ корякахъ, а также и о чукчахъ, но слѣдующее непосредственно за приведенными сло-

1) Г. Дьячковъ, Анадырскій край, стр. 104.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ, Россійскій Магазинъ 1792 г., стр. 371.

2) Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки (Изд. 1786 г.), II, стр. 163.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ, Росс. Маг. 1792 г., стр. 371.—Западный берегъ Камчатки по описаніямъ Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 г. Зап. Гидрогр. Деп. X, стр. 152—154.—*Lessers*, Reise von Kamtschatka nach Frankreich, II, стр. 65—68.—*Богородскій*, Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа, Жур. Мин. Вн. Д. 1853 г., 4, стр. 109. *Дитмаръ*, О корякахъ и весьма близкиихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1856 г., т. XVI, стр. 25.—*Кенманъ*, Кочевая жизнь въ Сибири, стр. 152—155.—*Дьячковъ*, Анадырскій край, стр. 104.

вами описаніе обряда хватанія, несомнѣнно относящееся къ корякамъ, позволяетъ думать, что и во всемъ данномъ отрывкѣ имѣются въ виду главнымъ образомъ коряки. Г. Богородскій отмѣчаетъ, что даже и продолжительная служба не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя. „Такимъ образомъ, говоритъ этотъ авторъ, проработываютъ 5—10 лѣтъ и уходятъ иногда ни съ чѣмъ; случай этотъ даже не рѣдокъ“. Это же подтверждаетъ и Дитмаръ: „Если пришлецъ нравится отцу, то, смотря по мѣрѣ расположенія, отецъ отдаетъ ему свою дочь въ жены послѣ одного, двухъ и т. д., иногда даже десяти лѣтъ тяжелой работы. Но если случится, что въ теченіе этого времени пришлецъ не понравится, то нерѣдко бываетъ, что отецъ невѣсты его проговяетъ, и тогда выполненная имъ изъ-за жены тяжелая работа пропадаетъ понапрасну“. Всѣ эти подробности заставляютъ думать, что и у коряковъ служба жениха тестю отнюдь не является замѣной или видоизмѣненіемъ покупного брака, а независима отъ послѣдняго и представляетъ переживаніе былого строя семьи, когда зять навсегда поступалъ въ домъ тестя. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и формула сватовства, сообщаемая геодезистомъ Елистратовымъ, описывающимъ западный берегъ Камчатки въ 1787 г. Отецъ жениха идетъ съ сыномъ въ домъ намѣченной дѣвушки и тамъ обращается къ ея отцу съ слѣдующей рѣчью: „Я пришелъ къ тебѣ, моему другу, свататься за сына своего, на такой-то твоей дочери; вотъ тебѣ мой сынъ; я тебѣ его отдаю: хочешь, держи за сына или за работника; можетъ на старости будетъ тебѣ въ замѣну“.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя подробности: во все время службы женихъ, по словамъ Крашенинникова, пользуется супружескими правами на невѣсту, тогда какъ вообще нарушеніе дѣвушкой цѣломудрія наказывается, по словамъ Дитмара, смертью ¹⁾. Далѣе Богородскій и Дитмаръ сообщаютъ, что до рожденія 1-го ребенка мужъ не въ правѣ распоряжаться женинымъ имуществомъ, и что мужъ не наследуетъ женѣ; если послѣдняя умретъ бездѣтной, ея имущество достается прежнимъ ея родственникамъ ²⁾. Эта черта имѣетъ важное значеніе, особенно если ее сопоставить съ тѣмъ, что у юкагировъ при рожденія перваго ребенка отцу и матери

¹⁾ Крашенинниковъ, II р., 163—Дитмаръ, I. с., стр. 31.

²⁾ Богородскій, стр. 110—Дитмаръ, стр. 31.

мѣняютъ имена, т. к. первый ребенокъ по настоящему только и организуетъ семью ¹⁾. Наконецъ, Богородскій, Датмаръ и Елистратовъ отмѣчаютъ, что первая ночь послѣ окончательнаго заключенія брака проводится молодыми въ домъ тестя ²⁾. Придерживаются ли коряки экзогаміи или эндогаміи,—выяснить съ точностью намъ не удалось, но, повидимому, преобладаетъ эндогамный бракъ; въ „Описаніи народовъ“ говорится, что олюторскіе коряки „сами у другихъ ордь себѣ въ жены не берутъ и дѣтей своихъ никому въ жены не даютъ, но женятся и въ замужество отдають между собою“ ³⁾, но тутъ не извѣстно, что подразумѣвается подъ „ордами“. Крашенинниковъ тоже выражается не особенно опредѣленно: „женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестеръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ“ ⁴⁾.

Самая церемонія брака или вѣнчанія рѣшительный моментъ его, дающій жениху полныя права на невѣсту и позволяющій увезти ее съ собою, состоитъ въ обрядѣ „хватанья“, упоминаемомъ всѣми цитированными нами авторами, но описываемомъ ими не всегда одинаково. Большинство авторовъ описываютъ его такъ: на невѣсту надѣваютъ нѣсколько особенно крѣпкихъ одеждъ, опутываютъ ремнями и отдають подъ охрану подругъ и родственницъ. Женихъ долженъ подстеречь удобный моментъ, напасть на невѣсту, разорвать на ней одежду и дотронуться до голаго тѣла. Разъ попытка удалась, этимъ все кончено, и ничего больше отъ жениха не требуется, но довести до успѣшнаго окончанія дѣло очень не легко. Женщины, охраняющія невѣсту, набрасываются на жениха, бьютъ его, царапаютъ лицо, таскаютъ за волосы и подвергаютъ другимъ истязаніямъ, такъ что въ концѣ концовъ измученный женихъ иногда такъ и не доводитъ до конца своей попытки.

Кеннанъ описываетъ обрядъ хватанія иначе: въ назначенный день въ юрту собираются приглашенные родственники и гости, затѣмъ подъ аккомпаниментъ бубна и пѣнія невѣста начинаетъ бѣ-

¹⁾ *Локельсонъ*, По рѣкамъ Ясачной и Корюдану. (Изв. Геогр. Общ., т. XXXIV, вып. 3-й, стр. 270).

²⁾ *Богородскій*, стр. 109.—*Датмаръ*, стр. 25.—„Западный берегъ Камчатки“.
Зап. Гидр. Деп. X, стр. 154.

³⁾ „Описаніе народовъ“ и т. д. Рос. Маг. 1792 г., стр. 395.

⁴⁾ *Крашенинниковъ*, II, стр. 163.

гать кругомъ юрты, перебѣгая изъ полога въ пологъ; женихъ преслѣдуетъ ее, но у каждаго полога стоитъ нѣсколько женщинъ, вооруженныхъ ивовыми и ольховыми прутьями. Онъ всячески стараются помѣшать жениху, подставляютъ ему ноги, опускаютъ передъ нимъ занавѣсъ полога и тѣмъ временемъ бьютъ его прутьями по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ тѣла. Разумѣется, что при такихъ препятствіяхъ женихъ не могъ бы догнать невѣсты, но въ послѣднемъ пологѣ она останавливается и тамъ позволяетъ настичь себя. Дьячковъ добавляетъ, что послѣ того, какъ женихъ догналъ невѣсту, онъ долженъ разорвать на ней одежду и дотронуться до ея тѣла.

О *камчадалахъ* наши главные источники, Крашенинниковъ и Штеллеръ, даютъ показанія, различныя въ нѣкоторыхъ очень существенныхъ отношеніяхъ. Оба автора согласны въ томъ, что женихъ долженъ отработать будущему тестю за невѣсту, и обязательность такой отработки, т. е. невозможность замѣны ея выкупомъ, особенно точно выражена у Штеллера въ словахъ: „Wenn jemand von den Itälmenen heyrathen will, so kann er auf keine andere Art zu einer Frauen kommen, als er muss sie dem Vater abdienen“. Затѣмъ оба автора одинаково указываютъ, что главной и безусловно обязательной брачной церемоніей является „хватаніе“ невѣсты, происходящее совершенно такъ же, какъ у коряковъ, т. е. женихъ нападаетъ на закутанную невѣсту и старается разорвать на ней одежду, а въ это время его самого бьютъ и подвергаютъ всяческимъ истязаніямъ женщины. Расходятся между собой Штеллеръ и Крашенинниковъ въ томъ, что, по утверженію перваго, мужъ послѣ хватанья навсегда поселялся въ домъ жены („sobald aber der Bräutigam seine Braut hatte, so musste er forthin die seinigen verlassen und bey dem Schwiegervater auf ewig in dem Ostrog wohnen), тогда какъ Крашенинниковъ говоритъ: „кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній“. Мнѣ кажется, что это противорѣчіе между обоими авторами можно объяснить тѣмъ, что Штеллеръ описываетъ болѣе древній бытъ, Крашенинниковъ же рисуетъ уже измѣнившійся подъ русскимъ вліяніемъ строй. Основаніе для такого предположенія даетъ самъ Штеллеръ, у котораго мы встрѣчаемъ такую фразу: „weil sie selten ihre Töchter ehemals an andere in fremde

Ostrogen verheyrathet, dass sie mit dem Manne ziehen und wohnen können. Вопольв возможно также, что начавшееся подъ русскимъ вліаніемъ разложеніе стариннаго камчадалскаго быта шло не вездѣ съ одинаковой быстротой, а потому, можетъ быть, наши авторы описываютъ и одновременныя семейныя отношенія, но существовавшія въ различныхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить прямую ошибку какъ со стороны Крашенинникова, такъ и со стороны Штеллера.

Да если бы у насъ и отсутствовало совсѣмъ описаніе Штеллера, одного разсказа Крашенинникова было бы достаточно, чтобы допустить, что и у камчадаловъ нѣкогда мужъ навсегда входилъ въ семью жены. Помимо обязательной отработки, не налагающей на отца неvěсты никакихъ обязательствъ, за это говорятъ нѣкоторыя мелкія подробности, сообщаемыя Крашенинниковымъ. Непосредственно послѣ хватанія не бываетъ никакихъ религіозныхъ церемоній, въ которыхъ можно было бы видѣть санкціонированіе или, по крайней мѣрѣ, благословленіе брака. Такія церемоніи происходятъ уже спустя нѣкоторое время послѣ брака, и весьма любопытно, что онѣ происходятъ въ домѣ тестя, куда молодые прїѣзжаютъ специально ради этого. Между прочимъ во время соотвѣтственнаго праздника молодой топить въ юртѣ тестя печь, стряпаетъ, правда изъ своихъ продуктовъ, и угощаетъ гостей. Когда гости разъѣдутся, молодые еще нѣсколько времени остаются у тестя и работаютъ на него ¹⁾.

„Хватаніе“ неvěсты въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у коряковъ и камчадаловъ, обыкновенно считаютъ одной изъ разновидностей символическаго похищенія неvěсты. Если это предположеніе дѣйствительно вѣрно, то мы наталкиваемся на затрудненіе, какъ объяснить одновременное существованіе у камчадаловъ переселенія мужа въ домъ жены навсегда и символическое похищеніе неvěсты. Можно было бы думать, что такіе обычаи взаимно исключаютъ другъ друга, и дѣйствительно по даннымъ Тэйлора ²⁾ выходитъ, что они встрѣчаются вмѣстѣ въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Разъ подобныя исключенія вообще

¹⁾ Крашенинниковъ, II стр. 120—124.—G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 210, 343—345.

²⁾ Тэйлоръ, О методѣ изслѣдованія развитія. Этн. Об. V, стр. 17—18.

существуютъ, возможно, конечно, что и у камчадаловъ мы встречаемся съ однимъ изъ нихъ, и, быть можетъ, „хватаніе“ невѣсты заимствовано камчадалами у коряковъ, у которыхъ существованіе его не вызываетъ никакихъ недоумѣній, такъ какъ здѣсь женихъ, въ концѣ концовъ, уводитъ невѣсту къ себѣ въ домъ и „хватаніе“ можно считать приуроченнымъ именно къ моменту такого увода. Но мнѣ кажется, что „хватаніе“ возможно объяснять и нѣсколько иначе, и я позволю себѣ высказать свое мнѣніе въ видѣ предположенія.

Какъ извѣстно, у многихъ народовъ существуетъ обычай, согласно которому молодые люди, достигнувъ зрѣлаго возраста подвергаются цѣлому ряду тяжелыхъ и мучительныхъ истязаній. Относительно смысла этихъ истязаній можно пока строить только различныя мало убѣдительныя предположенія, но существованіе самаго этого обычая не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Близкую внутреннюю связь съ нимъ, повидимому, имѣетъ и обычай, требующій подвергать истязаніямъ вождя или царька при вступленіи его въ должность; при чемъ, соответственныя истязанія замѣняютъ собою коронаціонный обрядъ. Съ другой стороны, въ своей статьѣ, „Нѣсколько словъ о кувадѣ“¹⁾ я старался доказать, что и значительная часть явленій, регистрируемыхъ обыкновенно подъ рубрикой „кувады“ или „мужскихъ родовъ“, на самомъ дѣлѣ, вполне аналогична истязаніямъ молодыхъ людей при достиженіи зрѣлаго возраста. Вся разница между обоими явленіями сводится лишь къ тому, что въ одномъ случаѣ истязанія приурочены къ моменту достиженія физической зрѣлости, въ другомъ къ моменту рожденія перваго ребенка. Такъ вотъ я и думаю, что, можетъ-быть, и корякско-камчадалское „хватаніе“ невѣсты тоже аналогично этимъ обычаямъ, съ той особенностью, что истязанія здѣсь приурочены къ моменту начала супружескихъ отношеній между женихомъ и невѣстой, т. е. къ моменту вступленія въ бракъ. Иными словами, главная суть „хватанія“, по моему мнѣнію, состоитъ вовсе не въ насильственномъ овладѣніи невѣстой, дающемъ право на нее, а въ истязаніяхъ жениха женщинами, которыя приурочены къ моменту женитьбы и которыя женихъ долженъ выдержать съ честью. Въ пользу этого предположенія говорятъ нѣкоторыя подробности

1) Этн. Обзор., XLIV, pp. 97—102.

хватанія; съ одной стороны, оно требуетъ предварительнаго согласія отца неvěсты, такъ что не представляетъ дѣйствительнаго насилія надъ дѣвушкой, съ другой же стороны оно и не простой символъ, такъ какъ жениху приходится преодолевать весьма упорное сопротивление и не столько неvěсты, что еще было бы понятно, сколько женщинъ, караулящихъ ее. Жениху часто приходится испытать неудачу въ своемъ предпріятіи, а иногда онъ и совсѣмъ оказывается вынужденнымъ отказаться отъ неvěсты.

У *куруловъ* бракъ и семья, по словамъ Крашенинникова, были въ общемъ схожи съ камчадалскими, но имѣлось и одно интересное отличіе. „Женъ, говоритъ Крашенинниковъ, имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру татаръ магометанскаго закона, кои къ неvěстамъ своимъ приходятъ какъ бы тайно, пока калыму не заплатятъ по договору“ ¹⁾. А. Полонскій говоритъ то же самое, но въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: „Женъ имѣли по двѣ и болѣе, и какъ онѣ спали вмѣстѣ, то мужъ приходилъ къ которой нибудь по своему желанію украдкою и раздѣлялъ съ нею ложе“. Впрочемъ вполнѣ возможно, что и Полонскій просто перефразируетъ здѣсь въ неточныхъ выраженіяхъ слова Крашенинникова, такъ какъ первый вообще широко пользуется показаніями второго. У Полонскаго же мы находимъ и такое сообщеніе: „При женитьбѣ было въ обыкновеніи хватать неvěсту. Обычай этотъ, общій съ камчадалами до принятія ими христіанства, у *курульцевъ* былъ выгоднѣе тѣмъ, что женихъ, во избѣжаніе потасовки отъ женщинъ во время хватанія, могъ, уговорившись съ неvěстою, увезти ее тайкомъ на другой островъ“ ²⁾. Къ сожалѣнію, на основаніи этого отрывочнаго указанія нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ относительно взаимоотношеній между „хватаніемъ“ неvěсты и ея тайнымъ увозомъ, т. е. нельзя сказать, служитъ ли увозъ замѣной „хватанія“, болѣе или менѣе равнозначущей послѣднему, что, конечно, опровергало бы наше мнѣніе о значеніи этого обычая,—или же увозъ представляетъ лишь средство обойти тяжелый обычай и, такъ сказать, его нарушеніе.

¹⁾ Крашенинниковъ, II, стр. 183.

²⁾ А. Полонскій, *Курилы*. Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. IV, стр. 382..

Такимъ образомъ характерными чертами прошлой, а отчасти и настоящей семьи инородцевъ прежняго сѣверо-востока Сибири будутъ: переселеніе мужа въ домъ жены, мирный характеръ брака и нѣкоторое пристрастіе къ эндогаміи. Впрочемъ, относительно камчадаловъ Крашенинниковъ говоритъ, что они берутъ женъ обыкновенно изъ другихъ остроговъ ¹⁾. Въ связи съ этими чертами, можетъ быть, находится и сравнительно высокое положеніе женщины у нѣкоторыхъ изъ данныхъ инородцевъ. Про камчадаловъ Штеллеръ прямо говоритъ, что у нихъ женщины верховодятъ мужчинами ²⁾.

II.

Когда въ бракѣ главную роль играетъ уплата калыма, женихъ пріобрѣтаетъ полныя права на невѣсту только съ тѣхъ поръ, какъ онъ внесъ будущему тестю всю условленную сумму деньгами, скотомъ или какими-либо другими товарами. Только тогда женихъ получаетъ право увести невѣсту въ свой домъ или въ домъ своего отца. Несмотря на это, извѣстная близость въ отношеніяхъ между женихомъ и невѣстой возникаетъ еще задолго до окончательной уплаты калыма. Когда сватовство окончательно принято и особенно когда уже послѣдовала уплата хотя бы нѣкоторой части калыма, женихъ имѣетъ право посѣщать невѣсту и, какъ выражаются старинные русскіе путешественники XVIII вѣка, ходить къ ней за пазуху.

Такое явленіе можетъ показаться съ перваго взгляда крайне простымъ и вполнѣ естественнымъ. Уплата калыма затягивается на нѣсколько лѣтъ, но молодость не ждетъ и беретъ свое окольными путями. Свиданія жениха съ невѣстой оказываются не такими невинными, какими имъ слѣдовало бы быть, но родители невѣсты, зная этотъ фактъ, предпочитаютъ смотрѣть на него сквозь пальцы, будучи увѣрены, что преждевременное сближеніе жениха и невѣсты все равно закончится въ свое время бракомъ, ручательствомъ котораго служить помимо всего прочаго уже уплата женихомъ части калыма. Къ тому же у большинства инородцевъ дѣвушки пользуются большой свободой въ половомъ отношеніи и потеря цѣломудрія не служитъ помѣхой для вступленія въ бракъ.

¹⁾ Крашенинниковъ, II стр. 120.

²⁾ Steller, pp. 254, 227.

Все это слишкомъ просто, естественно, такъ что казалось бы нечего и задумываться надъ происхожденіемъ обычая „хожденія за пазуху“ и тѣмъ болѣе пользоваться имъ для выясненія прежнихъ формъ семьи и брака. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ не такъ простъ, въ чемъ легко убѣдиться, обратившись къ болѣе подробнымъ описаніямъ брачныхъ обрядовъ у тѣхъ народовъ, которые допускаютъ интимное сближеніе между женихомъ и невѣстой до брака. Чуть ли не наиболѣе характернымъ примѣромъ можетъ послужить для насъ описаніе брака у *киризовъ*, на которомъ мы и остановимся поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что тутъ мы имѣемъ не одно, а нѣсколько весьма обстоятельныхъ описаній, рисующихъ подробную картину и по своей точности не оставляющихъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ.

Когда сватовство уже окончательно состоялось и уже внесена часть калыма, женихъ отправляется на свиданіе къ невѣстѣ. Ѣдетъ онъ не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, и везетъ съ собой цѣлый рядъ подарковъ, предназначенныхъ различнымъ лицамъ изъ числа ея родственниковъ и односельцевъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до аула невѣсты, женихъ останавливается и прячется, его же товарищи везутъ родителямъ невѣсты подарки. Между тѣмъ о пріѣздѣ жениха узнаютъ „джинаи“ (собственно снохи, а вообще, ближайшія замужнія родственницы невѣсты). Онѣ разбиваютъ для жениха особую маленькую кибитку въ отдаленіи и приводятъ туда жениха, за что и получаютъ подарки. У родителей невѣсты между тѣмъ устраивается пиръ, на которомъ не присутствуютъ ни женихъ, ни невѣста, уходящая на это время въ кибитку ближайшаго родственника, *булушъ-уй*. За укрывательство у себя невѣсты этотъ родственникъ получаетъ отъ ея родителей особый подарокъ, *кызъ-кашаръ*, доставляемый, впрочемъ, женихомъ. Поздно вечеромъ, по окончаніи пира, джинаи стелютъ въ кибиткѣ тестя около двери постель для жениха и невѣсты и отправляются за невѣстой. Невѣста должна оказать притворное сопротивленіе и часть гостей помогаетъ ей защищаться отъ джинаи, но въ концѣ концовъ послѣднія, разумѣется, побѣждаютъ и водворяютъ невѣсту въ отцовскую кибитку. Тесть и теща въ это время уже спятъ или, вѣрнѣе, дѣлаютъ видъ, что спятъ, и вотъ джинаи со всякаго рода мѣрами предосторожности приводятъ жениха къ невѣстѣ. Дорогой ему встрѣчаются разные

препятствія; одна изъ джинай становится на четвереньки и изображаетъ собаку, ворча и хватаясь зубами за платье жениха; ей требуется дать подарокъ; другая мычитъ по-коровьему и тоже получаетъ подарокъ; третья просто ложится поперекъ дороги и изображаетъ мертвую и т. д. и т. д.; подарковъ жениху приходится раздавать великое множество. Наконецъ, женихъ достигаетъ невесты, заставляя подарками всѣхъ джинай уйти прочь и остается съ невестой наединѣ. Рано утромъ женихъ тайкомъ и со всякими предосторожностями уходитъ въ свою кибитку. Въ аулѣ невесты онъ остается дней 10—15 и въ это время каждую ночь видится наединѣ съ невестой или въ кибиткѣ ея родителей или въ своей кибиткѣ. Впоследствии женихъ еще прѣзжаетъ нѣсколько разъ на свиданіе съ невестой въ ея аулъ. Количество этихъ прѣздовъ зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ разстоянія, отъ средствъ жениха, отъ времени остающагося до свадьбы и т. д.¹⁾

Какъ видимъ, у киргизовъ добрачное сближеніе жениха съ невестой отнюдь не является вынужденной уступкой обстоятельствамъ, отступленіемъ отъ должнаго порядка вещей. Сближеніе

¹⁾ П., Обычай киргизовъ Семипалатинской области. Руск. Вѣстн. 1878 г. 9, стр. 32—37—*Θ. Л-ий*, Свадебные обряды у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. Моск. Вѣд. 1862 г., № 151—*П. Е. Миковецкій*, Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ, стр. 16—19—*Х. Кустанаевъ*, Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Кавалинскаго уу., стр. 27—29—*М. А. Левашевскій*, Очерки киргизскихъ степей (Эмбенскаго у.) Землевѣд. 1895 г., кн. 2—3, стр. 78—79—*А. А. Диваевъ*, О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области, стр. 17—18.—*Постыловъ и Вурнишевъ*, Поездка въ Ташкентъ въ 1800 г. Вѣстн. Геог. Общ. 1851 г., т. I., стр. 8—*А. Левшинъ*, Описание киргизъ-казачьихъ ордъ и степей, т. 111, стр. 100—102. *Алтынсаринъ*, Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго вѣд. Зап.-Оренб. отд. Геогр. об. I, 107—III стр.—*Вл. Плотниковъ*, Записки на статью г. Алтынсарина. Зап. Оренб. отд., I стр., 129—133.—*Н. Изразцовъ*, Обычное право киргизовъ Семирѣченской области. Этн. Об. XXXIV, стр. 74—*Н. Гродековъ*, Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, стр. 63—65. *Radloff*, Aus Sibirien, I, S. 477.—Главнымъ образомъ я пользовался сообщеніями гг. П. и *Θ. Л-аго*; впрочемъ по существу равногласій между отдельными авторами вѣтъ, а различія въ деталяхъ волею объяснимы мѣстными условіями. Самое существенное, на мой взглядъ, различіе состоитъ въ томъ, что, по утвержденію Левшина, Диваева и Изразцова, невесту приводятъ въ кибитку жениха, а не жениха въ юрту невесты, по словамъ же Гродекова первое свиданіе (орунтой) происходитъ въ кибиткѣ старшаго брата невесты.

это обставлено тутъ очень сложными и разнообразными церемоніями и представляетъ прочный и твердоукоренившійся обычай, составляющій очень существенную часть брачнаго ритуала, можетъ быть, даже центральный его моментъ. Въ записанномъ г. Диваевымъ со словъ самихъ киргизовъ описаніи киргизскихъ свадебныхъ обрядовъ посѣщеніямъ женихомъ невѣсты отведено главное мѣсто, изъ чего видно, что эта сторона имѣетъ существенно важное значеніе въ глазахъ самихъ киргизовъ. Э. Л-ій выражается такъ: „Важнѣйшую часть свадебныхъ обрядовъ у Киргизовъ составляетъ договоръ о количествѣ калыма за невѣсту, уплата его и слѣдующія затѣмъ свиданія жениха съ невѣстою, оканчивающіяся брачною молитвою“, а у г. П. мы находимъ такую фразу: „до официального пріѣзда жениха на свиданіе съ невѣстой, равносильнаго нашей свадьбѣ“, т. е. и этотъ авторъ видитъ въ этомъ свиданіи существенный элементъ свадебнаго ритуала. Наконецъ Вл. Плотниковъ тоже считаетъ этотъ моментъ „весьма важнымъ въ киргизской свадьбѣ“.

Такимъ образомъ мы имѣемъ, что посѣщеніе женихомъ невѣсты есть существенно важный *обрядъ*, санкціонированный выработаннымъ ритуаломъ, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы видѣть, что эти посѣщенія не простое сближеніе жениха съ невѣстой, а нѣчто болѣе важное и освященное преданіями старины. Въ этомъ насъ убѣждаютъ еще больше различныя детали, сообщаемыя нашими авторами. Такъ Э. Л-ій говоритъ, что формальный пріѣздъ жениха на свиданіе съ невѣстой стоитъ очень дорого и потому недоступенъ иному бѣдняку. Если же онъ вздумаетъ обойти нужныя церемоніи и сойдется съ невѣстой дѣйствительно тайкомъ при посредствѣ какой нибудь услужливой родственницы, то, разъ это станетъ извѣстно, ему придется поплатиться за тайныя свиданія собственными боками. Этотъ фактъ кажется мнѣ особенно краснорѣчивымъ, такъ какъ ясно показываетъ, что интересующій насъ обрядъ не представляетъ собою замаскированнаго факта простого сближенія между женихомъ и невѣстой. Другіе авторы тоже указываютъ, что свиданія невѣсты, до перваго официального тайнаго свиданія, подлежатъ наказанью ¹⁾.

¹⁾ *Алтынсаринъ*, стр. 108.—*Л. Балмозекъ*. Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской ордѣ силу закона. Зап. Оренб. отд. II, стр. 81.

Далѣе тотъ же самый О. Л-ій говоритъ: „Влѣдъ за сватовствомъ взять жену, выражаясь нашимъ языкомъ, жениться, неприлично: нужно подождать по крайней мѣрѣ годъ. Чѣмъ долѣе сосватанная дѣвушка живетъ въ домѣ отца и матери, тѣмъ болѣе это льститъ семейному самолюбію ихъ“. Это указаніе наводитъ насъ на мысль, что, можетъ быть, уплата калыма растягивалась на долгій срокъ не только въ силу затруднительности уплатить сразу крупную сумму, и что родители удерживали дочь у себя не изъ за одной неуплаты калыма. Последнее заключеніе подтверждается словами П. Е. Маковецкаго (стр. 16), который говоритъ, что тайныя посѣщенія женихомъ невѣсты начинаются по уплатѣ *всего* калыма, когда, казалось бы, женихъ прямо можетъ перевезти невѣсту въ свой домъ. X. Кустанаевъ тоже говоритъ, что женихъ пріѣзжаетъ на первое свиданіе съ невѣстой, „уплативъ весь калымъ или извѣстную его часть“ (стр. 27).

Посѣщенія женихомъ невѣсты настолько стали *обрядовымъ* учрежденіемъ, т. е. настолько вошли въ народное сознаніе, какъ нѣчто обычное и должное, что киргизское право придаетъ этому моменту существенное значеніе въ рѣшеніи тяжбъ изъ калыма, возникающихъ вслѣдствіе преждевременной смерти жениха или невѣсты. Такъ А. И. Левшинъ указываетъ, что, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты, изъ уплаченнаго калыма возвращалось $\frac{4}{5}$, если женихъ не имѣлъ тайныхъ свиданій съ невѣстой, и только $\frac{1}{2}$, разъ эти свиданія уже начались (III, стр. 102). По словамъ П. Е. Маковецкаго, жениху, имѣвшему съ невѣстой тайныя свиданія, въ случаѣ смерти невѣсты возвращается не весь уплаченный калымъ, а только половина его; если же онъ женится на младшей сестрѣ покойной невѣсты, то долженъ сдѣлать къ калыму извѣстную приплату (стр. 9). По указаніямъ Л. Балюзера, женихъ, отказавшійся отъ невѣсты до тайныхъ свиданій, просто лишается калыма, отказъ же послѣ урунь-келю влечетъ за собой кромѣ того уплату штрафа. Точно также въ случаѣ смерти невѣсты до урунь-келю возвращается весь калымъ, послѣ же урунь-келю только часть. Если умершая невѣста замѣняется сестрой, то женихъ къ условленному прежде калыму долженъ еще нѣсколько добавить, разъ онъ уже имѣлъ тайныя свиданія съ невѣстой (стр. 86—88). Эти факты показываютъ, что обычное право видить въ посѣщеніяхъ женихомъ невѣсты уже начало брака и смотреть

на молодыхъ людей, какъ на мужа и жену. А что часть калыма все же возвращается, это обстоятельство не должно насъ смущать, такъ какъ намъ извѣстны изъ этнографіи случаи, что ранняя смерть жены влечетъ за собой возвращеніе мужу части калыма ¹⁾.

Серьезное значеніе имѣетъ также и то обстоятельство, что обычное право требуетъ, чтобы женихъ при посѣщеніяхъ невѣсты не переходилъ дальше извѣстныхъ границъ и не вступалъ въ супружескія отношенія съ невѣстой. Такое требованіе существуетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи, хотя на практикѣ оно не соблюдается строго. Левшинъ говоритъ, что если невѣста забеременѣетъ отъ жениха, родители стараются какъ можно скорѣе совершить свадьбу, не дожидаясь даже полной уплаты калыма (III, стр. 103). А. А. Диваевъ (стр. 18—20) и Н. И. Гродековъ (стр. 63) просто отмѣчаютъ, что супружескія отношенія между женихомъ и невѣстой при свиданіяхъ не допускаются. О. Л-й (№ 151) тоже подтверждаетъ это и сообщаетъ, что если невѣста окажется беременной, всѣ мѣры принимаются къ тому, чтобы вызвать выкидышъ или скрыть ребенка; иначе весь родъ невѣсты покрывается позоромъ. Разъ тестю стало извѣстно, что женихъ сошелся съ невѣстой, первый бьетъ послѣдняго нагайкой, прогоняетъ его изъ аула, распарываетъ его лошади брюхо, калымъ же остается въ пользу обезчещенной дѣвушки. Прежде же виновнаго жениха наказывали смертью. Г. П. (стр. 36) говоритъ, что хотя женихъ съ перваго же свиданія пользуется всѣми правами мужа, но тѣмъ не менѣе для невѣсты считается очень позорнымъ забеременѣть и, во избѣжаніе этого, употребляется настой изъ какихъ-то травъ. Тотъ же г. П. (стр. 37) и П. Е. Маковецкій (стр. 18) сообщаютъ, что при первомъ свиданіи съ невѣстой женихъ иногда ограничивается тѣмъ, что пожимаетъ невѣстѣ руку черезъ рѣшетку кибитки и гладитъ ея по головѣ. Наконецъ, въ Сборникѣ Самоквасова мы находимъ такое мѣсто, подтверждающее слова О. Л-го: „Если женихъ блудъ сдѣлаетъ съ невѣстою своею прежде брака, то порютъ брюхо у

¹⁾ У гилъковъ (*Л. Штернбергъ*, Сахалинскіе гилъки. Этн. Об. ХУП, стр.). У американскаго племени *kliketat* въ подобномъ случаѣ возвращается даже весь калымъ. (*Letourneau*, *L'évolution du mariage et de la famille*, p. 313). У ваза-рамо, вавіамвези, у каэровъ и у амакова бездѣтная смерть жены даетъ мужу право требовать возвращенія калыма (*А. Н. Post*, *Afrikanische Jurisprudenzen*, I, s. 431) и т. д.

лошади, на которой онъ прѣхалъ, и рѣжутъ на немъ лучшую одежду; лошадь сія отдается въ пищу однѣмъ порочнымъ женщинамъ¹⁾.

Всѣ приведенные факты позволяютъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлать слѣдующій выводъ: посѣщеніе женихомъ невесты у киргизовъ имѣетъ очень серьезное обрядовое значеніе и признается обычнымъ правомъ, до извѣстной степени, какъ уже завершившійся бракъ. Въ то же время эти посѣщенія не являются невольнымъ сближеніемъ молодыхъ людей, обусловленнымъ продолжительнымъ ожиданіемъ уплаты калыма, хотя, несомнѣнно, свиданія жениха съ невестой символизируютъ супружескія отношенія между ними. Такъ какъ свиданія эти происходятъ въ юртѣ родителей невесты и совершаются какъ бы тайкомъ и скрытно отъ тестя и тещи, то я думаю, что свиданія эти являются переживаніемъ старины, когда всѣ супружескія отношенія сводились къ посѣщеніямъ мужемъ жены въ домъ родителей и къ болѣе или менѣе продолжительному пребыванію его тамъ. Что эти посѣщенія не должны были быть непременно слишкомъ короткими, на это указываетъ сообщеніе г. П., что женихъ остается въ юртѣ, живетъ иногда по нѣскольку дней, помѣщаясь тамъ за занавѣсью, отдѣляющею постель невесты отъ остальной кибитки и тщательно избѣгая встрѣчъ съ тестемъ и тещей (стр. 36). Это сильно напоминаетъ отдѣльные пологи у юкагирскихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ принимаютъ своихъ возлюбленныхъ.

Вотъ еще нѣкоторыя подробности, говорящія въ пользу моего предположенія. Послѣдній актъ киргизскаго свадебнаго ритуала, содержащій въ себѣ, между прочимъ, и религіозную и юридическую санкцію брака, носитъ названіе *узатар-той*, пиръ проводовъ (Диваевъ, стр. 18) или *узататуун-той*, отпускной пиръ (Продековъ, стр. 66), что какъ бы указываетъ на то, что этотъ актъ нуженъ не для того, чтобы дать жениху супружескія права на невесту, а для того, чтобы дать ему право увезти ее къ себѣ въ домъ. Далѣе съ тѣхъ поръ, какъ закончено сватовство, и до послѣдняго момента свадьбы, т.-е. все то время, которое символизируетъ эпоху проживанія мужа въ домъ тестя, женихъ дол-

¹⁾ Д. Я. Самокласовъ. Сборникъ сибирскаго права сибирскихъ инородцевъ, стр. 264.

женъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ ¹⁾, а между тѣмъ Тэйлоръ указываетъ, что подобныя отношенія между зятемъ и тестемъ тѣсно связаны съ проживаніемъ зятя въ домѣ тестя ²⁾. Наконецъ, одинъ изъ нашихъ авторовъ говоритъ: „Послѣ перваго посвщенія невесты женихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаетъ право всегда видѣть ее наединѣ и потому оставляетъ въ ея аулѣ бѣлый шатеръ свой до свадьбы“ ³⁾. Тутъ мы прямо видимъ остатокъ переселенія жениха на продолжительное время въ аулъ тестя.

Въ заключеніе отмѣчу еще одно обстоятельство. Киргизы, какъ извѣстно, довольно строго придерживаются экзогаміи ⁴⁾, хотя различные авторы не совсѣмъ одинаково опредѣляютъ, внутри какого круга нельзя брать себѣ жену. Г-жа П. (стр. 23) указываетъ, что внутри рода отношенія между молодежью обоего пола отличаются большою свободою, и дѣвушка должна остерегаться лишь беременности, противъ которой употребляется настой изъ трехъ травъ. Иное дѣло сближеніе съ молодымъ человѣкомъ изъ чужого аула и тѣмъ болѣе изъ чужого рода или волости. На это аульная молодежь смотритъ очень косо, и дѣло нерѣдко кончается убійствомъ. Допуская, что подобное положеніе вещей было характерно для прошлаго киргизскаго общественнаго быта, мы поймемъ, почему чужеродецъ, т. е. тепершній женихъ, долженъ былъ принять такія мѣры предосторожности, чтобы проникнуть тайкомъ въ жилище невесты. Враждебность къ представителямъ чужого рода, можетъ быть, выражается въ различныхъ издѣвательствахъ, которымъ подвергаются теперь сваты со стороны женщинъ изъ аула невесты ⁵⁾. Далѣе мы знаемъ, что теперь одинъ изъ элементовъ послѣдняго заключительнаго акта брака составляетъ символическое похищеніе невесты. Она отказывается идти въ кибитку жениха и тѣмъ болѣе покинуть родительскій аулъ, но въ концѣ

¹⁾ П. Е. Маковецкій, стр. 13—П., стр. 36—37—О. Л-ій, № 151.—Х. Кустанаевъ, стр. 27. Алтынсаринъ, стр. 108. Л. Баллюзекъ, стр. 81.

²⁾ Этн. Об., V, стр. 3—5.

³⁾ А. Левшинъ, III, стр. 102.

⁴⁾ А. Левшинъ, III, стр. 109—П. Е. Маковецкій, стр. 2—П., стр. 23.—О. Л-ій, № 154.—Н. И. Гродковъ, стр. 27—28. Н. Изразцовъ, стр. 70—Алтынсаринъ, стр. 104.

⁵⁾ П. стр. 30—32.—А. А. Диваевъ, стр. 16—17.—М. А. Леваневскій, страница 76—77.—П. Е. Маковецкій, стр. 15.—Х. Кустанаевъ, стр. 25—26.—Л. Баллюзекъ, стр. 72—73.—Алтынсаринъ, стр. 106.

концовъ ея сопротивленіе, разумѣется, преодолевается ¹⁾. Въ этомъ обрядѣ тоже можно видѣть переживаніе прошлаго, когда чужеродецъ, ограничивавшійся первоначально тайными посѣщеніями дѣвушки, сталъ потомъ похищать ее и силой перевозить въ свой домъ. Впрочемъ, символическое похищеніе невѣсты существуетъ, можетъ быть, не повсемѣстно у киргизовъ и нѣкоторая неустойчивость его формъ позволяетъ думать, что оно и не было общеобязательнымъ.

III.

У *казанскихъ татаръ* интересующія насъ переживанія прошлаго выступаютъ еще яснѣе, чѣмъ у киргизовъ. Когда калымъ уже уплаченъ и мулла повѣнчалъ молодыхъ и даже записалъ совершившееся бракосочетаніе въ книгу, т. е. когда все, казалось бы, уже кончено,—женихъ еще не беретъ невѣсты въ свой домъ. Въ опредѣленный день послѣ вѣнчанія, на которомъ, кстати сказать, ни женихъ ни невѣста не присутствуютъ, а замѣняются отцами, женихъ въ первый разъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Пріѣздъ этотъ обставленъ разными церемоніями и обрядами, но мы упомянемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Женихъ остается въ спальнѣ у невѣсты нѣсколько дней и за это время къ нимъ никто не входитъ, кромѣ свахи, подающей все нужное. Утромъ на четвертый день женихъ уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ, а вечеромъ невѣста посылаетъ за нимъ лошадь; иначе онъ не пріѣдетъ. У невѣсты онъ остается до утра, а за тѣмъ снова уѣзжаетъ до вечера и т. д. Такой порядокъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Все это время женихъ долженъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ и тещей до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено особое официальное свиданіе, на которомъ обѣ стороны обмѣниваются подарками. Послѣ этого женихъ можетъ уже не каждую ночь навѣщать невѣсту, но она все таки еще годъ, два, три, иногда даже десять лѣтъ остается въ родительскомъ домѣ. ²⁾ Можно отмѣтить также, что въ самой

¹⁾ О. Л-й, № 151.—М. А. Леваневскій, стр. 84.—А. А. Диваевъ, стр. 19—20.—П. Е. Маковецкій, стр. 20—21. — А. Левшинъ, III, стр. 104—105 (наиболѣе интересное описаніе).—Х. Кустанаевъ, стр. 31.—Алтынсаринъ, стр. 110.

²⁾ М. Н. Пиневичъ, Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Изв. общ. Арх. Ист. и Этн., т. IX, в. 1-й, стр. 6, 9, 10.

Казани обычай требуетъ, чтобы при первомъ прїѣздѣ жениха брачную постель устраивали жены братьевъ невесты, какъ это дѣлають и киргизскія джинаи.

Какъ видимъ, я здѣсь женихъ какъ бы тайкомъ навѣщаетъ невесту въ домъ ея родителей и вступаетъ съ ней въ связь и происходитъ это уже послѣ уплаты калыма и совершенія обряда бракосочетанія. Такимъ образомъ этихъ свиданій нельзя объяснить продолжительной уплатой калыма, и приходится видѣть въ нихъ опять таки остатокъ прошлаго, когда бракъ сводился къ тому, что мужъ навѣщалъ невесту въ домъ ея родителей.

У *вотяковъ* послѣ заключенія свадьбы мужъ отвозитъ жену въ свой домъ, но затѣмъ, спустя нѣкоторое время, она опять переѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ домъ родителей и мужъ можетъ навѣщать ее только тайкомъ по ночамъ. Находясь въ родительскомъ домѣ, она пользуется всѣми правами дѣвушекъ, но отличается отъ нихъ головнымъ уборомъ ¹⁾. Правда, нѣкоторые авторы (Бехтеревъ, Бухъ) указываютъ, что окончательное переселеніе жены въ домъ мужа происходитъ послѣ полной уплаты калыма, но я думаю, что не уплата калыма заставляетъ жену оставаться такъ долго въ родительскомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что сюанъ, или послѣдній свазебный пиръ, послѣ котораго жену окончательно перевозятъ въ домъ мужа, пріуроченъ у *вотяковъ* къ опредѣленному дню года, именно онъ происходитъ 29 іюня, когда у *вотяковъ* бываетъ большой праздникъ (Блиновъ, Бухъ, Верещагинъ, Богаевскій) или (въ Казанской губ.) на масляницѣ (Багинъ), равно какъ къ опредѣленнымъ днямъ пріурочены и всѣ предыдущіе моменты свадьбы. Въ виду этого мнѣ кажется, что не сюанъ стоитъ въ зависимости отъ уплаты калыма, а, наоборотъ, уплата калыма пріурочена къ сюану и представляетъ плату за право увести женщину изъ родительскаго дома. Существованіе экзогаміи у *вотяковъ* сомнительно; М. Бухъ (стр. 50) и В. Бехтеревъ (В. Е., 80 г., 9, стр. 142)

¹⁾ С. *Вазимъ*. Свадебные обряды и обычай *Вотяковъ* Казанскаго уѣзда. Этн. Об. XXXIII, стр. 86—87. — В. *Бехтеревъ*. *Вотяки*. Вѣст. Евр. 1880 г., 9, стр. 144, 147. — М. *Влимовъ*. Камско-Воткинскій заводъ и тамошніе *Вотяки*. Журн. Мин. Ви. Д. 1855 г. 3, стр. 63. — М. *Висш*. Die Wotjäken. S. 50—51, 56, 60 — Гр. *Верещанинъ*. *Вотяки* Сосновскаго края. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., т. XIV, вып. 2, стр. 24. — Гр. *Верещанинъ*. *Вотяки* Сарapulьскаго у. Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. XIV, вып. 3-й, стр. 124—128. П. М. *Богаевскій*. Очеркъ

правда говорить, что невѣсту берутъ всегда изъ чужой деревни. Вл. Шестаковъ упоминаетъ, что вотякъ „рѣдко“ выбираетъ себѣ невѣсту въ собственной деревнѣ (102), но П. М. Богаевскій (стр. 55) отрицаетъ это и указываетъ, что сватаютъ невѣсту безразлично и въ своей и въ чужой деревнѣ. Обряды, аналогичные символическому похищенію невѣсты, встрѣчаются, но приурочены не вездѣ къ одному моменту: Гр. Верещагинъ (Вот. Сосн. кр., стр. 25 — Вот. Сарал. у., стр. 127) приурочиваетъ ихъ къ сюану, а В. Бехтеревъ (стр. 143, 146) къ моменту перваго временнаго переѣзда жены въ домъ мужа.

У *туркменовъ* жена послѣ свадьбы проводитъ нѣсколько дней у мужа, а затѣмъ снова возвращается въ кибитку своихъ родителей и остается тамъ годъ, два или болѣе, пока не будетъ уплаченъ весь причитающійся за нее калымъ. Свиданія ея съ женихомъ по ночамъ строго запрещены, потому что въ случаѣ беременности она немедленно должна была бы переѣхать къ мужу, хотя бы и не весь калымъ былъ уплаченъ ¹⁾.

У *очеульскихъ* и *тутурскихъ тунусовъ* жена послѣ свадьбы иногда возвращается въ родительскій домъ на заранее определенный срокъ ²⁾, но дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ мы не имѣемъ.

Въ одномъ старинномъ описаніи *бурятговъ*, составленномъ въ 1789 г., я нашелъ такое указаніе: послѣ свадьбы жена проводитъ мѣсяцъ у мужа, а затѣмъ мужъ отпускаетъ ее на полгода къ родителямъ и въ это время самъ не можетъ къ ней ѣздить ³⁾. М. Хангаловъ тоже упоминаетъ про этотъ обычай. Въ одной статьѣ онъ говоритъ: „Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы“ ⁴⁾, свадьба же бываетъ уже послѣ полной уплаты калыма и справ-

быта Сарапульскихъ Вотяковъ. Собрн. матер. по этногр. изд. при Дамк. муз. т. III, стр. 57—Вл. Шестаковъ. Глазовскій уездъ. Вѣст. Геогр. Общ. 1859 г. № 7, стр. 103.

¹⁾ Бар. К. Бодэ, О туркменскихъ поговѣнкахъ: Ямудахъ и Гокланахъ. Зап. Геогр. Общ., II, стр. 229—Ө. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области, стр. 53—54.—А. Вамбергъ, Путешествіе по средней Азии, стр. 268.

²⁾ Ш. Еларкъ, Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ округѣ. Зап. Сиб. отд. Геогр. общ., VI, стр. 95.

³⁾ Дамансъ, Буриты или Братскіе. Спб. Вѣстн. 1824 г. т. I, стр. 59.

⁴⁾ М. Хангаловъ, Нѣсколько данныхъ для характеристика быта сѣверныхъ Бурятъ. Этн. Об. X, стр. 161.

ляется въ домѣ жениха, а въ другой статьѣ, описавъ самую свадьбу и послѣдовавшій за нею пиръ и другія увеселенія, онъ добавляетъ: „невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а большею частью уѣзжаетъ обратно домой... Невѣста на житье къ жениху пріѣзжаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ годъ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ“ ¹⁾. Къ сожалѣнію, М. Хангаловъ ни въ одной статьѣ не упоминаетъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ другъ къ другу мужъ и жена, пока она живетъ у родителей, т. е. можетъ ли мужъ навѣщать жену, какой степенью свободы при этомъ онъ пользуется, долженъ ли скрываться отъ тестя и тещи и т. д. У Г. Н. Потанина имѣется описаніе свадебныхъ обрядовъ Аларскихъ бурятъ, составленное самими бурятами. Въ этомъ описаніи упоминается, что послѣ вѣнчанія и свадебнаго пира у жениха „вмѣстѣ съ гостями уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ и невѣста; вновь къ мужу она пріѣзжаетъ черезъ полгода или ранѣе вмѣстѣ со своими подругами. Проживъ у мужа мѣсяцъ, опять отправляется къ родителямъ, но тогда уже не такъ долго остается у нихъ. Затѣмъ посѣщенія мужа учащаются, и она наконецъ окончательно поселяется въ домѣ мужа“ ²⁾.

Эти отрывочныя указанія имѣютъ особый интересъ въ виду того, что у унгинскихъ бурятъ есть такое преданіе о происхожденіи свадьбы: „когда Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ дочь богатаго Хангая за своего сына, то онъ отвезъ сына къ невѣстѣ, но сынъ постоянно уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту шамана Ноён-Бубея, привезъ невѣсту къ своему сыну и устроилъ первую свадьбу... Тогда невѣста не уходила отъ своего жениха. Съ этого времени невѣсту стали отвозить къ жениху. И у Кундинскихъ бурятъ есть тоже преданіе, что Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ своему сыну невѣсту, къ которой отводилъ нѣсколько разъ сына, но сынъ его всегда уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту Заря-Азарга (ежа), привезъ невѣсту и отдалъ сыну и устроилъ свадьбу; невѣста уже не уxo-

¹⁾ М. Хангаловъ, Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Бурятъ Унгинскаго вюродческаго вѣдомства Балаганскаго округа. Этногр. Об. XXXVI. стр. 73—74.

²⁾ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV, стр. 35—36.

дила отъ мужа. Съ этого времени стали отвозить невѣсту къ жениху, а не жениха къ невѣстѣ, какъ было прежде¹⁾.

Въ этомъ преданіи сохранилось отчетливое воспоминаніе о прежнихъ порядкахъ, когда жена оставалась навсегда въ домѣ родителей, а потому можно думать, что теперешнее возвращеніе жены послѣ свадьбы къ родителямъ является символическимъ переживаніемъ прошлаго.

Въ старинныхъ описаніяхъ якутовъ мы находимъ слѣдующія подробности объ ихъ свадебныхъ церемоніяхъ. При уплатѣ нѣкоторой части калыма, женихъ пріѣзжаетъ съ ближайшими родственниками къ тестю, но входитъ сперва въ юрту къ нему одинъ и въ дорожномъ платьѣ. Онъ совершаетъ поклоненіе очагу, а въ это время шаманъ бросаетъ въ огонь топленое коровье масло и „оборотясь къ жениху, желаетъ ему жить съ женою мирно, породить многихъ дѣтей и размножить скотоводство“. Затѣмъ женихъ выходитъ, снимаетъ съ себя дорожное платье и возвращается вмѣстѣ со своими провожатыми. Онъ садится на невѣстину постель, которая помѣщается за особой загородкой, и старается сидѣть такъ, чтобы его никто не видалъ; поѣзжане же тѣмъ временемъ пируютъ. Невѣста на этотъ день уходитъ въ другую юрту. Послѣ этого пріѣзда женихъ можетъ навѣщать невѣсту, когда вздумается, и пользуется всѣми правами мужа, но увезти ее съ собой можетъ лишь послѣ полной уплаты калыма²⁾. У еще болѣе стариннаго автора, Ланганса, встрѣчается такая недостаточно ясная фраза: „Отдавши тестю приведенный екотъ (часть калыма А. М.), зять ночуетъ съ невѣстою у тестя въ головахъ; а поживши трое сутокъ уѣзжаетъ домой. Когда же весь обѣщанный калымъ отдастъ, то невѣсту отецъ ея со сродниками своими къ нему привозятъ“³⁾ и, повидимому, эту фразу можно понимать въ томъ смыслѣ, что иногда женихъ вступалъ въ права мужа уже при первомъ пріѣздѣ къ невѣстѣ. Тотъ же авторъ (стр. 147) упоминаетъ, что если мужъ долго не въ состояніи выплатить калыма, жена остается у

1) М. Хамаловъ, Свадебные обряды, etc., стр. 39.

2) О происхожденіи, вѣрѣ и обрядахъ Якутовъ. (Любит. Словеса. 1806 г. I, кн. 2) стр. 133—134.—Описаніе Якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи. Сѣв. Арх. 1822 г., т. III, кн. 16, стр. 292—294.

3) Лангансъ, Якуты. Сиб. Вѣстн. 1824 г. III, стр. 146.

родителей, а мужъ можетъ только навѣщать ее; родившіяся въ это время дѣти остаются при матери. Изъ болѣе позднихъ писателей кн. Н. Костровъ тоже говоритъ, что послѣ сватовства женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ частью калыма и особыми подарками, „которые называются спальными, потому что съ этого времени онъ имѣетъ право спать съ нею“. Пріѣздъ этотъ обставленъ цѣлымъ рядомъ особыхъ церемоній, и послѣ того до уплаты женихъ навѣщаетъ невѣсту, когда вздумается, и пользуется всеми правами мужа ¹⁾. Н. С. Щукинъ описываетъ свадебные обряды якутовъ въ общемъ согласно съ авторами статей въ „Любитель Словесности“ и въ „Сѣверномъ Архивѣ“, но говоритъ, что коровье масло бросаетъ въ огонь не шаманъ, а самъ женихъ, и что ночью, когда всѣ уснутъ, невѣсту приводятъ къ жениху и онъ становится мужемъ ²⁾. Р. К. Маакъ указываетъ, что женихъ приобретаетъ супружескія права на невѣсту еще до полной уплаты калыма, но сдѣлавъ особый подарокъ, состоящій изъ кобыльяго мяса и имѣющій особое названіе „хойносоръ къся“, гостинецъ для сна. При этомъ супружескія права жениха нисколько не зависятъ отъ возраста невѣсты; если она даже совсѣмъ малолѣтна, дѣло отъ этого не мѣняется ³⁾. Наконецъ, В. Л. Сѣрошевскій тоже сообщаетъ, что женихъ еще задолго до полной уплаты калыма становится мужемъ невѣсты послѣ торжественной поѣздки къ тестю, сопровождающейся цѣлымъ рядомъ церемоній ⁴⁾. Онъ же упоминаетъ, что иногда и послѣ уплаты калыма и вѣнчанія жена все-таки остается тамъ еще нѣсколько времени, и женихъ навѣщаетъ ее, привозя съ собой каждый разъ особые подарки; въ старину же такія отстрочки въ переѣздѣ жены къ мужу были еще продолжительнѣе и достигали до 4—5 лѣтъ (стр. 548).

Изъ всѣхъ этихъ указаній, какъ мнѣ кажется, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: у якутовъ моментомъ, аналогичнымъ нашему вѣнчанію, т.-е. дающимъ жениху законное право на супружескія отношенія съ невѣстой, является его первый официальный пріѣздъ къ тестю. Послѣ того молодые люди по закону становятся мужемъ

¹⁾ Кн. Н. Костровъ, Очерки юридическаго быта Якутовъ. Зап. Геогр. общ. по отд. Этн. VIII, стр. 280—281.

²⁾ Н. С. Щукинъ, Якуты. Журн. Мин. Вн. Д. 1854 г., 7, стр. 27—28.

³⁾ Р. Маакъ, Вилюйскій округъ Якутской области, III, стр. 94.

⁴⁾ В. Л. Сѣрошевскій, Якуты, I, стр. 537—542.

и женой, но жена остается въ родительскомъ домѣ, а мужъ только навѣщаетъ ее. Подобныя отношенія опять-таки можно объяснить только какъ переживание прошлаго, когда они были постоянными, т.-е. когда жена навсегда оставалась у отца. То обстоятельство, что женихъ при первомъ прїѣздѣ сидитъ на невѣстиной постели и старается, чтобы его никто не видѣлъ, позволяетъ думать, что прежде его прїѣзды были какъ бы тайными и скрытными; а это, можетъ-быть, находится въ связи съ господствующей у якутовъ экзогаміей.

У *башкировъ* женихъ становится мужемъ невѣсты задолго до уплаты калыма и до того времени, какъ онъ можетъ взять ее къ себѣ въ домъ. Супружескія отношенія между ними нисколько не скрываются, и рожденіе ребенка не считается предосудительнымъ. При этомъ только требуется или, по крайней мѣрѣ, прежде требовалось, чтобы женихъ не видѣлъ лица невѣсты и не показывался на глаза тестю и тещѣ. Юлуевъ сообщаетъ, что даже вѣнчаніе муллою, т.-е. религіозная и юридическая санкція брака, дающая ужъ совсѣмъ законное право на супружескія отношенія, совершается по уплатѣ лишь части калыма, но жена еще долго остается въ родительскомъ домѣ и тамъ принимаетъ мужа. Лепехинъ указываетъ, что для пріема мужа у жены ставится особая юрта ¹⁾.

Объ *остякахъ* мы читаемъ у Гр. Новицкаго слѣдующее: „Егда бо хочетъ кто поняти себѣ въ жену у котораго дочерь, тогда отецъ дщери постовляетъ оной цѣну, яже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назначенный оный зять, егда хочетъ зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранить сей обычай, чтобы не явственнымъ лицомъ, но обращенъ плещми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже взирая дерзнетъ на лице его, но ускоряетъ на мѣста, гдѣ же она зговореная сидитъ: се же обыкновение въ знаменіе смиренія есть противо родителей“. По уплатѣ калыма „тогда отецъ поемлетъ и отдаетъ зятю... аще же калымъ весь не исполнить за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно

¹⁾ П. С. Назаровъ, Къ этнографіи Башкиръ, Этн. Об., IV, стр. 187—188.— Батыръ-арей Мухамедовъ Юлуевъ, Къ этнографіи Башкиръ. Этн. Об., XIII—XIV, стр. 217—218—Лепехинъ, Записки путешествія, изд. 1221 г., т. II, стр. 129—170.

въ дому своемъ не возбраняеть пребывать, донелиже весь калымъ запла тить“ ¹⁾). Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что и у остяковъ, вѣроятно, женихъ имѣлъ право какъ бы тайкомъ навѣщать невѣсту и вступать съ нею въ интимныя отношенія. До известной степени это подтверждаетъ и Н. А. Абрамовъ, который говоритъ, что „пока весь калымъ не будетъ уплаченъ, дочь остается у отца, но жениху не возбраняется пріѣзжать къ невѣстѣ и спать вмѣстѣ съ нею“ ²⁾, и еще больше Палласъ, у котораго говорится, что женихъ, уплативъ часть калыма, напоминаетъ тестю, чтобы тесть приготовилъ ему къ слѣдующей ночи постель въ своей юртѣ. Послѣ этой ночи, проведенной женихомъ съ невѣстой, теща получаетъ отъ зятя особый подарокъ за сбереженіе невѣсты въ невинности, а кожа, на которой спали молодые, разрѣзается на куски и разбрасывается всюду въ знакъ торжества. Если же невѣста оказалась не дѣвушкой, теща даритъ зятю оленя ³⁾). Эти подробности ясно указываютъ, что именно къ этому моменту пріурочивали остяки окончательное заключеніе брака и все-таки жена продолжала оставаться до выплаты калыма въ родительскомъ домѣ, а мужъ ограничивался посѣщеніями ея ⁴⁾).

У *черемисовъ* по окончательной платѣ калыма женихъ и невѣста становятся мужемъ и женой, но переѣзжаетъ жена къ мужу только черезъ полгода, а тѣмъ временемъ мужъ навѣщаетъ ее по ночамъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ ⁵⁾).

У *кундровскихъ татаръ* достаточно внести первую часть калыма, чтобы имѣть уже всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное (?) время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажущеюся таинственностью“ ⁶⁾).

У *черемшанскихъ татаръ* женихъ до полной уплаты калыма имѣеть право тайно отъ времени до времени посѣщать свою не-

¹⁾ Гр. Новицкій, Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 42—43.

²⁾ Н. А. Абрамовъ, Описаніе Березовскаго края. Зап. Геогр. Общ. XII, стр. 335.

³⁾ П. С. Палласъ, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства (изд. I-е), IV, стр. 69.

⁴⁾ Ср. также А. И. Дмитриевъ-Мамонъ и К. М. Голодниковъ, Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 35.

⁵⁾ Мендиаровъ, О Черемисахъ Уфимской губерніи, Этн. Об., XII, стр. 52.

⁶⁾ П. Небольсинъ. Инородцы Астраханской губерніи. Замѣтки о Кундровскихъ татарахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1851 г. II, стр. 18.

вѣсту, что у нихъ за пазуху ходить, касъ куйнена крыдырь, называється: ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольность простираться должна¹⁾.

У *тунусовъ* Охотскаго края женихъ по уплатѣ части калыма имѣеть право навѣщать невѣсту и гостить у ней сколько вздумается²⁾.

У *гольдовъ* невѣста должна избѣгать жениха послѣ сватовства и до одного изъ послѣднихъ моментовъ брака, называемаго „дансари“. На дансари справляется особая церемонія „дырелачо-ури“, т.-е. „первая встрѣча двухъ лицъ“, которая состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста становятся на колѣни и трижды угощаютъ другъ друга ханшиномъ. Потомъ происходитъ угощеніе гостей, а вечеромъ, когда всѣ улягутся спать, невѣсту приводятъ къ жениху и кладутъ подъ одно съ нимъ одѣяло, хотя бы она была совсѣмъ малолѣтняя. Супружескихъ сношеній между ними, однако, тутъ не бываетъ, такъ что это только обрядъ. Невѣста затѣмъ все же остается еще у родителей на болѣе или менѣе продолжительное время и перевозится къ жениху только въ слѣдующій актъ брака, „хосодабгалику“³⁾.

У *калмыковъ*, какъ говоритъ Палласъ, „еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходить къ невѣстѣ и съ нею играть“⁴⁾.

У *лопарей* молодые должны послѣ свадьбы прожить годъ или больше у тестя. Въ другихъ источникахъ указывается, что женихъ послѣ сватовства имѣеть право спать съ невѣстой⁵⁾.

У *самогдовъ* остатки старины сохранились во второстепенныхъ церемоніяхъ свадебнаго ритуала. Для уплаты калыма женихъ со сватой прѣзжаетъ къ отцу невѣсты, но разбиваетъ тамъ собственный чумъ. Сперва пируютъ въ чумѣ тестя, потомъ переходятъ въ

¹⁾ *Лепелитъ*, I, стр. 195.

²⁾ *А. Сибиневъ*. О тунусахъ Приморской области. Морск. Сборн. 1859 г. 5, стр. 42.

³⁾ *П. Шимкоичъ*, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ. Этн. Об., XXXIV, стр. 12—13.

⁴⁾ *Палласъ*, I, 531.

⁵⁾ *А. Фр. Пошманъ*, Описаніе Архангельской губерніи (изд. 1866—1873 гг.) I, стр. 188. — *Лест*, Nachrichten von den Lappen, S. 198, цитир. по Lippert, Geschichte der Familie, S. 34.—Ср. *Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 264, 267, 269, 270, 271, 272 и 280.

жениховъ чумъ и приводятъ туда невѣсту. Женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и молча угощаетъ ее мясомъ и виномъ, въ чемъ, пожалуй, можно видѣть формальное закрѣпленіе брака, аналогичное нашему вѣнчанію. Попировавъ, гости расходятся и оставляютъ молодыхъ однихъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума такъ, чтобы его никто не замѣтилъ, запретъ оленей и уѣхать домой. Переѣздъ невѣсты къ жениху происходитъ только спустя въкоторое время послѣ того, и тутъ продѣлывается церемонія, аналогичная символическому похищенію невѣсты ¹⁾.

Слѣды прошлаго, когда мужъ жилъ у тестя и пасъ его стада, можетъ-быть, можно видѣть и въ одной *телеутской* пѣснѣ, въ которой молодой человѣкъ, попавшій въ руки киргизовъ и ожидавшій себѣ смерти, говоритъ:

Weisses Vieh vom Schwiegervater
Suchend, traf ich euch, o Männer ²⁾.

У *мещеряковъ* молодая недѣля черезъ три послѣ свадьбы уходитъ къ матери и живетъ у нея недѣль шесть ³⁾.

Такъ какъ я отноудь не имѣю сейчасъ въ виду исчерпать всѣ относящіяся сюда факты, то ограничусь пока вышеприведенными и обращусь къ другой категоріи явленій, въ которой, по моему мнѣнію, тоже можно видѣть слѣды прежняго порядка вещей, когда жена не покидала родительскаго дома.

IV.

Вопросъ о приданомъ невѣсты, о его происхожденіи и назначеніи сравнительно очень мало привлекалъ къ себѣ вниманіе этнологовъ, а между тѣмъ изученіе этого института проливаетъ извѣстный свѣтъ на ходъ развитія семьи. Тутъ очень существенное значеніе имѣетъ *составъ* приданаго, и потому я остановлюсь съ нѣкоторой подробностью на этомъ обстоятельстве.

У *юкайровъ*, какъ мы видѣли выше, мужъ, входя въ семью жены, приноситъ съ собой только свое охотничье оружіе, ружье

¹⁾ *Вл. Исламъ*, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 129—130.

²⁾ *Radloff*, Aus Sibirien, I, 339.

³⁾ *К. Масловскій*, Бытъ, обряды и повѣрья мещеряковъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1859 г. II, стр. 118.

или лукъ, все остальное, нужное для хозяйства и жизни, принадлежитъ жениной семьѣ; мужъ даже новый костюмъ получаетъ отъ жены.

У *чужчей* ¹⁾ и *коряковъ* ²⁾ приданое состоитъ изъ оленей.

Гиляки дѣвушки получаютъ въ приданое одежду и украшенія ³⁾.

У *ламутовъ* „приданое состоитъ прежде всего въ нарядахъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ... въ утвари, новомъ шатрѣ, новой металлической посудѣ“ ⁴⁾.

У *гольдовъ* приданое состоитъ изъ одежды, украшеній, постели съ одѣяломъ и разнаго рода домашней утвари, въ томъ числѣ изъ камышевыхъ ковровъ и камышевыхъ полосокъ, которыя вѣшаются на стѣны фанзы. Богатые родители прибавляютъ къ приданому дочери котель, топоръ, огниво, ножъ, лыжи, копье и т. д. ⁵⁾.

Тунгусы даютъ въ приданое за дочерью пару новаго платья для мужа, покрывку для чума, нѣсколько оленей и кое-что изъ домашней утвари ⁶⁾. У забайкальскихъ тунгусъ въ составъ приданого входитъ юрта ⁷⁾.

Бурятское приданое состоитъ изъ украшеній, одежды, постелей, ящичковъ, посуды, верхового коня съ уборомъ, нѣсколькихъ головъ скота, а также и юрты со всѣми принадлежностями ⁸⁾.

Калмычки получаютъ въ приданое скотъ, одежду, украшенія, всякую домашнюю утварь и кибитку. Интересно, что эта кибитка, а также нѣкоторые другіе предметы изъ приданого изготовляются изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ, и отчасти съ помощью его родныхъ ⁹⁾.

1) А. А. Ресинъ, 1. с., стр. 173—θ. М. Августиновичъ, 1. с., стр. 54.

2) Дитмаръ, стр. 25—Богородскій, стр. 110.

3) Л. Штернбергъ, Сахалинскіе гиляки, Этн. Об. XVII, стр. 30.

4) В. Г. Богоразъ, Ламуты, Землев. 1900, г. 1., стр. 71.

5) П. П. Шимкевичъ, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ, Этн. Обзор. XXXIV, стр. 14—15.

6) П. Третьяковъ, Туруханскій край, Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, страница 380.

7) Забайкальскіе тунгусы. Сиб. Вѣст. 1822 г., XX, стр. 64.

8) М. Хамаловъ, Юридическіе обычаи у Бурятъ, Этн. Об., XXI, стр. 138—Ламанъ, 1. с., стр. 58—60. А. θ. Раевъ, Буряты, Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г., т. XXIV, стр. 26.

9) И. А. Житцкій, Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 21—22—А. Герещенко, Улусъ Хошотскій или Хошоутовскій, Москвит. 1854 г., I., стр. 49—Лепехинъ, II, стр. 370—371—Полласъ, I, стр. 531.

У *якутовъ* приданое, по словамъ Р. К. Маака, состоитъ изъ скота, который доставляется женихомъ въ видѣ калыма ¹⁾. В. Л. Сѣрошевскій указываетъ, что кромѣ скота въ приданое входитъ домашняя утварь, одежда, постель, украшенія, вареное мясо и т. д. ²⁾. Наконецъ, Н. Бергъ, перечисливъ предметы, входящіе въ составъ якутскаго приданого, добавляетъ: „отецъ невесты обязуется дать ей на постройку юрты около 10 скотинъ. Эта послѣдняя заключительная дача называется тось-се-титя“ ³⁾.

У *карагасовъ* приданое состоитъ изъ извѣстнаго количества оленей, приблизительно около половины числа, полученнаго въ калымъ, и изъ лѣтней и зимней юрты ⁴⁾.

У *качинцевъ* въ составъ приданого входитъ одежда, украшенія, домашняя утварь и большое количество скота ⁵⁾.

Каракиризы даютъ въ приданое за дочерью кибитку, коверъ, халать ⁶⁾.

У *киргизовъ* въ приданое, кромѣ одежды, украшеній, скота, постели и всякой домашней утвари, поступаетъ также и кибитка ⁷⁾, при чемъ и здѣсь кибитка эта, по словамъ г. П. Алтынсарина (113) и Кустанаева (стр. 30), изготовляется изъ матеріаловъ, привезенныхъ женихомъ.

Туркменское приданое состоитъ изъ одежды и внутреннихъ украшеній кибитки ⁸⁾.

Кундровскіе татары даютъ въ приданое новую кибитку и нѣсколько воловъ, каждый изъ которыхъ впрягается въ особую арбу съ разной одеждой, домашней утварью и всѣми принадлежностями

¹⁾ Р. К. Маакъ, 1. с., стр. 94.

²⁾ В. Л. Сѣрошевскій, 1. с., стр. 546—548.

³⁾ Н. Бергъ, Свадебные обряды якутовъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1853 года, VII, стр. 35.

⁴⁾ Ю. П. Штубендорфъ, О карагасахъ. Этн. Сб., IV, стр. 8 или Вѣстн. Геогр. Общ. 1854 г., XII, стр. 236.

⁵⁾ П. Островскій, Этнографическія замѣтки о тюркахъ Минусинскаго округа. Жив. Ст. 1895 г., 3—4, стр. 319—320—Палласъ, IV, стр. 560.

⁶⁾ Н. И. Гродековъ, 1. с., стр. 83.

⁷⁾ Х. Кустанаевъ, стр. 32 — О. Л-ій, № 154. А. А. Диваевъ, стр. 20. — П. Е. Маковецкой, стр. 9. — А. Левшинъ, III, стр. 100. — Н. Изразовъ, стр. 79. — Н. И. Гродековъ, стр. 83. — Алтынсаринъ, стр. 112.

⁸⁾ Бодэ, стр. 229.

хозяйства, при чемъ всѣ эти предметы покупаются именно на деньги, внесенныя женихомъ въ видѣ калыма ¹⁾).

У *башкировъ* приданое состоитъ главнымъ образомъ изъ одеждъ и украшеній, или прямо доставляемыхъ женихомъ, или покупаемыхъ на внесенный имъ калымъ ²⁾).

Чувашское приданое состоитъ изъ одеждъ, украшеній, утвари скота, пчель и т. д.; величина его соразмѣрна величинѣ калыма ³⁾).

Самодскія невѣсты получаютъ въ приданое чумъ со всѣми принадлежностями, оленей, сани, всякую утварь, провизію, одежду и т. д., величина приданого соотвѣтственна величинѣ калыма ⁴⁾).

У *юраковъ* молодая, переѣзжая къ мужу, привозитъ съ собой и чумъ, въ которомъ проводится первая ночь ⁵⁾).

Остяцкое приданое состоитъ изъ платьевъ, бѣлья и постели и приобрѣтается на часть калыма ⁶⁾).

Лопари даютъ въ приданое оленей, одежду, утварь, неводъ и т. д. ⁷⁾).

У *пермяковъ* приданое состоитъ изъ одеждъ, хозяйственныхъ принадлежностей, немного скота, иногда денегъ ⁸⁾; обязательно въ составъ приданого входятъ корова и двѣ овцы ⁹⁾).

1) П. Небольсинъ, Ивородцы Астраханской губерніи. Вѣсти. Геогр. общ. 1851 г. II, стр. 18.

2) Юлуевъ, стр. 216—217—*Лепехинъ*, II, стр. 168.

3) В. Ашмаринъ, Чувашская свадьба. Этн. Об. V, стр. 162. — О чувашахъ. Этнограф. очеркъ неивѣстнаго автора XVIII, стол. Съ предисловіемъ и примѣч. В. Магнитскаго. Казавъ 1888 г., стр. 7.—А. Фуксъ, Записки о Чувашахъ и Черемисахъ Казавской губерніи, стр. 69—70.

4) Вл. Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 128—А. G. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, I, S. 476.—А. И. Дмитриевъ-Мамонтовъ и К. М. Голодниковъ, стр. 41. — А. ф. Пошманъ, Описаніе Архангельской губерніи, (изд. 1866—1873 г.) I, стр. 136.—А. Ефименко, Народные юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи, стр. 178.—М. О. Кривошапкинъ, Евнсейскій округъ и его жизнь, II, стр. 150.

5) П. Третьяковъ, стр. 396.

6) S. Patkanov, Die Irtusch-Ostjaken, S. 139.

7) А. ф. Пошманъ, I, стр. 188; II, 75.—А. Ефименко, стр. 27. — Н. Н. Харузинъ, Русскіе Лопари, стр. 269, 270, 303, 304. — Св. Гр. Терентьевъ, Этнографія Лопарей, Арх. губ. Вѣд. 1868 г., 2.

8) Роювъ, Матерьялы для описанія быта Пермьяковъ. Пермск. Сборн. II, стр. 116.

9) Н. Добротворскій, Пермьяки, В. Евр. 1883 г., 4, стр. 563.

У *вогуловъ* невѣста приносить въ приданое чумъ, нѣсколько парть съ оленями, провизію, всякую домашнюю утварь и одежды ¹⁾.

У *черемисовъ* въ приданое „отецъ даетъ своей дочери часть отъ всего своего имѣнія: даетъ лошадь съ полной упряжью, корову или теленка, иногда и то и другое вмѣстѣ, нѣсколько овецъ, нѣсколько паръ гусей, утокъ, куръ. Бѣдный даетъ по крайней мѣрѣ по парѣ всякой живности — это ужъ обязательно“ ²⁾.

Мордовское приданое состоитъ изъ одежды и скота ³⁾.

Легко понять, почему невѣста приносить съ собою въ приданое свои одежды и украшенія или такія хозяйственныя принадлежности, которыя относятся спеціально до женскаго хозяйства, но какъ объяснить себѣ, почему она приносить полное домашнее обзаведеніе, провизію, стадо оленей и, наконецъ, кибитку или чумъ? Вѣдь, вообще говоря, женщина у большинства инородцевъ не имѣетъ почти никакихъ имущественныхъ правъ и не наследуетъ отцу, такъ что въ такомъ приданомъ нельзя видѣть выдѣлъ дѣвушка части родового имущества, возникшій уже на почвѣ современныхъ отношеній. Вѣдь во многихъ случаяхъ приданое состоитъ изъ части калыма или изготовляется на деньги, внесенныя въ видѣ калыма, такъ что нерѣдко женихъ, давая калымъ, получаетъ его обратно весь или опредѣленную его часть, и, какъ общее правило, калымъ и приданое болѣе или менѣе соразмѣрны по величинѣ: чѣмъ больше приданое, тѣмъ большій калымъ платится за дѣвушку, и, наоборотъ, чѣмъ больше калымъ, тѣмъ больше должно быть приданое. У якутовъ калымъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) *сулу* живымъ скотомъ отъ нѣсколькихъ до 100 головъ скота, 2), *курумъ* отъ одной скотины до 10—15 головъ, отчасти живыхъ, отчасти убитыхъ, 3) *сынахъ хомороръ*, или *уосъ-асаръ* (раскрытіе губъ), живая скотина или стегно мяса и нѣсколько денегъ по состоянію, 4) *хойнохоръ кэсій*, подарокъ за ночлегъ, стегно мяса или одна живая скотина, 5) *бысырэмъ кэсій*, также одна голова живого скота или стегно мяса. Главная и самая большая изъ этихъ частей, сулу, возвращается жениху обратно въ видѣ приданого, курумъ

¹⁾ К. Носиловъ, Юридич. обычаи Маньсовъ. Сб. мат. по этн., изд. при Дашков. муз., III, стр. 73.

²⁾ Ст. Кузнецовъ, Очерки изъ быта Черемисъ. Др. и Нов. Росс. 1877 г. стран. 35.

³⁾ М. Е. Евсеевъ, Мордовская свадьба, Жив. Ст. 1892 г. 2; стр. 99.

идеть на угощеніе и не возвращается жениху ¹⁾). Про киргизское приданое одинъ изъ авторовъ выражается такъ: „приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, по крайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ.... Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женившагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ немного менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ“ ²⁾). У калмыковъ и киргизовъ, какъ я уже упоминалъ, кибитка, поступающая въ приданое невѣстѣ, изготовляется изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ. А. Ѳ. Раевъ говоритъ про бурятскій калымъ, что онъ шелъ „по древнему обычаю, на снабженіе... дочери платьемъ, посудю и юртою съ принадлежностями“, и этотъ авторъ различаетъ сватовство съ условіемъ о калымѣ отъ простой покупки дѣвочки, которая потомъ выдавалась замужъ за сына купившаго ее человѣка или за кого либо другого ³⁾).

Конечно, составъ придаваго далеко не одинаковъ у различныхъ народовъ, но на меня относящіяся сюда факты производятъ такое впечатлѣніе, что съ большей или меньшей полнотой и послѣдовательностью современное приданое выражаетъ ту мысль, что все нужное для домашняго обзаведенія новой супружеской пары, включая сюда и жилище, должно быть доставлено женой, и что современный калымъ въ значительной степени является выкупомъ этого придаваго, т. е. женина имущества. Подобное представленіе не могло, конечно, возникнуть на почвѣ существующихъ отношеній. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, жениху давать невѣстѣ средства на пріобрѣтеніе жилища и стада оленей, нужныхъ для ихъ будущей супружеской жизни, когда онъ самъ можетъ пріобрѣсти эти предметы или даже когда они у него имѣются? Не странно ли, что женихъ даетъ будущему тестю стадо и получаетъ его потомъ обратно въ видѣ придаваго?

Мнѣ кажется, что эти и имъ подобныя вопросы разрѣшатся очень просто, если мы допустимъ, что прежде мужъ не бралъ

¹⁾ В. Л. Стрѣшевскій, стр. 545—546.—Р. К. Маакъ, III, стр. 94; ср. также Н. Бергъ, стр. 32—35.

²⁾ Н. Изразцовъ, стр. 82.

³⁾ А. Ѳ. Раевъ, стр. 26—27.

жену къ себѣ въ домъ, а самъ переходилъ къ ней на жительство. Тогда все нужное для жизни, кромѣ специально мужскихъ охотничьихъ орудій, принадлежало женѣ, какъ это мы видѣли у юкагировъ. По мѣрѣ того, какъ мужъ пріобрѣталъ все большія права на жену и на ея имущество или, вѣрнѣе сказать, на имущество ея семьи, онъ долженъ былъ дѣлать соотвѣтственныя возмѣщенія. Отрывая жену отъ ея родныхъ и заставляя ее переселиться въ его родъ, онъ вмѣстѣ съ нею перевозилъ и ея домъ и имущество, но долженъ былъ возмѣстить ихъ стоимость родственникамъ жены. Народное сознание настолько свыклось съ представленіемъ о поселеніи мужа въ домъ жены, что не могло отрѣшиться отъ него даже при измѣнившихся условіяхъ. Жена все-таки продолжала считаться хозяйкою жилища и перевозжала въ родъ мужа вмѣстѣ съ собственной кибиткой или чумомъ.

Принадлежность дома къ приданому имѣетъ особенно важный смыслъ. Съ одной стороны, эта черта является наиболѣе устойчивой и можно сказать, что почти всѣ кочевые ивородцы, т.-е. тѣ, у которыхъ домъ представляетъ *движимое* имущество, даютъ его въ приданое за дочь; съ другой — эта черта приводитъ насъ къ теоріи Липперта о раздѣльности мужского и женскаго хозяйства у первобытныхъ народовъ и о принадлежности дома именно къ женскому хозяйству. Подтверженіемъ этой теоріи можетъ служить и тотъ фактъ, что у большинства изъ русскихъ ивородцевъ, ведущихъ кочевую жизнь, разборка и установка на мѣстѣ чума, юрты или кибитки составляетъ обязанность не мужчинъ, а женщинъ ¹⁾.

А. Максимовъ.

¹⁾ Чукчи: *Тамъ, развѣн*—К. К. *Неймавъ*, Историч. обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи. Изв. Сиб. отд. 1, 1871 г., 4—5, стр. 19—В. Г. *Майделъ*, стр. 154. В. Г. *Болоразъ*, стр. 38.

Тунгусы: *Ө. М. Августиневичъ*, стр. 49.—*Болородскій*, стр. 119.—*П. Кларкъ*, Очепульскіе и тутурскіе Тунгусы, стр. 90. *П. Кларкъ*, Вилюйскъ и его округъ. Зап. Сиб. отд. VII, стр. 128.

Калмыки: *Палласъ*. I, стр. 465.

Самоэды: *A. G. Schrenk*. I, S 474. *В. Исмаиловъ*, стр. 24.—*Av. Middendorff*, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, Bd. IV, pp. 1422, 1432.

К р о с н а.

I. Устройство кросень.

Важное значеніе кросень въ народномъ быту, пѣсняхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ побуждаетъ насъ прежде всего разсмотрѣть устройство ихъ.

Кросна — снарядъ для тканья холста, снабженный нитками. Состоятъ кросна изъ слѣдующихъ частей: изъ навоя, набѣлковъ, нита, берда, челночка, цѣвокъ, поножей, собачекъ (волчковъ, горностаѣчиковъ), пруга, досточекъ, головы или малаго навоя, става, чепелокъ, кружелокъ.

Навои—вытесанная палка съ двумя головами; въ одной головѣ просверлены дырки, въ которыя вдѣвается палочка; при помощи этой палочки, по мѣрѣ надобности, поварачиваютъ навои.

Набѣлки дѣлаются изъ дерева. Это—двѣ полукруглыхъ длинныхъ пластинки; въ каждой пластинкѣ съ одной продолговатой стороны дѣлается углубленіе, на подобіе канавки, глубина которой на одинъ вершокъ, а ширина на полъ-вершка. По концамъ этихъ пластинокъ пробиваются сквозныя дырки; въ дырки продѣваются узенькія досточки. Къ нижней пластинкѣ прикрѣпляется полотно, а верхняя, при помощи пробитыхъ дырокъ, надѣвается на досточки. Верхняя пластинка, по мѣрѣ надобности, можетъ подниматься и опускаться. Въ набѣлки укладывается *бердо*.

Бердо. Изъ тоненькихъ палочекъ вяжется мастерами „бердѣшниками“ такой снарядъ, черезъ который продѣваются нитки кросень; онъ имѣетъ видъ длиннаго гребешка; оконечности зубцовъ съ обѣихъ сторонъ закрыты палочками.

Нитъ. Онъ вяжется, при помощи досточки, изъ очень крѣпкихъ нитокъ, на подобіе цѣльной бахромы; въ нитъ продѣваются палочки. Посредствомъ шнурка нитъ привязывается къ „кружел-

камь" или „котёлкамъ“, при помощи „котёлокъ“ „нить“ поднимается и опускается вверхъ и внизъ.

„Голова“ или „малый навой“ или „пришва“. Это—вытесанная палка съ одной головою; въ головѣ просверливаются дырки. При помощи длинной палочки, которую вдѣваютъ въ дырки, поворачиваютъ „пришву“.

Ставы. Два деревянныхъ бруска; у каждаго изъ нихъ по двѣ ножки; по серединѣ каждаго бруска пробиты дырки. Когда нужно ставы поставить, то въ дырки брусковъ вдѣвается вытесанная палка; позади брусковъ вкладется „навой“, а напередъ „пришва“, такъ что „ставы“ стоятъ на подобіе рамки стола.

Челночекъ. Онъ имѣетъ видъ бездонной лодки; въ оба мысика внутри упирается палочка, называемая „прутикомъ“.

Цѣпки. „Цѣвка“—малиновый пруть, въ серединѣ выдолбленный; на него наматываются нитка для утока кросень. „Цѣвка“ вставляется въ челночекъ—надѣвается на прутыкъ челночка.

Поножи. Это — досточки, наподобіе слѣда, на которыя ткущая женщина становится ногами; онѣ прикрѣпляются такъ, что могутъ двигаться вверхъ и внизъ. „Поножи“, при помощи веревочъ, соединяются съ нитомъ.

Собажки, волчки или горностайки. Это — коротенькія палочки, которыми соединяютъ веревочки, идущія отъ нита къ поножамъ и отъ поножей къ ниту.

Пруи. Это — двѣ тонкія пластинки, скрѣпленныя по срединѣ ниткою, на подобіе ножницъ; на двухъ болѣе длинныхъ концахъ этихъ досточекъ слѣданы жестяные наконечники съ двумя остріями.

Кружёлки или котёлки. Это — деревянные кружки съ дыркою по срединѣ; кругомъ „кружёлки“ идетъ желобокъ; по желобку бѣгаетъ шнурокъ отъ нита, приводящій нить въ движеніе.

Понѣбница. Это — палка вверху става; посредствомъ веревочекъ къ понѣбницѣ прикрѣпляются „чепёлочка“.

Чепёлочки. Это — продолговатые брусочки; вверху чепёлочекъ дырка; сквозь дырку вдѣвается бечевка, и чепёлка такимъ образомъ прикрѣпляется къ понѣбницѣ. А съ другого конца чепёлки выдалбливается углубленіе; съ боковъ прокалываются дырочки; въ углубленіе чепёлки вставляется котёлка и чрезъ дырочки палочкой укрѣпляется котёлка къ чепёлочкѣ.

II. Бабы снуютъ.

Осенью бабы мотають спряденный ленъ въ клубки; этимъ дѣломъ они обыкновенно занимаются Филипповками, или осеннимъ мясоѣдомъ. Пряжа у каждой бабы доходить до полпуда съ лишнимъ. Сновать бабы начинаютъ съ масленицы.

Вотъ что бабы дѣлають предъ снованьемъ.

Клубки бабы старательно вѣшаютъ и наблюдаютъ, чтобы они были равнаго вѣса, отъ 5 до 12 фунтовъ, и болѣе. Парные клубки бабы подбирають такъ, чтобы клубокъ съ толстой пряжей шелъ подъ пару къ клубку съ толстыми нитками, а клубокъ съ тонкими нитками—къ клубку съ таковой же пряжей.

Выдается ясный солнечный денекъ—вотъ бабы выходятъ на улицу сновать вдвоемъ, а то цѣлой компаніей. Подойдя къ стѣнѣ какой-нибудь постройки, сновальщицы прокалываютъ ее буравомъ; потомъ затачиваютъ подходящіе колики и забиваютъ ихъ въ проколотыя дырки. На пять стѣнъ пряжи идетъ одиннадцать коливокъ. Клубки бабы положить на землю рядышкомъ; прикрѣпляютъ жердочку гораздо выше клубковъ; къ жердочкѣ привязываютъ два колечка такъ, чтобы каждое колечко приходилось противъ клубка. Онѣ продѣваютъ сквозь колечко нитку: отъ одного клубочка въ одно кольцо, отъ другого въ другое. Баба беретъ досточку съ двумя дырочками; въ дырочки баба продѣваетъ по ниткѣ отъ одного клубка и отъ другого; кончики нитокъ связываются въ кучку.

Соображаются сновальщицы, сколько стѣнъ класть, въ какой лѣкъ бѣрда класть: въ десятью, двѣнадцатникъ, аль пятнадцатникъ (сукоцныя нитки снуются обыкновенно въ восьмуху). Посовѣтовавшись, бабы перекрестятся и рѣшаютъ, сколько стѣнъ класть. Старшая начинаетъ сновать, а младшая сидитъ возлѣ клубковъ, поворачиваетъ ихъ,—слѣдить, чтобы нитки прямо шли въ колечко, чтобы нитка не закручивалась около клубка, не рвалась.

Процессъ снованія происходитъ такимъ путемъ. Баба лопаточкой ведетъ нитки вверхъ—начинаетъ отъ перваго колика; когда приходитъ къ „чинамъ“, то около колика направляетъ нитки вверхъ и внизъ—образуется фигура въ видѣ цифры—восемь (8). Въ „чинахъ“, т. е. въ пунктѣ пересѣченія нитокъ, верхнюю половину нитокъ баба завязываетъ „пасмами“, а нижнюю половину и зываетъ шнуркомъ.

Баба бѣгаетъ съ нитками проворно, какъ паукъ, снующій паутину, но кладетъ нитки внимательно, куда слѣдуетъ, боясь „прошукаться“ (ошибиться); если „сбунтуется“ или собьется, то получается „перемѣта“.—Въ случаѣ перемѣты идетъ провѣрка нитокъ по всѣмъ колікамъ. Непремѣнно надо найти ошибку и исправить ее.

Нитки, которыя лежатъ въ лопатѣ, называются „дружичками“; онѣ должны лежать попарно. Если порвется нитка, надо найти „дружиčku“ къ ней въ досточкахъ.

Ошибется баба снова, выходитъ у нея „обротъ“. Если образуются двѣ оброта, то восемь нитокъ останутся безъ употребленія.

Злопучная ткаля восклицаетъ:

— „Ахъ, я заклумилась и засуетилась; ахъ, я ошукáлась. Прости Богъ! Чертъ ее вѣлать! Знать не умру! Перемоту или двѣ поклала—знать буду жить!“—„Обротъ“ не найдешь, даже снимая нитки съ коліковъ, и не узнаешь, что она есть; а когда навьютъ кросна, то и найдутъ „мижинутину“.—Когда окончатъ баба снова кросна и завяжутъ ихъ совсѣмъ, старшая баба поддерживаетъ кросна, а другая вынимаетъ со стѣны колікъ и начинаетъ снимать со стѣны кросна съ чиновъ и плететь ихъ въ плетенку въ родѣ того, какъ плетутъ косы,—только не прячами, а въ петлю.

Одна баба идетъ напередъ; подойдетъ къ коліку, первый выдернетъ, а съ другихъ сниметъ пряжу—такъ, не вынимая коліка; другая же баба плететь нитки въ плетенку и кладетъ себѣ на плечо. Какъ всѣ кросна сымутъ, то въ глухомъ концѣ (противоположномъ чинамъ) баба завязываетъ кросна *разъ* узломъ.

III. Обвариваютъ и „перуть“ кросна. Испытаніе кросень.

„Крѣсна“, т.-е. нитки, приготовленные для „кросень“, кладутся въ мѣшечекъ и хранятся тамъ, покамѣстъ обваривать ихъ. Предъ обвариваніемъ кладутъ кросна въ кадочку и обливаютъ ихъ варомъ; потомъ кадка закрывается досточкой. Черезъ три, четыре часа баба вынимаетъ кросна и кладетъ ихъ на колікъ, вѣщаетъ надъ „посудиной“, гдѣ варились кросна, чтобы съ нихъ стекала вода.

Когда кросна немного обсушатся, ихъ кладутъ на лавку или на полъ и начинаютъ переплетать.

Идетъ хозяйка къ сосѣдкамъ и просить ихъ на помощь—кросна колотить; тѣ приходятъ толпою, и начинается дружная работа.

Кладутъ кросна на лавку ровненько рядышкомъ; колотятъ ихъ дружно вальками; только раздается „тѣпъ, да лѣпъ, тра-та-та“! Звукъ этотъ слышенъ даже тогда, когда подъѣзжаешь къ деревнѣ, гдѣ „перуть“ кросна. Поправши порядочно или поколотивши кросна, начинаютъ испытывать, „дошли - ли кросна“. Испытаніе происходитъ такъ.

Баба потреть на рукѣ нитки. Если нитки готовы, скажетъ:

— „Славу Богу! видишь, кума: нитки кучерявятся, но косматы“.

— „Да, правда, кума; добили ихъ! Я жъ казала, что не бьются въ лепешки и отъ праниковъ разсыпаются“.— Если нитки плохо уварены или выбиты, приходится расквиваться позднѣе, когда ткуть кросна.

Когда нитки приготовлены хорошо, во время тканья онѣ идутъ безразлично, „какъ по мѣди“;—отъ плохихъ нитокъ—идеть съ наволя „косматье“, а какъ пройдетъ иная мѣстина,—такая косматая, такая лохматая,—хоть ножными стрыги. Если нитки плохо выварены, онѣ сильно рвутся. Вотъ у Хадоски Самохотовской кросна не допраныя, т.-е. не добытыя вальками и не доваренныя—нитки такъ и рвутся, распрядаются. Что же сдѣлала Хадоска? Она давай кросна поливать сыродоемъ и квасомъ. Дѣло однако отъ этого не поправились. Охъ, премудры эти кросна! Тогда дѣло Хадоскино выгорѣло, когда Хадоска сварила обливку изъ сѣмени льняного и полила этимъ отваромъ нитки.

Когда кросна окончательно выбиты, бабы вдвоемъ берутся вытягивать ихъ: одна беретъ пряжу на плечо, а другая выпрастываетъ, растрुшиваетъ нитки, чтобы выколоченная пряжа не запуталась. Одна баба къ себѣ тянетъ нитки, а другая къ себѣ. Вѣшаютъ сушить кросна на жердочкахъ въ избѣ или во дворѣ: какъ высохнутъ кросна, опять тянуть ихъ въ плетенку и плетутъ ихъ, какъ они были сплетены прежде; послѣ чего кросна сохраняются безъ перемѣны до навиванья.

IV. Тнаха садится за работу. Разговоры съ подругою. Повѣрья, связанные съ работою на кроснахъ. Богородица на одной ногѣ стоитъ и помогаетъ ткахѣ.

Ткаля садится ткать съ молитвою: — „Господи Боже, благослови! Снарядила я кросна, какъ хотѣла: легонько, скоренько;— теперь отошло мое сердце! Узоромъ какимъ хочу, тѣмъ и буду вытыкать кросна: ты гречишкою, ты елочкою, ты волною.

Слава Богу! Давай Богъ, чтобы и въ кроснахъ было спѣшно, и чтобы была охота вытыкать ихъ“! Подходить подруга и съ большимъ любопытствомъ вглядывается въ работу:

— Здравствуй, систра!—

— Богъ помочь, систра! Что заспѣла, то на утокъ!—

— „Спасибо, систра! Что заспѣла, то отрѣжу на платокъ, а когда застанется, то на утокъ. Токать — наткѣшь три дни у локать, а въ девятый день потыкѣешь—и стѣна вонъ. А когда Божья Матирь пумагетъ—Богородица, то и на одной ногѣ загорбдится“!—

Когда начнетъ считать первое пасмо, то баба говоритъ: „Божья Матирь стоитъ на одной ногѣ! Надо считать скорѣй. Покамѣсть пасма насчитала, Божья матирь на одной ногѣ простыла“!

Приходить мужчина и произноситъ доброе пожеланье: „прямйна въ кросна, а кривина въ лѣсъ“!

Шутникъ скажетъ: „кривина въ кросна, прямина въ лѣсъ“!—

V. Процессъ тнанья.

Ставить баба ставы, укрѣпляетъ ихъ; съ одной стороны кладетъ „навой“, а съ другой кладетъ тоже „навой“ или „прѣшву“.

Беретъ основанья для кросенъ нитки; нитки эти сплетены въ плетевку. Со стороны, гдѣ чины, баба немножко расплетаетъ плетевку. Въ чины укладываетъ тоненькія досточки и привязываетъ досточки шнуркомъ такъ, чтобы досточки съ чинновъ не выпадали и могли двигаться по кроснамъ по мѣрѣ надобности — досточки должны пройти чрезъ всѣ кросна. Одинъ конецъ кросенъ баба надѣваетъ на навой (баба начинаетъ „навивать кросна“), а плетевку съ кросенъ надѣнетъ на ногу и натягиваетъ нитки на ставвахъ довольно туго; другая же баба сидитъ возлѣ навои и слѣдитъ, чтобы нитки ложились ровненько на навой, расправляетъ нитки, раздвигаетъ ихъ по навою, какъ нужно; перегоняетъ до-

сточки и чины на свѣжее мѣсто, а перегнутыя и перебранныя нитки кросень третья баба закатываетъ на навой, съ ноги понемногу спускаетъ петли кросень, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока навьются всѣ кросна.

Когда вся плетенка окончательно навита, тогда разрѣзаютъ нитки кросень. Баба принесетъ нить, приготовленный для кросень, и начинаетъ „кидать“ разрѣзанныя нитки въ нить, а потомъ кладетъ ихъ въ бердо; тогда навой съ навитыми кроснами кладетъ назадъ, а спереди кладетъ навой—пришву; къ пришвѣ привязываютъ прутикъ, а къ другому прутику привязываетъ разрѣзанныя нитки, идущія отъ берда; связываетъ эти два прутика тесемкой или веревочкой; наверху кросень кладется „повѣбница“, къ которой привязываются веревочками „чепѣлки“; въ „чепѣлки“ вдѣваются „котѣлки“; на котелки вѣшаются шнурочки, идущіе отъ нита; при помощи котѣлокъ и шнурка, идущаго отъ нита, нить „вспырхиваетъ“, т. е. подлетываетъ — поднимается и опускается такъ быстро, словно птица.

Снизу кросень къ ниту, на веревочкахъ, прикрѣпляются „собачки“ (или „волчки“, или „горностѣйки“).

Къ „собачкамъ“ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „поножи“. На полу, впереди кросень, внизу, кладется палка, къ ней и привязываются тоже небольшими веревочками „поножи“; безъ этой палки „поножи“ не держались бы ровно и передвигались бы со своихъ мѣстъ. Къ повѣбницѣ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „набѣлки“. Баба наматываетъ на „цѣвку“ нитки, предназначенныя для утока кросень; въ цѣвку же укладываетъ „прутикъ“, и прутикъ съ цѣвкой помѣщаетъ въ челнокъ. Послѣ этого баба садится за кросна; перекрестится, беретъ челнокъ въ руки и начинаетъ ткать. Все равно, какъ мужчина на лошади ѣдетъ и кнутомъ погоняетъ: такъ женщина - ткаха смѣло машетъ челнокомъ; бойко постукиваетъ бердомъ и пѣсни поетъ, — да кросна припруживаетъ „пругомъ“.

VI. Неудачи во время тнанья и разныя случайности.

„Вабскихъ судебъ много“.

Народная поговорка.

Едва ли не самый любимый разговоръ у нашихъ бабъ—о кроснахъ: онѣ любятъ говорить о нихъ, или „зѣвать“, даже въ

церкви и при встрѣчѣ у колодезя, гдѣ часто подолгу останавливаются съ ведрами.

Деревенская пословица утверждаетъ: „бабскихъ судебъ много“. Пословица эта примѣняется бабами къ „премудрой и хитрой“ работѣ на кроснахъ, да еще вдобавокъ полной разныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, очень часто у бабы, но народному выраженію, „не дохватываетъ“ ума и ловкости ткать—и баба нагоняетъ, какъ говорится, „рибузѣвъ“. Въ с. Самохотовкѣ баба съ одного ряда нарядила кросна и хотѣла выткать сукно въ „ряды“, а „рядовъ“—то не вышло, а вдругъ вышла—„гречійшка“!

А то бабы навивали въ четырёхъ кросна; оказалась неравномерность краёвъ: одинъ край вышелъ длиннѣе—изъ края вонъ, а другой сталъ коротокъ. Взяли бабы—съ долгаго края и отрѣзали кусокъ ткани прочь. „Поправились бабы съ кулька въ рожку!“¹⁾

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, подъ одинъ край баба подложила подкладки, а другой обтиснула руками, а полотно все выходитъ косое: одинъ бокъ полотна частый, а другой рѣдкій—хоть муку сѣй! Полотно постоянно выходитъ косое, когда берда не приходится ровно.

Недавно Платонику, что живетъ въ селѣ Самохотовѣ, бѣда постигла—корова ее обидѣла—отожвала часть кросенъ. Платониха въ слезахъ бѣжитъ къ сосѣдкѣ Марковнѣ, которая слыветъ опытной ткахой:

— „Баба-голубушка, моя ты Марковна, ходи ты сюда! Порай, (т.-е. посоветуй), что мнѣ дѣлать! Головушка моя побѣдная (т.-е. несчастная): корова кросна подожевала!“

Какъ доказательство горя, Платониха принесла Марковнѣ небольшой „прѣчикъ“.

По совѣту премудрой Марковны, дали кроснамъ высохнуть, затѣмъ стали навивать кросна,—положили ихъ на навой, заложили досточки. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ пожвали коровы. Молодуха плачетъ. Марковна утѣшаетъ ее: „не плачь—мы твоей бѣдѣ пригадѣемъ!“.

¹⁾ Пословица эта, вѣроятно, сложилась въ средѣ „рогожниковъ“, которые твуть „кульки“ и „рогожи“ такимъ же путемъ, какъ и бабы ткани свои на кроснахъ. Въ Спасѣ-Деменскѣ, Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи, и сейчасъ „рогожники“ занимаются своимъ ремесломъ.

Аўхимовичъ (Ефимовичъ), мужъ злополучной Платоники, подерживая голову локтями, лежалъ на печкѣ и смѣялся надъ бабскимъ горемъ.

— „Аўхимовичъ!“ вдругъ грозно крикнула Марковна. Аўхимовичъ вздрогнулъ отъ внезапнаго крика.—Марковна разсмѣялась.

— „Аўхимовичъ, лѣзь-ка ты на хату, возьми тамъ другой навой, да иди съ нимъ сюда“:

Аўхимовичъ повиновался—принесъ другой навой. Старый навой прочь—другой заложилъ. Чины перебрали, „довели“ или „докатили“ до края, гдѣ нитки пожвала корова; надвязали, гдѣ было порвано, другими нитками; навели другой навой и стали рядять кросна въ ряды; каждую часть вытыкали отдѣльно рядами. Изъ совсѣмъ испорченной работы, вслѣдствіе совѣта хитроумной Марковны, вышло „нѣчто“. Платониха, огорченная коровой, утѣшилась.

VII. Узоры кросень.

Кросна въ нашей мѣстности ткуть „кружками“, „рядами“, „гречешкой“, „дорожками“, „елкой“, „рыбей чешуей“, „волной“, „птицами“, „звѣрями“.

Вся разница при исполненіи работы состоитъ въ томъ, какъ въ нить кидать, и какъ ткальѣ ходить по поножамъ.

Если ткальѣ хочетъ ткать въ шесть нитовъ—„кружки“, она начинаетъ кидать со второй нитѣнки по одной ниточкѣ въ „кобылку“; пять нитокъ вброситъ въ пять нитѣнъ; тогда другой рядъ начинаетъ баба съ крайней нитѣнки—гонитъ шесть нитѣнъ. Третій разъ съ первой кобылки гонитъ ткальѣ шесть нитокъ; начинаетъ второй кружокъ съ противоположной стороны нита, со второй кобылки, гонитъ пять нитокъ. Второй и третій разъ ткальѣ начнетъ съ крайней кобылки и гонитъ по шести нитокъ—выходитъ „кружокъ“.

На поножи надѣвается „разлучникъ“, точнѣе выражаясь, на веревочки, пониже „горностаевъ“. „Разлучникомъ“ называется брусочекъ съ дырочками; въ него вдѣваются веревочки отъ поножей; — „разлучникъ“ мѣшаетъ „поножамъ“ соединиться въ кучку—„разгоняетъ“ ихъ.

По поножамъ ходить баба такъ: станетъ одною ногою на два поножа, а другою на одинъ. Тогда ткальѣ бросаетъ этотъ „пб-

ножь“, становится на третій,—первый отбрасываетъ, а слѣдующій беретъ и такъ прибавляетъ по одному поножу, пока до конца дойдетъ. Послѣ этого лѣвою ногою стоитъ на двухъ, а съ другого края правую—на одномъ поножь, пока дойдетъ до конца.

Выработанныя на кросвахъ ткани весьма часто вышиваются разноцвѣтными нитками. Узоромъ часто служатъ окна, причудливо расписанныя морозомъ въ зимнюю стужу. И въ пѣснѣ поется:

Сколько у морова узоруу,	Я тѣи узоры прайму—
Стольки у свекрыя воруу:	Я свекрыу дыгажу!

Часто вышивали на тканяхъ разныхъ насѣкомыхъ: „муръшекъ“ (муравьевъ), „прусаковъ“ (пруссовъ) „грѣцкихъ колявокъ“, „пчелъ“, „червячковъ“.

Ткани, вышитыя такими причудливыми узорами, служили украшеніемъ рубахъ—ихъ употребляли въ рубашкахъ на поляки.

Чтобы выткать полотно „волною“, нужно, не доходя до края полныхъ кружковъ, повернуть назадъ, ходя по поножамъ. Выходить узоръ „волною“, и сама баба замѣчаетъ, что ея работа похожа на движущіяся волны. Волною вытыкали полотенца и скатерти.

„Рядить въ елки“ все равно, какъ и „въ кружки“—только ногами надо ходить все съ одного края, прибавляя по одному поножку.

„Елочками“ вытыкали скатерти, полотенца, стирки (грязныя полотенца).

Чтобы выткать узоръ „гречихою“, надо ходить по поножамъ въ одну сторону, и, не доходя до края, одна поножка поворачиваетъ назадъ—образуется узоръ „гречиха“; Гречихой“ вытыкали скатерти.

„Птицами“ ткнуть въ восемь нитокъ. Въ первомъ ряду вытыкаются „павлины“: два павлина смотрятъ одинъ на одного черезъ пряникъ. Во второмъ ряду тоже „павлины“: павлины обращены другъ къ другу спинами; между ними пряникъ. Въ третьемъ ряду „гусыня“ смотритъ на индѣйку“; между ними пряникъ. Въ четвертомъ ряду „журица“ и „утка“ отвернулись одна отъ другой; ихъ отдѣляетъ пряникъ. Въ пятомъ ряду „голубь“ черезъ пряникъ смотритъ на „ястреба“. Въ шестомъ ряду между „журавлемъ“ и „тетеревомъ“ пряникъ. Изъ крупныхъ птицъ, кромѣ указанныхъ, вытыкались нашими ткальями: „сова“, „сорока“, „галка“, „желна“,

„аистъ“, „дрофа“—„грохвѣ“; изъ мелкихъ птицъ: „синица“, „воробей“; особенно часто изображались „вырїи“, т. е. птицы, привлекающія весной и отлетающія осенью: „шпакъ“ (скворецъ), „чибисъ“ (чаица луговая—*vanellus cretatus*), „жаворонокъ“, „плисица“.

Ткали „птицами“ въ восемь нитокъ скатерти, салфетки, полотенца, пологи надъ кроватями.

Ткали въ старину также и „звѣрями“. Работа производилась въ 12 нитокъ. Вытыкались преимущественно слѣдующіе звѣри: „заяцъ“, „бѣлочка“, „лисица“, „выдра“, „хорекъ“, „горностай“, „ласица“, „собака“, „котикъ“, „львы“, „тигры“, „лось“, „барсукъ“, „лошадь“, „корова“, „овечка“. Иногда „звѣри“, выводимые на тканяхъ, находились между собою въ какомъ-нибудь соотношенїи: „собачка“ ловитъ „зайчика“; „котикъ“ подкрадывается къ „бѣлочкѣ“.

Ткани съ изображеніемъ „звѣрей“ служили какъ простыни и пологи; онѣ преимущественно были въ обиходѣ у купцовъ и помѣщиковъ.

В. Н. Добровольскій.

Теорія вѣроятностей и исторія первобытной культуры.

Методъ Тэйлора.

Логическая красота и тотъ характеръ безспорности математическихъ выводовъ, которые очаровываютъ не-математиковъ, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ самихъ математиковъ, дѣлали и дѣлаютъ чрезвычайно заманчивой возможность примѣненія методовъ одной изъ отраслей математики — математической теоріи вѣроятностей—къ такимъ областямъ науки, гдѣ нѣтъ, повидимому, мѣста ни измѣренію, ни вычисленію. Методъ Тэйлора представляетъ попытку математическаго обоснованія одной изъ такихъ сферъ знанія.

Какъ извѣстно, сущность метода Тэйлора заключается въ примѣненіи въ исторіи первобытной культуры метода, извѣстнаго въ логикѣ подъ именемъ метода совпаденія или согласія. Встрѣчаясь съ фактомъ, что два соціальныхъ явленія сосуществуютъ, Тэйлоръ находитъ возможнымъ установить *случайность* или *неслучайность* этого совпаденія. Критерій для этого ему даетъ теорія вѣроятностей. Въ интересахъ ясности изложенія, перейдемъ сразу къ тѣмъ примѣрамъ, на которыхъ онъ разъясняетъ свой методъ ¹⁾.

Существуетъ обычай, запрещающій взаимныя отношенія между однимъ супругомъ и родственниками другого супруга. Среди 350 народовъ, отмѣченныхъ Тэйлоромъ:

- 1) мужъ избѣгаетъ родныхъ жены—въ 45 случаяхъ,
- 2) жена избѣгаетъ родныхъ мужа—въ 13 случаяхъ,
- 3) взаимно избѣгаютъ одни другихъ—въ 8 случаяхъ.

Это запрещеніе Тэйлоръ сопоставляетъ съ тѣмъ, гдѣ селится тотъ или другой супругъ послѣ свадьбы. Указавъ, что послѣ свадьбы:

- 1) мужъ селится въ семьѣ жены навсегда—въ 65-ти случаяхъ,

¹⁾ Этногр. Обзор., кн. V. „О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій“.

2) мужъ селится въ этой семьѣ только временно, а затѣмъ переходитъ съ женою къ себѣ въ семью—въ 74-ти случаяхъ,

3) мужъ сразу беретъ жену къ себѣ въ домъ—въ 141 случаѣ,
— Тэйлоръ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Если бы обычай мѣстожительства были независимы отъ обычая избѣгать другъ друга, то надо ожидать, что совпаденіе ихъ слѣдуетъ обыкновенному закону случайнаго распредѣленія: У тѣхъ племенъ, гдѣ мужъ навсегда переходитъ въ семью жены (65 изъ 350), мы бы ожидали встрѣтить обычай избѣгать родныхъ жены въ 9-ти случаяхъ, а въ дѣйствительности этихъ случаевъ 14.—Съ другой стороны, изъ народовъ, у которыхъ мужъ уводитъ жену къ себѣ въ домъ, приблизительно 18 должны бы придерживаться обычая избѣгать родныхъ жены; въ дѣйствительности этотъ обычай существуетъ всего у 9 народовъ. Точно также, если бы 13 случаевъ избѣганія мужчиной родни женою распредѣлялись равномерно между народами съ различными обычаями мѣстожительства, то два или три случая пришлось бы на такіе народы, гдѣ мужъ живетъ въ семьѣ жены; но такихъ случаевъ не встрѣчается. Съ другой стороны, 5 случаевъ должны приходиться на народы, гдѣ жена живетъ въ домѣ или семьѣ мужа, а въ дѣйствительности ихъ 8. Такой замѣтный перевѣсъ показываетъ, что обычай избѣганія мужемъ женою родни *находится въ какой-то связи* съ его поселеніемъ въ ея семьѣ; также и наоборотъ, по отношенію къ женѣ и роднымъ мужа.“

Подобнымъ же образомъ Тэйлоръ устанавливаетъ взаимную связь между обычаемъ называть отца по ребенку: „отецъ такого-то“, обычаемъ поселенія мужа въ семьѣ жены и обычаемъ избѣгать родныхъ жены. Обычай называть родителей по ребенку существуетъ приблизительно у 34 народовъ, гдѣ такъ зовутъ отца, а иногда и мать, хотя рѣже. „Когда я началъ замѣчать широкое распространеніе этого обычая“, говоритъ Тэйлоръ, „признаюсь, я былъ удивленъ, найдя тѣсную связь между нимъ и обычаемъ поселенія мужа въ семьѣ жены, такъ оба эти обычая совпали 22 раза, тогда какъ случайнымъ образомъ, могли попасться вмѣстѣ *не болѣе 11-ти разъ*. Еще тѣснѣе, какъ оказалось, связанъ этотъ обычай съ формальнымъ избѣганіемъ мужемъ родныхъ жены, такъ какъ встрѣтился вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ 14 разъ, когда случайность могла быть допущена не болѣе 4-хъ разъ.“

Какъ ни привлекательна, однако, эта мысль заставить говорить цифры въ роли первыхъ установителей истины, — едва ли имѣются шансы на осуществленіе этой мысли не только въ настоящемъ, но и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Причина этого — въ тѣхъ условіяхъ, которыми ограничено, по самому существу своему, примѣненіе математической теоріи вѣроятностей.

Не будемъ останавливаться на томъ обстоятельстве, что число всѣхъ фактовъ, на которыхъ Тэйлоръ основываетъ свои выводы, онъ принимаетъ равнымъ 350, тогда какъ, по совершенно вѣрному замѣчанію А. П. Максимова, число такихъ фактовъ не превышаетъ 282 ¹⁾.

Въ интересахъ общности примемъ къ свѣдѣнію объ эти цифры, и всѣ необходимыя вычисленія сдѣлаемъ, въ предположеніи правильности и той, и другой.

Первое, что останавливаетъ въ вычисленіяхъ Тэйлора, это — принятіе величины такъ называемой *наблюденной* вѣроятности за основу для вывода, безъ всякихъ оговорокъ.

Если мы говоримъ, что вѣроятность вынуть туза изъ колоды въ точности равняется $\frac{4}{52}$, мы имѣемъ на это право, такъ какъ число всѣхъ благоприятныхъ случаевъ исчерпывается четырьмя, а число всѣхъ возможныхъ — пятьюдесятью двумя. Этихъ условій мы не имѣемъ, когда намъ приходится говорить о вѣроятности обычая, предписывающаго избѣгать родныхъ жены, зная только, что этотъ обычай отмѣченъ въ 45 случаяхъ изъ 350 (или 282), — такъ какъ послѣдними числами отнюдь не выражается вся сумма возможныхъ объектовъ этнографическаго наблюденія, а первое не представляетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ существованія разсматриваемаго обычая.

Съ точки зрѣнія теоріи вѣроятности задача аналогична слѣдующей: изъ сосуда, содержащаго неопредѣленное число шаровъ бѣлаго и чернаго цвѣта, вынута n шаровъ; изъ нихъ m шаровъ оказались бѣлаго цвѣта. Каково вѣроятное отношеніе между количествами шаровъ того и другого цвѣта въ сосудѣ? Въ теоріи вѣроятностей доказывается, что это отношеніе можетъ быть выражено формулой:

¹⁾ „Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи“. — Этнограф. Обзор., кн. XLIII, стр. 28—29.

$$\frac{m}{n} \pm t \sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^3}}$$

въ которой первое слагаемое представляет, очевидно, наблюдаемое при опытѣ отношеніе, а второе—величину вѣроятнаго отклоненія, въ ту и другую сторону, отъ этого отношенія. Коэффициентъ t зависитъ отъ той степени вѣроятности, которую мы желали бы обезпечить.

Изъ разсмотрѣнія приведенной формулы видно, что по мѣрѣ увеличенія числа наблюденій n , предѣлы отклоненія вѣроятнаго дѣйствительнаго отношенія отъ наблюдаемаго суживаются, и послѣднее все съ большей точностью можетъ быть принято за отношеніе въ дѣйствительности. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, достаточно ли сдѣлано наблюденій. Если достаточно, мы имѣемъ основаніе ожидать, что и при послѣдующихъ наблюденіяхъ отношеніе, найденное при первомъ наблюденіи, существенно не измѣнится; если же измѣнится, то это будетъ служить доказательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ какою-то новою—прежде отсутствовавшею—причиной. Въ этомъ заключается смыслъ и значеніе такъ называемаго „закона большихъ чиселъ“. А именно:

Передъ нами сосудъ—закрытый. Какого цвѣта вынимается шаръ—бѣлаго или чернаго,—это обстоятельство не зависитъ отъ нашей воли и потому дѣликомъ опредѣляется объективными причинами. Если вынутый шаръ, передъ повтореніемъ опыта, кладется въ сосудъ обратно, т.-е. опытъ происходитъ при неизмѣненномъ числѣ шаровъ, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ слѣдующими факторами, опредѣляющими результатъ выемки: 1) количественное отношеніе между шарами того и другого цвѣта—факторъ постоянный во все время опыта; 2) та или иная группировка шаровъ въ каждый данный моментъ—факторъ случайный и иной при каждомъ повтореніи выемки и 3) то или иное направленіе руки, вынимающей шаръ,—также перемѣнный факторъ. Рука двигается извѣстнымъ образомъ, приходитъ самостоятельно въ опредѣленное мѣсто, въ которомъ, также по самостоятельнымъ, независящимъ отъ движенія руки, причинамъ, находится опредѣленный шаръ опредѣленнаго цвѣта. Такимъ образомъ присоединеніе двухъ случайныхъ причинъ влечетъ за собою появленіе вполне опредѣленнаго шара... Эти случайныя причины, такъ сказать, пе-

ресѣклись съ постоянными въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и тѣмъ указали на опредѣленный шаръ.

„При каждомъ новомъ выниманіи шара распределеніе шаровъ въ сосудѣ и движеніе вынимающей руки будутъ различны. Однако, при большемъ числѣ повтореній опыта, будетъ случаться, что различные шары вынуты при одинаковыхъ движеніяхъ руки и одинаковыхъ распределеніяхъ шаровъ въ сосудѣ; при безконечномъ же числѣ выниманій, каждый изъ шаровъ будетъ вынутъ при всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ въ сосудѣ и при всѣхъ возможныхъ движеніяхъ руки, т. е. каждый изъ шаровъ, по отношенію къ случайнымъ причинамъ, станетъ въ совершенно одинаковыя условія. Дѣйствія этихъ причинъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опыта закрывавшія дѣйствіе постоянныхъ причинъ, при совокупности безконечнаго числа опытовъ парализуются и не закрываютъ этого дѣйствія. Поэтому относительное количество выемокъ шаровъ опредѣленнаго цвѣта будетъ въ конечномъ счетѣ опредѣляться дѣйствіемъ одной только постоянной причины—дѣйствительнымъ отношеніемъ между числомъ шаровъ того и другого цвѣта во всякомъ сосудѣ. Безконечно большого числа опытовъ, конечно, быть не можетъ; можетъ быть только болѣе или менѣе значительное число испытаній. Чѣмъ больше число опытовъ, тѣмъ меньше будетъ разница между дѣйствительнымъ отношеніемъ шаровъ и получившимся при опытахъ. Въ этомъ и заключается сущность „закона большихъ чиселъ“¹⁾.

Въ интересахъ конкретности изложенія, обратимся къ приемамъ, практикуемымъ при научной обработкѣ статистическихъ данныхъ²⁾. „По смыслу закона большихъ чиселъ, говорится въ курсѣ „Статистики“ профес. Чупрова, дѣйствіе случайныхъ причинъ въ окончательномъ выводѣ абсолютно парализуется только при *безконечномъ числѣ* опытовъ или наблюденій; при конечномъ же, хотя бы и очень большемъ числѣ ихъ, отношенія чиселъ повторенія событий только приблизительно равны дѣйствительному отношенію этихъ событий въ природѣ (истинной вѣроятности событий). По-

¹⁾ Извлечено изъ курса „Статистики“ проф. Чупрова (автографир. лекціи Московск. Универс. за 1889—90 г., стр. 341—346). Въ сноску отмѣчено, что приведенное изложеніе сдѣлано по статьѣ студента г. Косенскаго.

²⁾ А. И. Чупровъ. Статистика. Глава III: „Научная обработка статистическихъ данныхъ“. Стр. 347—9, 351—2, 354.

этому первый вопросъ при научной разработкѣ результатовъ наблюденія состоятъ въ отысканіи *предѣловъ разности* наблюдаемаго отношенія событій (наблюденой вѣроятности) къ отношенію ихъ въ дѣйствительности (истинной вѣроятности). Теорія вѣроятности даетъ для этой цѣли точныя математическія формулы⁴...

Слѣдуетъ указаніе на вышеприведенную формулу:

$$\frac{m}{n} \pm t \sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^2}}$$

причемъ коэффициентъ t принять равнымъ 1,985. Это значитъ, что принятые предѣлы отклоненія имѣютъ за собой вѣроятность равную $199/200$, а вѣроятность, что отклоненіе больше вычисленной величины, не превосходитъ $1/200$. Такимъ образомъ, вѣроятное отношеніе принимается въ предѣлахъ:

$$\frac{m}{n} \pm 1,985 \sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^2}} \quad ^1)$$

Примѣненіе этой формулы, выражающей значеніе закона большихъ чиселъ, иллюстрируется въ „курсѣ“ проф. Чупрова на слѣдующемъ примѣрѣ.

Изъ 10 случаевъ заболѣванія холерою, выздоровѣло, положимъ, 7 и умерло 3. Здѣсь вѣроятность выздоровленія равна 0,7, а смерти 0,3. Вычисляя отступленіе этой вѣроятности отъ истинной по формулѣ Пуассона²), получимъ:

$$\pm 2 \sqrt{\frac{2 \cdot 7 \cdot 3}{10}} = \pm 0,4098.$$

Такимъ образомъ, предѣлъ колебанія больше, нежели число смертей, вѣроятность выздоровленія колеблется между абсурдными предѣлами 2,902 и 11,098, т.-е. предѣлъ возможнаго количества случаевъ выздоровленія больше, чѣмъ самое число заболѣваній. Если мы возьмемъ 100 случаевъ заболѣванія холерою при той же

¹) Тотъ же коэффициентъ 1,985 принимается и Янсономъ. „Теорія статистики 1891. СПБ.“ (Стр. 510). См. также статью „Статистика“ г. И. Миклашевскаго въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза-Ефрона.

²) Вышеприведенная формула. (Для упрощенія вычисленій коэффициентъ t принять = 2).

пропорціи выздоровленій, то предѣлы колебанія числа выздоровленій будутъ, по формулѣ Пуассона, равны 83 и 57. При 1000 случаяхъ заболѣванія и 700 выздоровленій, предѣлы колебанія уже будутъ 740 и 660. При 10.000—6870 и 7130. При 100.000—69600 и 70400. При 1.000.000—698700 и 701300.

Приведа тотъ же примѣръ, заимствованный у англійскаго статистика Ньюгольма, г. Миклашевскій замѣчаетъ: очевидно, что „только при числѣ наблюденій, равномъ 10.000, колебанія вѣроятностей настолько велики, что позволяютъ дѣлать какія-либо заключенія болѣе опредѣленнаго характера, а при числѣ наблюденій, превышающемъ 1.000.000, прибавленіе новыхъ наблюденій не оказываетъ существеннаго вліянія на вѣроятность вывода ¹⁾).

Такимъ образомъ гарантія правильности числового вывода заключается въ незначительности вычисленныхъ предѣловъ колебанія, причеъ эта послѣдняя зависитъ только отъ количества сдѣланныхъ наблюденій.

Примѣнимъ сказанное къ нѣсколькимъ вычисленіямъ Тэйлора. Напримѣръ, распространенность формальнаго избѣганія родныхъ жены выражается, по наблюденнымъ цифрамъ, дробью $\frac{43}{350}$. Сдѣлавъ же необходимыя вычисленія, мы найдемъ, что по „обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“ возможны отклоненія отъ этой величины въ крупныхъ предѣлахъ: $\frac{27}{350}$ и $\frac{63}{350}$. Еще значительнѣе предѣлы колебанія для формальнаго избѣганія родныхъ жены: наблюденное отношеніе равно $\frac{13}{350}$, а вычисленное вѣроятное находится въ предѣлахъ отъ $\frac{2}{350}$ до $\frac{23}{350}$. Подобнымъ же образомъ для обычая называть родителя по имени ребенка получаемъ значительно расходящіяся величины: по наблюденію— $\frac{21}{350}$; по вычисленію: $\frac{16}{350}$ и $\frac{46}{350}$.

Другое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано относительно числа ожидаемыхъ случаевъ, вычисленнаго на основаніи извѣстной уже вѣроятности. Такъ, среди группы народовъ, практикующихъ послѣсвадебное поселеніе мужа въ семьѣ жены, по вычисленію Тэйлора, должно встрѣтить по „обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“ только 9 случаевъ формальнаго избѣганія родныхъ жены. Это число, очевидно, представляетъ $65 \times \frac{43}{350}$. Между тѣмъ съ точки зрѣнія математической теоріи вѣроятностей, задача анало-

¹⁾ Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона. „Статистика“.

гична слѣдующей: каково вѣроятное число повтореній даннаго событія, вѣроятность котораго p , при общемъ числѣ событій μ ?

Пояснимъ условія задачи. Предположимъ, что брошена вверхъ монета. Вѣроятность, что она упадетъ на землю, напимѣръ, орломъ, установима а priori. Она, очевидно, равна $\frac{1}{2}$. Если мы станемъ повторять опытъ, число паденій орломъ не будетъ сначала равно числу паденій рѣшеткой: взаимное отношеніе числа такихъ и такихъ паденій монеть мѣняется какъ угодно. Но по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ говорилось выше, съ увеличеніемъ числа испытаній, вліяніе случайныхъ причинъ будетъ погашаться и число паденій орломъ будетъ все больше и больше приближаться къ половинѣ всего числа испытаній. Но это только при достаточномъ, т.-е. большомъ числѣ испытаній.

Извѣстенъ опытъ Бюффона, который заставилъ мальчика бросать монету, пока онъ не получилъ 2048 разъ орла. Для этого оказалось нужнымъ повторить подбрасываніе 4040 разъ. Спрашивается, была ли это монета нормальная или съ порокомъ, который и обусловилъ *это* неравенство числа паденій орломъ и рѣшеткой? Половина всего числа испытаній составляетъ 2020; слѣдовательно, число паденій орломъ превысило свою половинную долю на 28. Поставленный вопросъ будетъ, очевидно, рѣшенъ, если мы отвѣтимъ на другой вопросъ: какъ велика вѣроятность, что, при 4040 испытаніяхъ, отклоненіе будетъ больше 28 — въ случаѣ совершенно исправной монеты?

Оказывается, если прибѣгнуть къ формуламъ теоріи вѣроятностей, что вѣроятность еще большаго отклоненія выражается дробью 0.381, т.-е. оно возможно въ 381 случаѣ изъ тысячи. Нѣтъ, стало быть, основанія предполагать, что монета испорчена.

Выше было упомянуто, что только при большомъ числѣ испытаній число такихъ и такихъ паденій будетъ болѣе или менѣе совпадать съ вычисленіями; при маломъ же числѣ паденій ожидать такого совпаденія не слѣдуетъ. Возьмемъ примѣръ, цитированный въ „Основаніяхъ теоріи и техники статистики“, проф. Ходскаго ¹⁾.

Джевонсъ... бралъ въ руку 10 монеть и подбрасывалъ ихъ вверхъ, записывая, какъ онѣ падали, т.-е. сколько монеть падало рѣшеткою и сколько орломъ, а затѣмъ свѣрлялъ полученные ре-

¹⁾ Стр. 43—44. СПб. 1896.

зультаты съ тѣмъ, что должно было-бы получиться по вычисленію теоріи вѣроятностей. Джемсонъ повторялъ опытъ два раза, бросивъ каждый разъ по 1024 раза и сдѣлавъ всего 2048 подбрасываній. Вотъ что получилось:

Комбинація упавшихъ монетъ.		Число вѣроятныхъ комбинацій, даваемыхъ теоріей.	Числа комбинацій, полученныхъ при опытѣ.			Разница дѣйствительности съ теоріей.
Орловъ.	Рѣшетокъ.		Въ 1-й серіи.	Во 2-й серіи.	Осреднее.	
10	0	1	3	1	2	+ 1
9	1	10	12	23	17 $\frac{1}{2}$	+ 7 $\frac{1}{2}$
8	2	45	57	73	65	+ 20
7	3	120	129	123	126	+ 6
6	4	210	181	190	185 $\frac{1}{2}$	- 24 $\frac{1}{2}$
5	5	252	257	232	244 $\frac{1}{2}$	- 7 $\frac{1}{2}$
4	6	210	201	197	199	- 11
3	7	120	111	119	115	- 5
2	8	45	52	50	51	+ 6
1	9	10	21	15	18	+ 8
0	10	1	0	1	$\frac{1}{2}$	- $\frac{1}{2}$
Итого:		1024	1024	1024	1024	—

Такъ какъ подбрасывалось 10 монетъ 2048 разъ, то все число отдѣльныхъ выходовъ монетъ составляетъ 2048×10 или 20480, изъ которыхъ по теоріи вѣроятностей 10240 должны были дать орла и столько же рѣшетокъ. Въ дѣйствительности же получен-

ныхъ орловъ было 10353, слѣдовательно, отступленіе въ сторону орловъ составляетъ всего лишь 1,15%.

Если же мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя графы этой таблицы, мы найдемъ рѣзкія отклоненія. Напримѣръ, вмѣсто десяти разъ комбинація изъ 9 орловъ и 1 рѣшетки оказывается, во второй серіи опытовъ, имѣющей мѣсто въ 23 случаяхъ. То же самое съ симметрической комбинаціей въ первой серіи опытовъ: вмѣсто десяти—21 случай.

Провѣряя опытъ Бюффона, мы сводили задачу къ отысканію величины вѣроятности для *даннаго отклоненія* числа повтореній разсматриваемаго событія. Можно рѣшить обратную задачу: задаваясь опредѣленною степенью вѣроятности, опредѣлить вѣроятное отклоненіе числа повтореній отъ числа μp , гдѣ μ —число всѣхъ испытаній, а p —вѣроятность ожидаемаго событія *a priori*. По теоремамъ теоріи вѣроятностей, это вѣроятное отклоненіе выражается величиной:

$$\pm t \sqrt{2 \mu p (1-p)}$$

и слѣдовательно, вѣроятное число повтореній опредѣляется формулой, аналогичной вышеприведенной,

$$\mu p \pm t \sqrt{2 \mu p (1-p)}$$

гдѣ t —тотъ же самый коэффициентъ. Примемъ для него прежнюю величину и вычислимъ по указанной формулѣ вѣроятныя числа повтореній въ примѣрахъ Тэйлора, не измѣняя принятыхъ имъ значеній вѣроятности.

а) Въ группѣ 65 племенъ, практикующихъ безсрочное послѣсвадебное поселеніе мужа въ семьѣ жены, встрѣчено 14 случаевъ формальнаго избѣганія родныхъ жены. Сдѣлавъ необходимыя вычисленія, мы найдемъ, что вѣроятное число повтореній, безъ того, чтобы мы имѣли основаніе предполагать дѣйствіе возмущающей причины, находится,

1) если число основныхъ записей принять равнымъ 350, въ предѣлахъ: 1 и 15.

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 2 и 19.

б) Обычай формальнаго избѣганія родныхъ мужа въ только что упомянутой группѣ не встрѣчается вовсе. Сдѣлавъ контрольныя вычисленія, получаемъ нелѣпый выводъ, подобный вышецити-

рованному изъ курса „Статистики“, что вѣроятное число случаевъ опредѣляется предѣлами, изъ которыхъ одинъ отрицательный, а именно:

1) если число записей принять = 350, предѣлами:—2 и 7;

2) если число записей считать = 282, предѣлами:—2 и 8.

в) Въ группѣ племенъ, числомъ 141, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, формальное избѣганіе родныхъ жены отмѣчено въ 9 случаяхъ. По вычисленію, вѣроятное число случаевъ должно находиться:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ: 9 и 27;

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 13 и 32.

Здѣсь будетъ уместно упомянуть, что, благодаря малому числу основныхъ наблюдений, мы, применяя формулы теоріи вѣроятностей, можемъ, такъ сказать, играть цифровыми выводами.

Въ самомъ дѣлѣ, считая общее число основныхъ записей=282, и исходя изъ наблюденія, что данный обычай констатированъ въ 141 случаѣ, мы нашли, что среди 45 племенъ обычай избѣгать родныхъ мужа можетъ быть, по правиламъ случайности, встрѣченъ въ предѣлахъ отъ 13 до 32 случаевъ.—Если же мы будемъ исходить изъ того факта, что обычай избѣгать родныхъ мужа среди 282 племенъ установленъ въ 45 случаяхъ, и зададимся вопросомъ, въ какомъ количествѣ случаевъ этотъ обычай можетъ быть встрѣченъ, по теоріи вѣроятностей, среди 141 племени, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, то получимъ въ качествѣ отвѣта двѣ предѣльныя цифры: 10 и 35 ¹⁾).

Если же не принимать возможнаго отклоненія, какъ это сдѣлано Тэйлоромъ, то мы, конечно, въ обоихъ случаяхъ получали бы одну и ту же цифру:

$$\frac{141}{282} \cdot 45 = \frac{45}{282} \cdot 141$$

или:

$$\frac{141}{350} \cdot 45 = \frac{45}{350} \cdot 141$$

1) Въ первомъ случаѣ мы, по формулѣ, имеемъ:

$$\frac{141}{282} \cdot 45 \pm 1,985 \sqrt{2 \cdot 45 \cdot \frac{141}{282} \cdot \frac{141}{282}} = 22,5 \pm 9,4$$

во второмъ случаѣ имеемъ:

$$\frac{45}{282} \cdot 141 \pm 1,985 \sqrt{2 \cdot 141 \cdot \frac{45}{282} \cdot \frac{237}{282}} = 22,5 \pm 12,3$$

Какъ это видно изъ разсмотрѣнія полученныхъ результатовъ, разница между ними отнюдь не пренебрегаемая — сравнительно— величина. Что этимъ обстоятельствомъ мы обязаны лишь малому количеству цифровыхъ данныхъ, на которыхъ основали свои вычисленія, не трудно убѣдиться, сдѣлавъ аналогичную перестановку условій задачи, предполагая, что мы оперируемъ надъ значительными цифровыми данными. Пусть, напр., въ одномъ случаѣ:

$$p = \frac{141000}{282000}$$

$$\mu = 45000$$

а въ другомъ случаѣ

$$p = \frac{45000}{282000}$$

$$\mu = 141000$$

Вычисляя вѣроятное отклоненіе, получимъ въ первомъ случаѣ: ± 297 , во второмъ: ± 386 . Слѣдовательно разница между полученными величинами не превышаетъ 0,8% отъ величины $\mu p = 22500$.

Продолжимъ наши вычисленія.

г) Обычай избѣганія родныхъ жены въ группѣ племенъ, практикующихъ уводъ жены въ домъ мужа, записанъ въ 8-ми случаяхъ. По вычисленію число ихъ должно находиться:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ: 0 и 10;

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ: 1 и 12.

Безплодность полученныхъ цифровыхъ данныхъ для попытки установить внутреннюю связь между обычаями мѣстожительства и формальнаго избѣганія, очевидна. Ни одно изъ наблюденныхъ „отклоненій“ не выходитъ изъ предѣловъ того, что можно допустить „по обыкновенному закону случайнаго распредѣленія“, и въ то же время эти „отклоненія“ настолько значительны, что не позволяютъ остановиться на какой-либо опредѣленной цифрѣ въ качествѣ вѣроятной.

При разсмотрѣніи изложеннаго, мы, въ интересахъ ясности, расчленили необходимую поправку вычисленій Тейлора, причѣмъ оказалось, что въ изложенныхъ примѣрахъ „отклоненія“ настолько велики, что достаточно одной частичной поправки. Въ примѣрахъ, касающихся обычая называть отца по ребенку, отклоненія нѣсколько значительнѣе, и потому мы введемъ поправку въ полномъ объемѣ.

Задача, подлежащая рѣшенію, можетъ быть сформулирована въ слѣдующихъ словахъ: при общемъ числѣ событій n , опредѣлить вѣроятное число повтореній даннаго событія, не зная его вѣроятности, но зная, что при n испытаніяхъ оно случилось m разъ.

Отвѣтъ на задачу выразится формулою:

$$\frac{mn'}{n} \pm t \sqrt{\frac{2n'(n+n')m(n-m)}{n^3}}$$

гдѣ коэффициентъ t извѣстенъ изъ предыдущаго. Примѣнивъ эту формулу, мы найдемъ, что:

а) среди племенъ, по обычаямъ которыхъ мужъ селится въ семьѣ жены, обычай называть отца по имени ребенка отмѣченъ въ 22 случаяхъ. Въ силу же простой случайности онъ могъ встрѣтиться среди этихъ племенъ ¹⁾:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ отъ 1 до 22 случаевъ;

2) если число записей считать = 282, въ предѣлахъ отъ 2 до 27 случаевъ.

б) среди племенъ, въ обычаи которыхъ входитъ избѣганіе мужемъ родныхъ жены, тотъ же обычай ²⁾ установленъ въ 14 случаяхъ. Въ силу простой случайности онъ могъ встрѣтиться ¹⁾:

1) если число записей принять = 350, въ предѣлахъ, изъ которыхъ одинъ отрицательный, а именно:—2 и 12,

2) если число записей считать=282, въ предѣлахъ, изъ которыхъ также одинъ отрицательный, а именно:—1 и 13.

Итакъ, ни одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ Тейлоромъ, не оправдывается при правильной постановкѣ вычисленій. И причинъ двѣ: неполное примѣненіе знаменитымъ авторомъ правилъ теоріи вѣроятностей и недостаточно большое число наблюденій, послужившихъ матеріаломъ для цифрового анализа.

Естественъ, однако, вопросъ: если этнографія не располагаетъ достаточнымъ количествомъ фактовъ въ настоящее время, то не измѣнится ли это положеніе въ болѣе или менѣе близкомъ буду-

¹⁾ Принимая, что $m=31$ и $n'=132$ (по даннымъ стр. 6).

²⁾ Принимая, что $m=31$ и $n'=53$ (по даннымъ стр. 6). Считаю нужнымъ это оговорить, такъ какъ можно варьировать заданія задачи.

шемъ? Попробуемъ выяснитъ это обстоятельство, рѣшивъ напри-
мѣръ, задачу, какъ должно возрасти число наблюденныхъ фак-
товъ, чтобы излѣдователь могъ, безъ существенной погрѣшности,
принимать наблюденную вѣроятность за истинную, т. е. чтобы
величина возможнаго, по теоріи вѣроятностей, отклоненія была
сравнительно пренебрегаемой величиной. Допустимъ при этомъ (за
отсутствіемъ возможности предположить иное), что число наблю-
денныхъ случаевъ даннаго явленія, напр., избѣганія родныхъ
жены, *въ процентномъ отношеніи къ общему числу явленій не*
измѣнится, т. е. что величины

$$\frac{m}{n} \text{ и } \frac{m-n}{n}$$

при возрастаніи этнографическихъ записей своего значенія не
измѣнять.

Алгебраически задача выражается неравенствомъ:

$$t \sqrt{\frac{2m(n-m)}{n^2}} \leq k \cdot \frac{m}{n}$$

гдѣ t —коэффициентъ, значеніе котораго извѣстно изъ предыду-
щаго, а k —коэффициентъ допускаемаго отклоненія. Подлежащая
опредѣленію величина n зависитъ, очевидно, отъ того, какими
значеніями t и k мы зададимся.

При вышеприведенныхъ вычисленіяхъ мы принимали для ко-
эффициента t то значеніе, которое дается ему при статистическихъ
ислѣдованіяхъ. Ограничимся меньшей обезпеченностью цифровыхъ
выводовъ, и вмѣсто требованія, чтобы вѣроятность бѣльшаго откло-
ненія, чѣмъ вычисленное, не превосходила $\frac{1}{200}$, ограничимся тре-
бованіемъ, чтобы эта вѣроятность была не больше $\frac{1}{50}$. Въ то же
время примемъ достаточнымъ, чтобы величина отклоненія—въ обѣ
стороны—не превосходила 10% наблюденнаго отношенія: $\frac{m}{n}$. Этими
требованіямъ отвѣчаютъ величины:

$$t = 1.65 \text{ } ^1)$$

$$k = 0.05$$

Подставивъ эти значенія въ указанное выше неравенство, мы
предѣлимъ необходимое количество этнографическихъ записей,

которыми можетъ удовлетвориться излѣдователь, примѣняющій къ нимъ цифровой анализъ по Тэйлору. Результаты нѣсколькихъ вычисленій собраны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Наименованіе обычая.	Число этногр. записей (л.).	
	Необходимое для приложе- нія теоріи вѣ- роятностей.	Имѣющееся (по Тэйлору).
1. Мужъ избѣгаетъ род- ныхъ жены (45 случ.) . .	14762	} 350
2. Жена избѣгаетъ род- ныхъ мужа (13 случ.) . .	56460	
3. Мужъ селится навсег- да въ семьѣ жены (65 случ.).	9550	
4. Мужъ беретъ жену къ себѣ въ домъ (141 случ.) .	3228	
5. Отецъ называется по ребенку (31 случ.)	37943	

Очевидно, что всѣ эти цифры находятся внѣ предѣловъ возмож-
наго. Особенно это касается обычаевъ со слабой относительной
распространенностью, въ родѣ обычаевъ избѣганія родни супруговъ.

II.

Къ изложенному присоединимъ еще опытную провѣрку, принявъ
полное число записей = 282. Предполагается, что 53 случая (см.

¹⁾ Таблицы соответствующихъ значеній вѣроятностей, связанныхъ зависи-
мостью отъ величинъ t , имѣются у Бунаковского: „Основан. матем. теорія вѣ-
роятностей“ (СПБ. 1846); имѣются также у Bertrand'a: „Calcul des probabi-
lités“ (Paris. 1888).

Не вхожу нигдѣ въ подробности рѣшаемыхъ задачъ, ограничиваясь приве-
деніемъ нужныхъ формулъ, такъ какъ иначе необходимо известное знакомство
съ математическимъ анализомъ. Приведенныя формулы заимствованы изъ „Кур-
са теоріи вѣроятностей“ проф. Тихомирницкаго (Харьковъ. 1898). Замѣчу, что
последняя изъ приведенныхъ формулъ, въ моемъ пользованіи, имѣетъ неиз-
менный видъ сравнительно съ „Курсомъ“.

статью А. Н. Максимова), когда мужъ избѣгаетъ родственниковъ жены, должны распредѣлиться поровну между племенами, у которыхъ мужъ постоянно или временно селится у жены (141 случай), и тѣми, у которыхъ мужъ совсѣмъ не селится у жены (тоже 141 случай). Въ обѣихъ группахъ мы должны встрѣтить 26—27 случаевъ даннаго обычая, тогда какъ въ первой группѣ, напр., онъ наблюдается въ 41 случаѣ.

Я сдѣлалъ слѣдующій опытъ: въ сосудъ сложилъ свернутые по-лотерейному билетики: 141—съ красной отмѣткой и 141—съ зеленой отмѣткой и вынималъ послѣдовательно 53 билетика. Результаты 20 тиражей приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

№ тиража.	Число появленій.	
	красныхъ билетовъ	зеленыхъ билетовъ
1	24	29
2	40	13
3	26	27
4	23	30
5	23	30
6	21	32
7	25	28
8	25	28
9	25	28
10	22	31
11	28	25
12	35	18
13	32	21
14	28	25
15	26	27
16	24	29
17	24	29
18	23	30
19	23	30
20	24	29

Если имѣть въ виду эти результаты, то, пожалуй, придется признать наименѣе вѣроятными именно тѣ, которые приняты за

вѣроятные. Но само собой разумѣется, какъ это мы уже видѣли на аналогичномъ примѣрѣ (см. выше), что, если бы произвели не 20 тиражей, а 2000, то получили бы *въ суммѣ*—на основаніи „закона большихъ чиселъ“, отъ взаимнаго погашенія противоположныхъ отклоненій—величины, мало отличающіяся отъ 50%.

III.

Резюмируемъ сказанное:

1) Число фактовъ, которыми располагаетъ этнографія, слишкомъ ничтожно для пользованія „закономъ большихъ чиселъ“ и, слѣдовательно, для примѣненія правилъ математической теоріи вѣроятностей.

2) Если тѣмъ не менѣе попытаться приложить эти правила, то оказывается въ большинствѣ случаевъ, что вѣроятныя отклоненія, вычисленныя по нормамъ, общепринятымъ въ другой отрасли человѣковѣдѣнія, не отличаются отъ уклоненій, замѣченныхъ Тэйлоромъ, а иногда и превосходятъ ихъ.

3) Опытъ подтверждаетъ теоретическія сомнѣнія въ приложимости теоріи вѣроятностей къ малымъ цифровымъ даннымъ, которыми располагаетъ этнографія.

Нѣтъ основанія думать, что это препятствіе временнаго свойства.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія математической теоріи вѣроятностей, трудно рассчитывать на господство метода Тэйлора не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, ибо нѣтъ требуемой почвы для его примѣненія. Съ помощью этого метода можно, быть можетъ, что-нибудь угадать—нѣчто подобное бывало, но нельзя ничего доказать, нельзя установить какъ безспорный фактъ, служащій надежнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. А вѣдь въ этомъ и заключаются лучшія надежды, связанныя съ идеей Тэйлора.

IV.

Да будетъ мнѣ позволено присоединить справку о другой—почти современной съ предложеніемъ Тэйлора—попыткѣ примѣнить теорію вѣроятностей также въ области человѣковѣдѣнія ¹⁾. Я говорю

¹⁾ Попытки приложенія къ сферѣ знанія, въ вопросахъ юридическаго и политическаго характера, довольно часто упоминаются въ сочиненіяхъ по теоріи вѣроятностей. Со стороны Милля („Система Логикъ“) эти попытки получили

о методѣ Ш. Рише, съ помощью котораго этотъ ученый пытался разрѣшить тогдашній „вопросъ дня“—о чтеніи мыслей на разстояніи, т. е. о непосредственной передачѣ мыслей отъ одного субъекта другому безъ посредства какого бы то ни было физическаго фактора, могущаго быть воспринятымъ нашими органами чувствъ¹⁾).

Доказывая, что такого рода умственное воздѣйствіе существуетъ, Рише продѣлалъ цѣлую серію опытовъ, состоявшихъ въ угадываніи масти игральной карты, вынутой изъ колоды въ 52 карты; въ угадываніи большаго или меньшаго числа буквъ въ задуманномъ словѣ, и проч. Необходимымъ условіемъ опытовъ являлось присутствіе лица, которое усиленно фиксировало свое вниманіе на предметѣ, подлежащемъ угадыванію. Подсчитавъ число удачныхъ угадываній и сравнивъ его съ тѣмъ, которое должно было получиться „по теоріи вѣроятностей“²⁾, Рише нашелъ, что полученное число отгадываній превышаетъ послѣднее и излишекъ отнесъ за счетъ „умственнаго воздѣйствія“ на отгадчика.

Ему возражалъ Прейеръ (проф. физиологіи³⁾). Онъ избралъ путь опытныхъ доказательствъ. Разсмотрѣвъ цифры, полученныя Рише, онъ нашелъ, что „въ тѣхъ рядахъ фактовъ, гдѣ ихъ достаточное количество для приложенія вычисленій вѣроятности, результатъ вполнѣ съ ними совпадаетъ“⁴⁾. Въ тѣхъ же рядахъ, гдѣ число фактовъ крайне ограничено, являются и немногія значительныя отклоненія. Но они всегда неизбежны, замѣчаетъ Прейеръ, тамъ, гдѣ основаніемъ служитъ слишкомъ незначительное количество наблюденій. Законъ большихъ чиселъ не можетъ указать, какъ велики должны быть числа въ частномъ случаѣ⁵⁾, но онъ ясно требуетъ, чтобы они не были малы. И хотя большое и малое — понятія относительныя, тѣмъ не менѣе само собою очевидно для

внѣтъ „повора математики“. Bertrand, напр., цитируетъ одного автора, который доказывалъ, что лучшимъ судьей, по всѣмъ правиламъ теоріи вѣроятностей, должно было бы признанъ того, который бы вотировалъ—„sans discuter ni réfléchir“, прибавляетъ Bertrand—всегда за одно съ президентомъ (стр. 326)

1) Рефератъ объ этой работѣ былъ помѣщенъ въ „Русск. Богатствъ“ за 1885 г., № 1. (благопріятный отзывъ).

2) О возможныхъ отклоненіяхъ (по математической теоріи вѣроятностей) не упоминается.

3) Б. Прейеръ. Объясненіе чтенія мыслей. Москва. 1890.

4) Т. е. отклоненія не выше наблюдающихся обычно, напр., въ лотереяхъ.

5) Замѣчаніе, какъ мы видѣли выше, не совсѣмъ правильное.

всѣхъ опытныхъ наблюдений и для всѣхъ оцѣнокъ статистическихъ данныхъ, что чѣмъ меньше вѣроятность какого-нибудь послѣдствія, тѣмъ больше количество единичныхъ случаевъ необходимо для его подтвержденія. Если при вѣроятности $\frac{1}{24}$, мы примемъ 52 или 58 наблюдений и, получивъ 13 отгадываній вмѣсто трехъ, не будемъ болѣе продолжать опыты, а заключимъ, что здѣсь имѣетъ вліяніе нѣчто иное, чѣмъ прѣстая случайность, то такой приемъ будетъ научно невозможенъ и прямо нераціоналенъ. Игрокъ, бросающій игру послѣ нѣсколькихъ крупныхъ выигрышей, поступаетъ благоразумно. Продолжай онъ играть, онъ скоро проигралъ бы все, что выигралъ. Но это не образецъ для подражанія, если рѣчь идетъ объ естествоиспытателѣ. „Если вмѣсто 100 онъ сдѣлаетъ 1000 наблюдений ¹⁾, то очень можетъ быть, что накопляющіеся вначалѣ положительные случаи составятъ въ концѣ концовъ незначительное меньшинство“.

Для доказательства Прейеръ сравниваетъ результаты, получившіеся въ суммѣ отъ всѣхъ опытовъ Рише, съ тѣми результатами, которые даютъ тиражи Королевско-Саксонской лотереи.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ у Рише отклоненія получались значительныя. Напримѣръ:

Вѣроятность.	Общее число опытовъ.	Число удачныхъ отгадываній.	
		Дѣйствительное.	„Вѣроятное“.
$\frac{1}{6}$	657	150	109
$\frac{1}{24}$	218	29	9—10

во въ цѣломъ, при общемъ числѣ опытовъ—8670, разность между „вѣроятнымъ“ (2019) и дѣйствительнымъ числомъ (2177) угадываній равнялась только 158, что составляетъ около 7,8% ожидавшихся угадываній. Между тѣмъ отклоненія отъ равномернаго (на серію билетовъ, состоящую изъ 8670 штукъ) распредѣленія выигрышей, какъ указалъ Прейеръ, доходили до 18,5%.

На этомъ основаніи Прейеръ отрицалъ значеніе опытовъ Рише.

Итакъ, слишкомъ малое количество наблюдений—вотъ рискованная почва для всякаго цифроваго анализа. Въ этомъ отношеніи совпадаютъ и указанія математической теоріи и указанія опыта.

А. Рѣдько.

¹⁾ Какъ мы выше видѣли, и этого количества недостаточно. (А. Р.)

С М Ъ С Ъ.

Мелнія этнографическія замѣтки.

I. Разбойничьи пѣсни. Въ «Новостяхъ Литературы» 1824 г. (кн. IX) напечатана любопытная статья: «Путешествіе изъ Сарепты на развалины Шеры-Сарая, бывшей столицы хановъ Золотой Орды» — повидному, своего редактора Воейкова. Онъ рассказываетъ между прочимъ о своемъ посѣщеніи разбойничьихъ пещеръ по Волгѣ, найденныхъ тамъ предметахъ и приводитъ 4 «старинныхъ пѣсни Волжскихъ разбойниковъ». Онѣ тѣмъ болѣе интересны, что это, кажется, одна изъ первыхъ и наиболѣе старыхъ записей разбойничьихъ пѣсень. Это: 1) Ты безсчастный добрый молодецъ, 2) Не шуми, мать зеленая дубравушка, 3) Ты воспой, воспой, младъ жаворончикъ и 4) Ахъ далече, далече во чистомъ полѣ, стояло тутъ деревцо весьма высоко.

II. Бъ легендѣ о Кирикѣ. Булишъ въ своихъ «Запискахъ о Южной Руси» напечаталъ замѣчательную стихотворную легенду о бѣдномъ Кирикѣ и рогатомъ попѣ. Воспоминанія Гилярова-Платонова, записки Шишкова и поэта Полежаева указываютъ на народные слухи, которые могли вызвать появленіе подобныхъ произведеній. Мы разыскали въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ дополнительныя данныя, не безынтересныя («Русскій Архивъ», 1901, VI, 216): «Исторію попа я знаю давно. Это случилось въ Нижегородской губерніи, и въ то время инѣ точно также ее разсказывали, tout est vrai; or, c'est fabuleux. И тогда точно тоже сдѣлала полиція здѣсь, т. е. отгоняла трубами пожарными народъ, собравшійся около Чудова монастыря, куда говорили, что привезутъ рогатого попа. Vous n'êtes donc pas moins badaud que nous autres Moscovites».

III. Празднованіе Сошествія Св. Духа въ Москвѣ. Въ малоизвѣстномъ теперь альманахѣ «Раутъ» (III, М., 1854, стр. 11) Н. В. Сушковъ вспоминаетъ: «По давнему обычаю, въ день Сошествія Св. Духа на Прѣсенскихъ прудахъ собираются невѣсты, а стало быть, и женихи, какъ бы на показъ: это гулянье можно назвать выставкой русскихъ красавиць. Не знаю, во многихъ ли краяхъ Руси ведется еще обычай выставлятъ въ Духовъ день невѣсть на какомъ-нибудь гульбищѣ; но въ Петербургѣ это не оставлено, и Лѣтній садъ въ этотъ праздникъ

напоминаеть Москву русскими лицами и нарядами, не враздробь, не въ толпахъ иностранцевъ, а въ сборъ, на виду, на всей красотѣ. Ходынское поле и часть Новинскаго гулянья принадлежать также Прѣсенской части. На первомъ бывають лагерныя ученія, маневры войскъ, звѣрныя травли, конскіе бѣги и скачки; подъ Новинскимъ ¹⁾— всѣвозможныя на масляницѣ и на св. недѣлѣ примани для празднующихся: качели, горы, воньки, скоморохи, музыка, пѣсни, чугунки въ налѣшешъ видѣ, вереницы санныхъ или лѣтнихъ поѣздовъ, подчасъ тройками, въ русской упряжи, съ бубенчиками и т. п.

IV. Легенда о соперничествѣ вѣръ. Легенда о соперничествѣ вѣръ извѣстна въ многочисленныхъ пересказахъ, между прочими очень любопытною малорусскою. Мы натолкнулись на очень оригинальную ея версию, кажется, еще никѣмъ не отмѣченную въ книгѣ: «Луиза, сельское стихотвореніе И. Г. Фосса. Переводъ съ нѣмецкаго П. Торьева» (СПб. 1820. Стр. 41—43). «Благородный и вѣжливый Вальтеръ» передаетъ пастору «сказочку... что слышалъ намереди».

Мертвый изъ Майнда разъ явился въ преддверіяхъ неба
И, постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Изъ полуотворенной
Двери вдругъ выглянулъ тутъ святой Петръ и спросилъ его: «кто ты?»
Съ дерзостью сей отвѣчалъ, возвышая въ рукахъ отпускную:
— «Я?—Католикъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
— «Сядь на лавочку тутъ», отвѣчалъ ему Петръ, запираясь.
Мертвый изъ Цюриха разъ явился въ преддверіяхъ неба
И, постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Спросилъ Петръ: «а ты кто?»
— «Я?—Кальвинистъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
— «Сядь на лавочку тутъ», Петръ сказалъ. И изъ Гамбурга мертвый,
Тожъ постучавшись, вскричалъ: «отворите!» Спросилъ Петръ: «а ты кто?»
— «Я?—Лютеранинъ! Я—членъ единственной вѣры спасенья!»
— «Сядь на лавочку тутъ!» Они сѣли, дивясь, какъ стройно
Солнце и звѣзды съ луной, въ непрерывномъ движеніи, надъ ними,
Ярко блистая, текли! Тутъ раздался повсюду пріятный,
Нѣжный и радостный звукъ небесной плѣнительной аромъ,
И благовоніе розъ разлилося надъ небомъ лазурнымъ.
Съ сердцемъ, восторженнымъ сей сверхъестественной пѣсню, вскричали
Всѣ въ одинъ голосъ: «мы всѣ во единого Господа вѣримъ!»
Съ шумомъ отверзлись врата, и зенитъ освѣтился небесный.
Вотъ появляется Петръ и съ улыбкой пріветной вѣщаетъ:
— «Тагъ образумились вы, безразсудныя дѣти! Видите жъ!»

¹⁾ Срв. „Путеводитель по Москвѣ, изд. С. Глинкою“ (М., 1824, 347—348: Гулянье подъ Новинскимъ): „Съ раннаго утра звуки трубъ и огромныхъ барабановъ извѣщаютъ проходящихъ, что храмы веселыя и забавы будутъ открыты даже до ночи. Здѣсь пастушеская свирѣль затянула народную пѣсню, и въ ней присоедилился громкій хоръ цыганокъ; тамъ паяцъ до надсады кричить въ публикѣ, приглашая всѣхъ смотрѣть представленія, какихъ никогда еще не видаво“.

Всѣ обнялись тогда и, взошедши въ жилища земры,
Начали новую жизнь, съ дружелоубнымъ согласіемъ вѣчнымъ,
Въ зланныхъ, лазурныхъ поляхъ всеобъемлющаго небосклона.
Высшій, живительный духъ осѣнялъ ихъ крыломъ своимъ мирнымъ.

V. Нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ.
Въ моихъ бумагахъ сохранилось нѣсколько малорусскихъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ для меня лѣтъ пятнадцать тому. Они или совсѣмъ еще неизвѣстны въ нашей этнографической литературѣ, или представляють своеобразную переработку уже извѣстныхъ сюжетовъ. Всѣ они, кромѣ № 12, записаны для меня К. Дорошевскимъ въ Черниговщинѣ. Сохраненъ правописаніе подлинника, притомъ диетонги *іе, уо* и *юо*, являющіеся въ извѣстныхъ случаяхъ (подъ удареніемъ), отгѣчаемъ курсивомъ.

1. Спомин про старовину.

Балісь мала на свіеті людей було. Земля була вуолна: скулькі хто зацунить,—то й йіго. От і вуолй батюшка ...сами були з Макишнина, ну не зхатили в селіе жить. От и прийшли в Гародню. Скулькі вани собіе лісцу затеребили!.. Нива була добра; поля скулькі!—Скулькі затеребили—стувлькі й йіх. Бо людей тадіе мала було, а землі багато. Ще за наеш паметі Гародня була... ну, хутар, село, що дваруов стоі.. А тепер?—І салдацька слабада, і жидувська слабада!.. А ще за наеш паметі жидув у Гародні не бульш, як 5 дваруов було, а тепер пов-города. Що дальш—бульшае й бульшае народу того. Пакуойница мамінька хадилл у Кияв ще дівкаю; казали: тувлькі де-не-де стерчить там хата. А тепер дамї, улиці які! А то, було, меж гарами улачка—тулькі прайти, а хто йіеде, то так тебе до боку й притисне...

(Від 70-літнїеї баби з Городні, Черн. губ.).

2. Як жиди рабина свого ховали.

Був у жидів рабин: такий то вже поважний, такий поважний, що ёго може на весь світ знали. От, да й здох. Давай ёго ховать. Жидови тої назбиралось зо всіх усюд: ктвалт, лемент такий, що Господи! Ховать ёго бучно, як пана якого великого. Та ще й з наших закликають:

— Приходьте, люде добрі, шось побацїте, як ми рабина швого ховать будем.

А тим часом попали вони десь п'янюжку якогось:

— Шлюхай, Иван, як будем ми нести рабина на кладовище, то ти вижди на зустріц. То ми тебе спитаем: ци е тут мішто насому рабину? То ти скажи: онде ёму мішто—аз на небі! Ми тобі за це гросей і горілки дамо.

Иван той: добре, каже.

Виняв горілки, пішов і спить на кладовищі, поки то, значитьця, процесія тая ще буде. Спить він да спить, коли це йде вже процесія—рабина пруть. Дойшли уже й до брами—німа Йвана, не йде: спить десь, аж хропе. Тут зараз кілька жидків метнулось, нашли, розворушили того Йвана:

— Бізй, бізй, шюкін снй, процесія прийшла.

Пруть ёго під руки, бо той тавий, що й на ногах не встоїть. А тим часом жидова супнилась коло брами—ждуть: От привели ёго. Виходить старий тавий, поважний рабин.

— А ци есть тут, Іване, нішто для насого мудрого рабина?

Той глянув на ёго з просоння:

— Чому, кажэ, нема?! Тут міста на весь кагал ваш ханить.

— Уй кват! Вей мирь! Ід банаі!..

Була сказала з пересердя проклята жидова! Давай тоді того пнянюжку чистить! На силу вже наші люде одняли.

(Від пройжджачого погулання, або може міщанина. Казав, що все це справді було в якомусь місті правобічної України).

3. Танцюриста дівка.

Одній дівці та почав хтось (парубок там який, чи що) декорати:

— Та ти, дівко, пекти та варити не вмієш!

— Та й тільки-ж! одказує.

— Та ти, дівко, й шити не вмієш!

— Та й тільки-ж!

— Та ти й жати, й пряти... и чого вже він не перебрав, а вона все одно одказує: «та й тільки-ж». — А далі:

— Та ти, дівко, й скакати не вмієш!

— Ге, сучий сину, нехай що-що, а вже за скоки побью й боки.

(Богже короткій варіанть у Гринченка въ „Веселихъ Оповідачі“).

(З Козелеччини, Черн. губ.).

4. Про Шведовъ.

Калісь увесь наш край Шведов був: Шведи й Палаки на юом вайсвали. У Седньєві дак аж 7 лієт Шведи седієли, через шо ж его й Седньєв завуть. Як йїєхать у Чернігов з Городні, дак кургання таго, кургання! Калісь раскопували одну магилу дак нашли срібну зброю (то-то срібра було багата, не так, як тепер), пудсвїєшнїкї залатї. А в аднум кургану, дак, кажуть, карета есть залатя: генерала або палковнїка йїєго йїхнїєго (Шведського-б-то).

(Від баби з Городні, Черн. губ.).

5. Цікава жінка.

То, значить, одна жуонка усе питає сяго чоловієка: а що нового? Чи поїєде чоловієк у город, чи зходить до шинку,—вона зараз и присїаетца: а що нового, чоловієче? чи не чув якої новїни? От жуон думав, думав—ну погуляй же ти!

— Та ще, каже, он у архирей жуонка вмерла, то шукає другої.
Як що котора заложить ногу аж за шюю—то вуон на ній жінитца.

От тоді тая жуонка скорій до клуві, та й стала приміратца. Туди ж (за шюю) ногу заклала, а назад—вічого не зможе. Чоловіек той ждав, ждав—нема жуонки. А далі на дочку;

— А побіжи, пошукай матку!

Дівчинка ўбігла в клумя, глянула, та притьомі до батька:

— Ой, таточку, мати агнїтьця!

— Де?

— В клуві.

Чоловік узяв тоді ціпок, та як почав жуонку лупить:

— То ти, суккина дочка, в архирейші закотїла??!!

От таві то ці баби. (Від шарубка з Нов.-Вікоуса Черн. губ. н у.).

6. Кругленьє словце.

То одного привели сватать. А він дурний там таний, що Господи!
От свати тні пьють, та гомонять, а дурень сидить собі мовчечки, похвюпавшись. Калі це до ўго один сват:

— Та ти б хоч сказав нам яке кругленьє словце!

А дурень той:

— Обру-уч! каже.

(З. Чернагівщини).

7. Про клад в Тупичові.

У Тупичові, повз дарогу лісок єсть — «Забава» (генерала Свічнїв).
Дак був адін старик, шо й показував, де гроши закопано—закапті ванн. От сабралєсь скульї чалавіек, вишли для храбрості: «шо нам в трох в чатирох да кази баянца?!» Узали заступн, лапати, да н пашли да того люоку. Як же вискачить аттуль!.. Дак двох, чи трох і задавило. Дак там і хрест високий, високий над йїми поставлена. Було, як падїжмаєм да того хреста, то аж сумно, так сумно, да от неначе ще хто за валосєя на вискахъ у гору падїймає.

(Від баби в Городні Черн. губ.).

8. Неумѣлоє заклинанїє.

А то дак адін пан тѣк, за аколицею, з поверстн, вїйшов, да й закопує гроши. Да не вмїєв заклинать: туолькї перехрїстївсь да й пашов. А ратай й пабачїв. Прїсїєв за гарбом, покї вуон (пан) там кончить, да потум старїєйш да того мїєста, да руками, руками, як сабака, разгрїєбус. Дак такїй глєк з деньгами вїйнав!.. Дак уже хїтра й папачїв—ї дітям аставїв. Пагарїєли, а знов такїй корпус поставїв, шо ну!..

(Від баби в Городні Черн. губ.).

9. За що Мазєпу проклинають?

То цар Петро да загадав, значить, Мазєпї зїєстї сїєж галушак на сїєж пудєв кажная. От вуон йєв, йєв—шєсть зїєв, а сьїмаю й падавїєса.

Дак цар і сказав йіго правлінать. А Мазепа здаррови такі був чоловіек, черезь тож яму цар і загадал галушки тийе йесті.

(Від салдата з-під Добрянки, Черн. губ., Городницьк. у.).

10. Про Мазепу.

Як ваявав Мазепа з Палієм, дак я ще дівчинкаю була, і таді через наш город велика сила маскалаюов ішла. А ми, дівчора, позлазмили на тин, та й дівимась (sic). А вани йдуть, та й йдуть! Ще таді сестра мая меньча, Глашка, упала з тини на шелянку, да чиста ноги сабіє паріє-зала...

— А самогo Мазепу ти, бабо, бачила?

— Та й Мазепа ж, кажу, з йіми (москалями) був: на бісламу такому каню йісхав, туюлькі запоўнила (sic), який вуон був.

— А може ти й Палія бачила?

— Може й бачила—забула вже: давно це дієла було! Мазепа, значить, ваявав, ваявав, а далі цар йіго й разбив. Вуон і втюок, та уже, значить, бачить, що прапало йіго дієла—узаяв, да сам сабіє смерть і западієв.—Кались маскалаюов не було, а все казаки: от—вайна! заряз казани і збираютца. А тѣк—дак вуйська не було.

(Від 70-ти літнїї баби з г. Городні, Черн. губ.).

11. Сила заклинанія.

Кались старинніі люде були!.. то важко йім з груошми було разста-вацца. Аже у нас (в Городні) дак, значить, дїєд савсієм уже недужий був, що вже умирає—а грошей йему жалко! От вуон у вечарі війшов у гарод да нажом і давай капѣть ямку. Оттак, значить, рієчка і бутуор, іще й куст расте. Рів, рів; вирів, да казан з груошми—туди! Та й шепче, шепче—заклинає-то вже. Да аж на 12 галуов закаяв. Да вже вездужає назад іти, да вже рачкі лієзе. А сестра йіго да пуд тей час воду брала, да й подслухала, що вуон шепче там. А побутж... шо йему (казанові з грішми) прападеть?! думєв. Узяла заступ, прійшла, да й давай капѣть.—Як же здуоймецца завируха?! Так йіше патращало, так паламало—насилачку в хату дайшла. А то все через те, шо закаяв, шоб, значить, чартяка задавняла.

(Від баби з Городні, Черн. губ.)

12. Хитра жінка.

Одна жінка, та змовылась с кымсь-то, шоб вин прійшов до неї в вѣчері.

— «А як чоловік буде дома, то як?» спытав той.

— «Ты як прійдеш, то постукаш у виєно, та й прыслухайся, шо и казатыму, як стану мольться. Як буде дома, то не йды, а як скажу, що нема, то сміло йды».

От, трохи згодом щось застукало у виєно. Чоловик був дома. Жін-

ка швидче на колина, та й давай вычитувать: «Отче наш, дже еси, а тебе, Господы, в хату не несм, бо лукавий въ хати, те не буде воля твоя; прийдеши завтра, бо сегодня вси дома!»

— «Жырко! Чы ты здурила? Як то ты Богу молишся?..

— «Пху! За сымы проклятымы дѣтмы и не помолышя гараздъ, як треба!»

Полягали спать.

(Черкасмы, Кіев. губ., 1887).

13. Про Мазепин. дом (в Чернигові).

У Мазепином домі, кажуть великий клад, і там заклата баришня Йікась (варіанти: царівна; дочка Мазепи): матка кажуть, заклала, шо не слухалась. Раз, дак стояв, значить, салдат на часах. А вона и виходить і просить у его хреста. Вуон не дав. Коли ж на другу ноч знов вона виходить, а вуон знов таки не дав: чи пожалієв, чи, може, побоявся там... А за третім разом пошов до командира, да й розказав: так і так, говорить.—«Дурний же ти! було б, коли свого (хреста) жалко, хоч з скієпочок зробити да дати юой: тобїб увесь клад би доставсь».— І скульки вуон не стояв вже на часах, то вже буольш не бачив.

(Запис. в Чернигові від Ив. Шумила).

Вл. Калашъ.

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ ¹⁾.

Легенда объ Александрѣ Македонскомъ записана М. Черазомъ изъ усть 80-ти лѣтняго неграмотнаго армянина въ Константинополь, слышавшаго ее отъ своего дѣда, уроженца Малой Азіи. Въ легендѣ передается тотъ моментъ изъ жизни Александра, известнаго на Востокъ подъ именемъ Искандера, когда онъ покорилъ всю сушу и наложилъ дань на море. Податью послѣдняго служили буйволы, которыхъ оно выбрасывало изъ вѣдръ своихъ на берегъ. Этимъ-то—прибавляетъ легенда,—объясняется, что буйволы до сихъ норъ плаваютъ такъ хорошо и любятъ такъ продолжительно купаться. Давая сраженіе, Искандеръ каждый разъ пилъ воды безсмертія, выжимаемая изъ сѣмени чеснока. Разъ онъ приказалъ своей дочери принести флаконъ съ этой жидкостью. Она полюбостествовала отвѣдать и выпила весь флаконъ. Искандеръ въ гнѣвъ обнажилъ мечъ, но дѣвочка стремительно бросилась изъ окна въ море, разгнѣвшись предъ дворцомъ царя, и здѣсь она превратилась наполовину въ рыбу. Отъ брака дочери Искандера съ рыбами произошли существа—полу-люди и полу-рыбы. Однако, она предпочитаетъ общество людей и ищетъ способовъ ихъ привлечь. Чудное дѣтя возсѣдаетъ ночью

1) Revue de l'histoire des religions. Paris. 1901, т. XLIII, № 3, mai-juin.

на скалѣ и расчесываетъ въ молчаніи свои золотистые волосы. Она носитъ по преимуществу голубое платье. Она преслѣдуетъ корабли и мореплавателей, и когда опускаютъ въ море ведро, чтобы зачерпнуть воды, она цѣпляется за него и тащитъ его къ себѣ, чтобы захватить того, кто держитъ веревку, но она быстро убѣгаетъ, вся дрожа, если ее окликнуть: вонъ идетъ царь Искандеръ.

Г-нъ Далаанъ опубликовалъ въ журналѣ «Azgagtasın Handes» двѣ легенды объ Александрѣ Великомъ, которыя докладчикъ присоединяетъ къ сказанію, имъ записанному въ Б-встантіянополѣ. Первая изъ этихъ легендъ представляетъ варіантъ сказанія о царѣ Мидасѣ. Александръ Великій имѣлъ рогъ на головѣ. Чтобы скрыть этотъ физическій недостатокъ, онъ приказывалъ убивать всѣхъ парикмахеровъ тотчасъ послѣ того, какъ они стригли ему волосы. Одинъ парикмахеръ избѣжалъ смерти подъ вѣтвеннымъ условіемъ не оглашать этого секрета. Но вскорѣ стало понятно, что ему невозможно молчать. Онъ начинаетъ страдать болѣю въ животѣ и, не имѣя силы сопротивляться, бѣжитъ на открытую поляну и, свѣсившись надъ однимъ колодезьмъ, произноситъ слова: «У Искандера рогъ на головѣ». Рѣзь тотчасъ прекращается. Однако, тотчасъ выходить изъ глубины колодеца тростникъ и его срываетъ пастухъ на свирѣль, которая во время игры на ней ясно произноситъ: «У Искандера рогъ на головѣ». Случилось Искандеру проходить во время охоты мимо пастуха и слышать эти слова. Александръ велѣлъ допросить парикмахера и, несмотря на то, что послѣдній вляяя, какъ онъ вынужденъ былъ открыть секретъ колодецу, царь велѣлъ его обезглавить.

А. Хахановъ.

Критика и библиографія.

Харузинъ, Николай. *Этнографія. Лекции, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей Впры и Алексѣя Харузиныхъ.* Выпускъ I: 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. СПб. 1901. 8°. X+343 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 р. (По подпискѣ на всѣ четыре выпуска въ магазинахъ «Новаго Времени» — 5 руб.).

Очень трудно дать полную и обстоятельную оцѣнку этого весьма полезнаго труда покойнаго автора, во-первыхъ, потому, что трудъ — посмертный, и самъ авторъ, какъ объ этомъ говорятъ редакторы, не приготовилъ его къ печати; во-вторыхъ, потому, что этотъ трудъ составилъ изъ лекцій, стало быть, былъ рассчитанъ лишь на извѣстный кругъ слушателей, м. б., впервые знакомившихся даже съ самыми элементарными вопросами этнографіи; наконецъ, въ-третьихъ, еще и потому, что трудъ этотъ, издаваемый специально для русскаго читателя, требовалъ бы отъ его автора многихъ усилій, чтобы впервые освѣтить общіе и специальные вопросы этнографіи русскими матеріалами и изслѣдованіями, не сдѣлавшими достояніемъ общеевропейской науки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи редакторы отмѣчаютъ отличіе труда Н. Н. Харузина отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ авторовъ; но, конечно, преждевременная смерть, застигшая Н. Н. въ самомъ началѣ его университетскаго преподаванія, не дала ни времени, ни возможности обработать данныя русской этнографіи въ должной полнотѣ.

Не вдаваясь поэтому въ разсмотрѣніе этихъ весьма естественныхъ недочетовъ настоящаго изданія, остановимся на томъ интересѣ, который оно можетъ имѣть для русской читающей публики.

Русская этнографія существуетъ уже давно, хотя эта наука считается и молодой; русскими этнографами собраны обильные и цѣнные матеріалы; но очень мало дано ими этнографическихъ монографій, а обработанныхъ вполне научно и совсѣмъ немного. Происходитъ это отъ того, что русскій этнографъ въ огромной массѣ своей является человекомъ или случайно работающимъ, или вообще не подготовленнымъ къ тому специально. Какъ извѣстно, покойный Н. Н. Харузинъ былъ первымъ лекторомъ по кафедрѣ этнографіи въ русскомъ университетѣ, а до него эта наука входила лишь частично въ нѣкоторые курсы другихъ профессоровъ.

Поэтому не удивительно, что университетъ, вѣрный и безпристрастный разсудивъ знаній, долго не давалъ русскому уму руководящихъ знаній въ области этнографіи. Этихъ же слѣдуетъ объяснять и научную отсталость русскихъ этнографовъ. А насколько этотъ предметъ вообще не легко, укажемъ хотя бы на то, что послѣ Н. Н. Харузина нѣтъ еще лица, которое бы замѣнило его.

Въ частности, что касается лекцій, изданныхъ подъ заглавіемъ «Этнографія», то общее направленіе ихъ отвѣчаетъ тѣмъ запросамъ, о которыхъ говорилъ еще Д. Н. Анучинъ въ своей статьѣ «О задачахъ русской этнографіи». («Этн. Обозр.», 1889, I, 25). «По нашему мнѣнію», говоритъ Д. Н. Анучинъ: «одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться сведеніе во едино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія». Это сведеніе не можетъ быть механическимъ, для этого нужна извѣстная «компетентность», а именно: «берущійся за такую работу долженъ быть знакомъ съ основаніями этнографической науки вообще и этнографіи Россіи въ частности; кромѣ того, онъ долженъ имѣть достаточное понятіе о методахъ и приемахъ собранія этнографическихкихъ данныхъ». Затѣмъ, конечно, нужно знакомство съ литературой предмета. Лекціи Н. Н. Харузина, какъ руководство, и знакомятъ читателя съ «основаніями этнографической науки вообще». Этнографія Россіи въ нихъ входить, конечно, лишь настолько, поскольку она освѣщаетъ общіе вопросы.

Разбираемый I-ый выпускъ «Этнографіи» распадается на двѣ части: 1) часть общая; 2) матеріальная культура.

Еще раньше того, во «сведеніи», авторъ останавливается на исторіи развитія этнографіи, какъ науки, за границей и у насъ, и выясняетъ въ концѣ концовъ исторію значенія терминовъ «этнологія» и «этнографія». Признавая за терминомъ «этнологія» большую научность, чѣмъ за терминомъ «этнографія», авторъ отдаетъ предпочтеніе все же послѣднему, такъ какъ онъ можетъ одинаково относиться какъ къ накопленію матеріала, такъ и къ изученію его.

Давши «историческій обзоръ накопленія этнографическихкихъ матеріаловъ» на Западѣ и у насъ, авторъ переходитъ къ «исторіи развитія этнографіи, какъ науки, ея задачамъ, методамъ и предѣламъ». Какъ наука, этнографія, пройдя различные стадіи развитія, «модифицировала представленіе о *духѣ народномъ*. Узкая націоналистическая точка зрѣнія была поколеблена, и сравненіе результатовъ, добытыхъ благодаря стремленію къ самоизученію у разныхъ европейскихъ народовъ, лишь облегчило проясненіе сознанія объ общности ихъ первобытной культуры» (28 стр.).

Историко-сравнительный методъ изученія, индуктивный, привелъ, въ свою очередь, къ методу изученія фактовъ переживанія. Авторъ даетъ обширную иллюстрацію этого метода на фактахъ изъ европейской и русской этнографіи.

Все это и дальнѣйшія мысли автора о задачахъ и предѣлахъ этнографіи приводятъ его къ выводу, что «этнографія является наукой, которая, изучая бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать

законы, согласно которымъ шло развитіе человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры». Правда, въ этомъ опредѣленіи нельзя не видѣть нѣкоторой односторонности. «Низшія степени культуры» менѣе всего поддаются точному изученію, а потому онѣ, конечно, и являются одною изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи. Но любая народность можетъ быть изучена и на среднихъ, и на дальнѣйшихъ степеняхъ культуры. Далѣе авторъ знакомитъ съ системами, которыя тѣснѣе всего связаны съ этнографіей: социологія, антропологія, сравнительное языковѣдѣніе, исторія и географія. Вслѣдъ затѣмъ онъ выясняетъ сущность матеріальной культуры и духовной. Останавливаясь затѣмъ на трудномъ вопросѣ классификаціи человѣчества (по цвѣту кожи, строенію тѣла, по языку, по обитаемому району и проч.), авторъ отличаетъ классификацію отдѣльныхъ наукъ о человѣчествѣ отъ этнографической классификаціи. Эта послѣдняя должна располагать матеріалъ по этнографическимъ группамъ, а группы — по явленіямъ. «Изучая эволюцію въ предѣлахъ разныхъ группъ явленій», говоритъ авторъ, «мы получимъ стройное и ясное представленіе объ исторіи человѣческаго развитія, откроемъ законы, согласно которымъ это развитіе подвигалось впередъ». (66 стр.).

I-я часть. — Матеріальная культура — обнимаетъ собою значительную часть всего выпуска (69—306 стр.). Здѣсь даются общія, со многими примѣрами изъ иностранной и русской этнографіи, свѣдѣнія о человѣкѣ въ дилувіальномъ періодѣ (69—98 стр.), въ неолитическомъ періодѣ (99—114 стр.); далѣе: объ орудіяхъ дикарей, не знакомыхъ съ металлами (115—128 стр.), употребленіи огня (129—148 стр.), растительной пищѣ, охотѣ, рыболовствѣ (149—158), способахъ приготовления пищи (159—164), первобытной посудѣ и гончарномъ искусствѣ (165—174), о переходѣ къ оскѣлости, одомашненіи животныхъ, о скотоводствѣ и земледѣліи (175—193), о жилищѣ (194—210), одеждѣ (220—227), способахъ и средствахъ передвиженія (228—241), оружіи (242—252), о знакомствѣ человѣка съ металлами (253—270), объ украшеніяхъ (271—286) и объ искусствѣ (287—306).

Не останавливаясь подробно на содержаніи этой части, такъ какъ приемы разработки ея указаны выше, а изложить даже кратко не позволяетъ мѣсто, укажемъ еще, что въ приложеніи помѣщенъ очень полезный «Указатель источниковъ», составленный В. Харузиной, «Алевитый указатель именъ и предметовъ», составленный Ал. Харузинымъ и «Списокъ трудовъ Н. Н. Харузина».

Въ печатающемся II-омъ выпускѣ «Этнографіи» будутъ изложены «Семья и родъ»; въ III-емъ — «Собственность и первобытное государство» и въ IV-омъ — «Вѣрованія».

Обнимая, такимъ образомъ, всё болѣе или менѣе существенные вопросы этнографіи, эти четыре выпуска дадутъ русскому читателю, интересующемуся ею, въ достаточномъ для него видѣ тѣ руководящія нити, безъ которыхъ онъ не въ силахъ пока ни оцѣнить проходящихъ предъ его глазами фактовъ народной жизни, ни заинтересоваться глубоко, сознательно, все болѣе и болѣе накопляющейся этнографической литературой,

ни, тѣмъ болѣе, попасть въ тотъ отрядъ «компетентныхъ» этнографовъ, которые такъ нужны теперь и которыми вообще предстоитъ еще такъ много труда и усилій, прежде чѣмъ народности, населяющія Россію, будутъ изучены съ должной полнотой и научностью.

Пожелаемъ «Этнографіи» Н. Н. Харузина полного успѣха. Пусть этотъ трудъ, какъ первый руководящій опытъ русскаго ученаго, породитъ много другихъ трудовъ по этнографіи: этнографическихъ матеріаловъ, монографій и руководствъ.

Вл. Б.

Сборникъ Кириши Данилова. Изданіе И. Публичной бібліотеки, по рукописи, пожертвованной въ бібліотеку кн. М. Р. Доморуконьскаго, подъ ред. П. Н. Шеффера. Съ фототипич. снимкомъ. С.-Петербургъ 1901.

I.

Нельзя не привѣтствовать новаго изданія знаменитаго сборника былинъ и пѣсенъ. Долгое время подлинная рукопись «Древнихъ русскихъ стихотвореній» считалась утраченной, и только въ 1894 г. появилось извѣстіе о томъ, что она нашлась въ имѣніи кн. Долгорукова, въ Тульской губ. Владѣлецъ рукописи рѣшился ее пожертвовать въ Публичную бібліотеку съ тѣмъ, чтобы она въ возможно скоромъ времени сдѣлала полное и доступное изданіе сборника. Въ настоящее время драгоценное собраніе былинъ и пѣсенъ впервые является въ точномъ, удовлетворяющемъ всѣмъ научнымъ требованіямъ, изданіи. Новое изданіе открывается предисловіемъ редактора, который передаетъ исторію странствованія рукописи изъ однихъ рукъ въ другія, а затѣмъ указываетъ на важности знакомства съ подлиннымъ текстомъ сборника. Прежде всего, въ настоящемъ изданіи онъ является въ болѣе полномъ видѣ, нежели въ изданіи Калайдовича (1818 г.), который выпустилъ восемь пѣсенъ и стихъ о Голубиной книгѣ; теперь почти все выключенное Калайдовичемъ напечатано; только въ двухъ пѣсняхъ пришлось выпустить нѣсколько неприличныхъ выраженій. Далѣе, новое изданіе даетъ намъ цѣлый рядъ діалектическихъ особенностей, сглаженныхъ въ изданіи Калайдовича. «Сопоставляя характерныя черты языка сборника съ данными русско-діалектологіи», редакторъ (стр. ХХІV) находитъ въ немъ особенности сибирскихъ говоровъ. Интересно замѣчаніе г. Шеффера относительно одной особенности сборника: «въ заглавіи былинъ имена встрѣчаются иногда не въ той формѣ, какую они имѣютъ въ самомъ текстѣ» (стр. ХХХVII). Авторъ объясняетъ эту особенность тѣмъ, что тексты записаны знатокомъ пѣсенъ или даже профессиональнымъ пѣвцомъ. Въ заключеніе предисловія редакторъ дѣлаетъ описаніе рукописи, при чемъ замѣчаетъ, что рукопись писана въ восьмидесятихъ годахъ ХVIII столѣтія.

Кромѣ предисловія, мы находимъ въ новомъ изданіи письмо Демидова къ Миллеру съ одной пѣсней изъ сборника, приложенной къ письму, предисловія къ первому и второму изданіямъ сборника, именной и пред-

метный указатели, а также объясненіе иѣстныхъ словъ. Такимъ образомъ, древнѣйшее собраніе русскихъ былинъ и пѣсенъ является передъ нами въ такомъ видѣ, который соответствуетъ важному научному значенію сборника. Особенно облегчаютъ всякую научную работу тщательно составленные указатели и словарь.

Въ заключеніе, отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности въ пониманіи текста его редакторомъ. Не понято слово «прозиритель»: г. Шефферъ (бъясняетъ это слово—«провидецъ, провидящій будущее» (стр. 278), между тѣмъ какъ это—искаженіе слова прозвиреть (προσβύτερος). «Пропастъ» объясняется «падалъ, мертвечина, смерть», между тѣмъ какъ изъ контекста (не стало у ней того духу, пропасти) смыслъ этого слова вполне ясенъ—скверный духъ, дурной запахъ. «Разиться» значитъ не «броситься, кинуться», а удариться, убится (въ «Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань» Евпраксія «ринуся изъ превысоваго храма своего... на средю земли и *заразися до смерти*»). Особенно досадно, что г. Шефферъ, не появивши одного выраженія, ввелъ въ именной указатель какого-то татарина Аздеда («татаринъ Аздедъ утѣшаетъ ее: онъ выдаетъ ее за сына въ Золотой ордѣ»). Уже Безсоновъ въ изданіи Пѣсенъ Кирѣвскаго (IV, 96.) при словахъ «Аздеду татарину достанешься» сдѣлалъ замѣчаніе: «А съ дѣлу, съ раздѣлу, на долю?»; поэтому особенно было странно встрѣтить непониманіе этого вполне яснаго выраженія («дѣлу — дѣлажь добычи, жребій; ср. Бѣломорскія былинны, 159: «На дѣлу ли ты мнѣ, горѣ, доставалосе»; 333: «Что на дѣлу ли ты мнѣ достависьсе»). Согласно съ первымъ изданіемъ г. Шефферъ читаетъ: «онъ перву скокъ ступилъ за пять версть а другова ускока не могли навати» (стр. 151), вмѣсто: «онъ первъ ускокъ»; конечно, только послѣднее чтеніе имѣетъ смыслъ. Въ другихъ случаяхъ редакторъ изданія, наоборотъ, очень остроумно объясняетъ опіски въ текстѣ; таково, напр., объясненіе выраженія: «по три д-и ге (=ней, ее, казну) осматривали» (стр. 273). Нужно сознаться, что подчасъ встрѣчаются въ сборникѣ Кириши Данилова очень непонятныя выраженія, хотя многія изъ нихъ теперь получаютъ себѣ объясненіе. Такъ, въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, вошедшей во многія хрестоматіи, до сихъ поръ читалосъ одно мѣсто такъ: «Что не дорога камочка—узоръ хитерь: хитрести были Царяграда, а и мудрости Іерусалима, замыслы Соловья Будимировича; на златѣ, на серебрѣ — не погнѣваться». Теперь это выраженіе дѣлается вполне яснымъ: камка «на златѣ, на серебрѣ не погнетца» (стр. 2); неправильное чтеніе объясняется тѣмъ, что въ рукописи надъ послѣднимъ словомъ другимъ почеркомъ были приписаны буквы *ва*.

А. Марковъ.

II.

Большинство музыкантовъ, интересовавшихся напѣвами, помѣщенными въ «древнихъ русскіихъ стихотвореніяхъ» Кириши Данилова (по изданію Калайдовича), приходило къ тому заключенію, что они не относятся къ текстамъ былинъ и пѣсенъ, слѣдующихъ за этими мелодіями въ сбор-

нигѣ, и вопросъ о нихъ до настоящаго времени является еще не выясненнымъ.

Разсматривая новое изданіе Императ. публичной библіотеки и сличивъ ноты съ таковыми-же въ старыхъ изданіяхъ, вы найдете много несогласія въ нихъ и прежде всего обратите вниманіе на безцеремонное отношеніе къ напѣвамъ ихъ перваго редактора г. Шпревича, который объ этихъ нотахъ (по рукописи) вѣроятно былъ того-же мнѣнія, какъ и большинство нашихъ изслѣдователей: онъ не считалъ эти мотивы именно тѣхъ текстовъ, которые слѣдовали за ними. Для примѣра, характеризующаго отношеніе Шпревича къ мелодіямъ Кирши Данилова, укажемъ рукописи л. 89 (Сб. Кирши Данилова СПб. 1901. стр. 167) и въ изданіи Балайдовича (изд. 3-е.) стр. 272.

Текстъ легко укладывается въ первомъ примѣрѣ, во второмъ же, благодаря исправленію Шпревича, вовсе не подходитъ къ мелодіи. Подобныхъ исправленій у Шпревича найдется не мало, не говоря уже о замѣнѣ одной ноты другою, казавшейся его слуху болѣе правильной; иногда нивъ выставлялись діезы и бемоли, которыхъ въ рукописи очевидно не существовало (ср. изд. Балайдовича былину подъ цифрой XLV и новое изданіе стр. 147, изд. Балайдовича XLVIII и новое изданіе стр. 157, въ обѣихъ былинахъ исправлено соль $\frac{1}{2}$ на соль $\frac{3}{4}$? Несмотря на упреки Шпревича, собирателю пѣсенъ въ «азбучныхъ ошибкахъ», надо удивляться, какъ могъ собиратель сохранить въ нотахъ столько особенностей народнаго свѣда, чуждыхъ образованному музыканту того времени и часто, подобно Шпревичу, впадшихъ въ ошибки при редактированіи или записываніи народной музыки. Въ новомъ изданіи (Имп. пуб. библіотеки) ноты автографически воспроизведены съ рукописи. Ноты послѣдней, конечно, не лишены случайныхъ ошибокъ ¹⁾, вкравшихся, какъ намъ кажется, во время переписки рукописи съ другого экземпляра или оригинала, и въ этомъ отношеніи разсматриваемое изданіе можетъ служить только ограниченному числу читателей, для которыхъ и является давно желательнымъ, такъ что, можно надѣяться, ближайшее знакомство съ этимъ сборникомъ разсѣетъ въ существовавшія сомнѣнія относительно принадлежности мелодій къ ихъ текстамъ, и мелодіи присоединятся къ матеріаламъ по изученію народнаго музыкальнаго творчества.

А. Маслово.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и акад. В. И. Ламанскаго. Томъ шестой. Среднее и нижнее поволжье и заволжье. Съ 98 полититаж., 35 диаграмм., картограмм., профил., 1 большой и 10 мал. картами. СПб. 1901. Изданіе А. В. Девриена. 8°. VII+599 стр. Цѣна въ мягкой папѣ 2.75.

¹⁾ Именно мы не соглашаемся съ г. редакторомъ новаго изданія, который приписывалъ эти ошибки исключительно незнакомству переписчиковъ съ нотнымъ письмомъ.

Раньше этого шестого тома въ 1899 г. вышелъ томъ 1-й, посвященный московской промышленной области и верхнему поволжью, и въ 1900 г. томъ 3-й, содержаніе котораго составляетъ озерная область. Всего же предполагается выпустить 20 томовъ.

Нельзя не привѣтствовать этого полезнаго изданія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, какъ справедливо указано въ предисловіи ко всему изданію (т. I), «за послѣднее сороколѣтіе XIX вѣка всестороннее географическое изученіе Россіи сдѣлало исполненіе успѣхи, благодаря неустаннымъ, упорнымъ трудамъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ, правительственныхъ и общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ; но все это разбросано въ малодоступныхъ изданіяхъ, не сведено въ «общую картину». Изданіе же «Россіи» именно въ этому сведенію многого въ одно цѣлое и стремится. Во-вторыхъ, «Живописная Россія», издававшаяся тов-вомъ М. О. Вольфъ подъ ред. П. П. Семенова, хотя и стремилась къ той же цѣли, но не достигла ея по многимъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что издатель послѣ 1885 г. сталъ выпускать томы безъ вѣдома редакціи. Такимъ образомъ, у насъ до выхода «Россіи» не было ни одного подобнаго труда, солидно поставленнаго и доведеннаго до конца. Наконецъ, пробужденіе въ русскомъ обществѣ интереса къ отечественнѣйшю, который выразился за послѣднее время и въ путешествующей, и въ читающей публикѣ, и даже въ учащейся молодежи,—идеть какъ нельзя лучше навстрѣчу такому изданію.

Разсматриваемый шестой томъ, какъ и другіе два, распадается на три отдѣла: 1) природа, 2) населеніе и 3) замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности.

Остановимся на отдѣлѣ о населеніи. Четыре главы этого отдѣла принадлежать труду одного и того же автора *И. Н. Сырнева*, равно какъ ему же принадлежитъ и весь третій отдѣлъ, что въ общемъ составляетъ 438 большихъ страницъ убористаго текста. Думается, что на такомъ широкопрограммномъ изданіи, какъ «Россія», и въ такомъ обиліи коллектированія разнообразныхъ фактовъ это одиночное авторство не могло не отразиться неблагоприятно. Глава 4-я (первая въ отдѣлѣ о населеніи) говоритъ объ «историческихъ удѣлахъ средняго и низянаго поволжья и о культурныхъ ея (?) успѣхахъ». Начинается прямо съ остатковъ каменнаго вѣка, при чемъ не указывается, гдѣ въ предыдущемъ отдѣлѣ («Природа») искать связи между геологическимъ строеніемъ описываемаго края, растительнымъ и животнымъ его міромъ, съ одной стороны, и поселеніями первобытнаго человѣка, съ другой. Не видно, чтобы авторъ въ данномъ, по крайней мѣрѣ, мѣстѣ имѣлъ въ виду «общую картину, строго приуроченную къ той или другой части нашего обширнаго отечества», какъ это было сказано въ предисловіи ко всему изданію. Мало того, доисторическій періодъ въ описываемомъ краѣ авторъ характеризуетъ (точнѣе—на него намекаетъ) только одними остатками каменнаго вѣка. Но ни одного даже намека авторъ не дѣлаетъ на то, что доисторическую жизнь сѣв.-восточной Россіи можетъ иллюстрировать и антропология. Эта наука не упоминается даже въ «указателѣ главнѣйшихъ источ-

ниговъ». Антропология, если и бессильна еще установить доисторическія расы, то все же даетъ неоспоримый матеріалъ для характеристики формъ черепа, роста, даже цвѣта волосъ (срв. послѣднія работы проф. П. А. Минакова). Всѣ эти факты, особенно въ «общей картинѣ обширнаго общества», очень существенны.

Наконецъ, для характеристики доисторическаго расселенія челоуѣка пользуются лингвистическими данными. Правда, въ наукѣ это факты принято относить къ такъ называемой исторической этнографіи; но, въ сущности, этотъ терминъ есть простой противовѣсъ термину доисторическая этнографія, къ которой и относится антропология. Между тѣмъ, авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что можно встрѣтить, напр., у П. Н. Миллюкова въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» ч. I, о древнѣйшихъ передвиженіяхъ народовъ на пространствахъ Россіи, основываясь на языкѣ. Наконецъ, пусть эти свѣдѣнія будутъ отнесены даже къ исторической эпохѣ. У автора и при описаніи области «въ историческія времена» отсутствуютъ эти цѣнныя и въ высшей степени интересныя этнографическія факты, которымъ солидные лингвисты посвятили столько упорнаго и остроумнаго труда. Въ указателѣ источниковъ этого тома нѣтъ ни одной солидной лингвистической работы, имѣющей отношеніе къ описываемой области. Въ указателѣ I-го тома есть кое-какія; но не видно, чтобы авторъ ими пользовался. Между тѣмъ, характеризуя историческія времена, авторъ вводитъ для данной области народности, въ сужденія о которыхъ безъ лингвистич. литературы обойтись не возможно: скивоуъ, сарматовъ, гунновъ, болгаръ («въ V вѣкѣ»), аваръ, хазаръ, русовъ, печенѣговъ, половцевъ; далѣе переходить къ концу X-го вѣка и «развитію» Болгарскаго царства; вслѣдъ за болгарами рѣчь идетъ о татарскомъ нашествіи, казанскомъ царствѣ, астраханскомъ царствѣ и далѣе о русской колонизаціи, просвѣщеніи и обрусѣніи края.

Спрашивается: если рисуются «историческія судьбы» края, то правильно ли игнорировать вопросъ объ исторіи появленія въ край такихъ племенъ, какъ мордва, ч-ремисы, чуваша, башкиры и вотяки. Если исторія эта и темна, то все же она можетъ быть освѣщена не только извѣстіями историковъ, къ которымъ авторъ, какъ видно имѣетъ большое пристрастіе, но и трудами антропологовъ, лингвистовъ, этнографовъ. Для поясненія укажемъ нѣсколько примѣровъ. Говоря о скивоухъ, авторъ ограничивается тѣмъ указаніемъ, что за два вѣка до Р. Х. они подпали «подъ власть сарматовъ, пришедшихъ изъ Азіи». Ни слова объ арийскомъ происхожденіи сарматовъ и о прямомъ родствѣ ихъ съ осетинами. Конечно объ этомъ, вѣроятно, будетъ рѣчь при описаніи осетинъ; но тамъ подробно, а здѣсь для связи, для цѣпи отдѣльныхъ частей «общей картины» необходимо сказать хоть нѣсколько словъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что авторъ здѣсь же упоминаетъ о передвиженіи «разныхъ кочевыхъ народовъ», какъ будто бы только для того, чтобы отмѣтить «первую волну» этого передвиженія—«гунновъ», а затѣмъ сразу остановиться на «болгарахъ». Между тѣмъ, полезно было бы обратиться къ авторитетнымъ «Осетинскимъ этюдамъ» Всев. Миллера (ч. III. М. 1887.), гдѣ

та же лингвистика, которую авторъ игнорируетъ, вмѣстѣ съ историческими извѣстiями и топографическими названiями, весьма правдоподобно изображаютъ доисторическія и историческія отношенія сарматовъ-осетинъ къ Средней Азiи, приволжскими степями и Кавказу. Однимъ словомъ, ни ученый человѣкъ не останется доволенъ приводимыми у автора свѣдѣніями о движеніи сарматовъ, ни учашійся человѣкъ, ни туристъ. Последний, и. б., только что былъ на Волгѣ и пріѣхалъ на Кавказъ, только что читалъ непонятное о сарматахъ и находится среди осетинъ, но эти осетины чужды его пониманію, чужда и ихъ связь съ поволжьемъ.

Для другого примѣра возьмемъ мордву, о которой авторъ въ этой главѣ ничего почти не говоритъ. Можно подумать, что «историческими судьбами» они не подвластны. Вскользь въ одномъ мѣстѣ (X вѣкъ) сказано «при помощи бартисовъ (мордвы) ... Приходится обратиться къ специальному очерку «мордвы» въ V-ой главѣ. Но и здѣсь изъ историческаго прошлаго мордвы указывается только пространство, которое они занимали между Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши, да о дѣленіи ея на двѣ группы: эрзю и мокшу; говорится это въ видѣ ссылки на I-ый томъ «Россiи». Въ первомъ же томѣ говорится о поглощеніи чуди, веси, мери, муромы и мещеры славянами и о томъ, что «только благодаря особымъ историческимъ условіямъ» финское племя сохранилось въ ю.-в. части московской промышленной области «въ видѣ мордвы», въ с.-в. заволжѣ въ видѣ черемисовъ и въ с.-западной въ видѣ кареловъ. Немного ниже «опредѣляется исконная мордовская земля» въ теперешней Нижегород. губ. къ югу отъ Оки и Волги. Исторія ея и здѣсь глуха: она «сначала» подчинялась Болгарскому княжеству, а потомъ татарамъ. Безъ сомнѣнiя, эти два тома, I и VI, должны исчерпать собой все, что слѣдовало бы сказать о мордвѣ. Авторъ, игнорирующій лингвистику, не даетъ свѣдѣній о томъ, что раньше славянъ сосѣдями финновъ были германцы и литовцы. Въ первомъ томѣ въ очеркѣ Достоевскаго и Адрианова со страхомъ говорится о «неясныхъ свидѣтельствахъ Геродота о какихъ-то полумифическихъ андрофатахъ и меланхленахъ, населявшихъ сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней Россiи»,—съ догадкой, что это «повидимому, были племена финскія», и сейчасъ же авторы торопятся перейти къ свидѣтельству Нестора (исключительное пристрастіе къ исторiи замѣчается и у нихъ). Лингвистика устанавливаетъ сосѣдскія отношенія финновъ съ германцами и литовцами около времени Р. X. «Западные финны», говоритъ П. Н. Милюковъ, «тогда только что стали отдѣляться отъ восточныхъ (мордвы). Литовское вліяніе тѣ и другіе испытали (по новѣйшему мнѣнію Томсена) еще въ то время, какъ жили вмѣстѣ; на восточныхъ финнахъ это восточное вліяніе сохранялось еще и послѣ раздѣленiя. Наоборотъ, западные финны уже одни, отдѣльно отъ восточныхъ, пережили вліяніе германцевъ (именно готовъ)». (Очерки. I. стр. 39). Далѣе, у г. Милюкова, по Веске, излагается распространеніе финновъ «съ сѣверо-востока Россiи далеко на юго-западъ»; въ связи съ этимъ рѣчь идетъ и о болѣе восточныхъ, тѣмъ теперъ, поселенiяхъ литовцевъ («голядь»), граничавшихъ съ финнами по верховьямъ Днѣпра или Оки. Если здѣсь даже серіозная

наука и не сказала еще послѣдняго слова, то все же то, что сказано, представляется разумнымъ, вѣроятнымъ, дающимъ «общую картину». Наоборотъ, у всѣхъ трехъ авторовъ «Россіи» о мордвѣ и вообще о финнахъ говорится такъ, что не понимаешь ни исторіи этихъ племенъ, ни общаго ихъ другъ къ другу и къ сосѣдямъ отношенія. О «голяди», напр. въ 1-омъ томѣ (72) говорится, какъ объ оторванномъ клочкѣ литовскаго племени, жившемъ въ предѣлахъ нынѣшней Балуж. и Моск. губ., но на этотъ фактъ не пролито ни единого луча свѣта.

Тоже, что о мордвѣ, можно было бы сказать о черемисахъ, чувашахъ и др. народностяхъ. «Историческія судьбы» ихъ темны въ «Россіи», потому, д. б., что мало о нихъ писалъ Несторъ.

Глава 5-я (2-я въ отдѣлѣ о населеніи) заключаетъ въ себѣ: — «Распределеніе населенія средняго и нижняго повожья по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культуру».

Хотя и не въ порядкѣ это здѣсь, но остановимся прежде на этнографическомъ составѣ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣніями изъ этой главы мы пользовались уже и выше.

Особенную небрежность авторъ проявляетъ къ великороссамъ.

Говоря очень туманно о колонизаціи повожья и заволжья, авторъ какъ бы не видитъ ни ясныхъ опредѣленныхъ историческихъ событій, ни того пространства, на которомъ они происходили. Манера отсылать къ другому тому (стр. 153) здѣсь неумѣстна, такъ какъ описываемая область имѣла и свою исторію, и свое великорусское населеніе.

Послѣ такихъ неопредѣленныхъ свѣдѣній о великороссахъ въ повожьи менѣе всего естественно переходить къ указанію на особый типъ мѣстнаго великоросса. Нельзя же видѣть этому доказательство въ голословномъ указаніи на «сосѣдство съ финско-тюркскими племенами» или на «видоизмѣненіе славяно-финской основы новымъ притокомъ инородческой стихіи». И ученые и учащійся одинаково будутъ желать болѣе точныхъ указаній. Названія урочищъ свидѣтельствуютъ о населеніи, говорившемъ на языкѣ этихъ названій, это правда; но они вовсе могутъ не свидѣтельствовать о скрещиваніи (этими данными напр. г. Милюковъ пользуется успешно, но совсѣмъ для другихъ цѣлей). Данныя о ростѣ великороссовъ приведены тоже неубѣдительно.

Далѣе авторъ «обходитъ описаніе в.-р. племени въ бытовомъ отношеніи, отсылая читателя къ 1-му тому. Интересно, какъ эту не только «настоящую» книгу, но и «дорожную» брать въ дорогу? Ыдешь на Волгу, забирай съ собой всѣ 20 томовъ! Вѣдь любой русскій районъ есть живой этнографическій музей; стало быть, онъ все найдетъ; стало быть, безъ какого-либо тома «Россіи» въ дорогѣ не обойдешься.

Но... самъ авторъ дѣлаетъ себѣ плохую услугу, отсылая читателя къ 1-му тому. Тамъ великорусскъ «здѣшній», Московскаго района: «типъ», культура, говоръ,—все это описано по Московской области. Для той же области описано жилище, одежда, семейный бытъ (впрочемъ, свадебные и другіе обряды описаны, какъ видно, по Еомненку и другимъ авторамъ,

не имѣвшимъ въ виду Московской области), народныя вѣрованія и даже въ частности расколъ—все это не для всей Россіи.

М. б., авторъ не видитъ разницы между бытомъ московскаго крестьянина и средне-или ниже-поволжскаго, тогда онъ глубоко ошибается.

Волга, особенно средняя и нижняя, имѣетъ свою фizioномію, которой нѣтъ ни въ очеркѣ о великоруссахъ, ни во всемъ VI-омъ томѣ «Россіи». Пусть эта фizioномія будетъ пестра, молода, оригинальна, но она есть, и человѣку, посвятившему себя ея изученію, непростительно скрывать ее отъ читателя.

Не въ ущербъ I-му тому, авторъ могъ бы дать характеристику средне-и ниже-поволжскаго великоруса: его сравнительная осѣдлость или подвижность, его устойчивыя или колеблющіяся мировоззрѣнія (религозныя, нравственныя и т. д.), его прочную или распатавшуюся семейную среду, его общественныя устои, наконецъ оригинальности его говора, остроумія, душевнаго настроенія, его вѣщную бытовую обстановку и т. п.—Все это, безъ сомнѣнія, много, чѣмъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Пешехонскомъ или даже Нижегородскомъ.

Малорусы вышли въ этомъ очеркѣ еще блѣднѣе великоруссовъ. «Живущіе отдѣльно сохраняютъ свой бытъ и языкъ, а поселившіеся вмѣстѣ съ великоруссами замѣтно теряютъ свои типичныя отличія». Вотъ и все, что о нихъ узнаешь здѣсь. Ужъ несомнѣнно это теперь не тѣ малороссы, что подъ Полтавой. Поэтому ограничиться такими голословными указаніями большая ошибка.

Нѣмцамъ и колонистамъ тоже не повезло. Мотивы «извѣстныхъ» манифестовъ имп. Екатерины II не указываются. Учащемуся, дорожному человѣку они не всегда извѣстны; да, наконецъ, «настоящая» книга не должна полагаться на память и знанія читателя.

О сваялбѣ великоруссовъ авторъ въ I-мъ томѣ расписался, точно въ этнографич. журналѣ, а здѣсь въ VI-омъ, о сектѣ герягутеровъ, менонитовъ, штундистовъ не распространился ни на полъ-слова. Впрочемъ, можетъ быть, это и лучше. По тону видно, что авторъ не обладалъ научной безпристрастностью, такъ какъ въ бытѣ колонистовъ онъ видитъ «какъ бы государство въ государствѣ», «самодовлѣбующій міръ». Безъ объясненій такихъ характеристикъ оставлять нельзя, а авторъ именно такъ и поступалъ: объяснивъ отличія селеній, построекъ, одежды, не объясняетъ, почему нѣмцы болѣе столѣтія прожили и не соприкоснулись (?) съ жизнью русскаго народа.

Здѣсь вообще надо сказать, что, описывая многія народности, авторъ не могъ быть специалистомъ по всѣмъ, а можетъ быть, даже и ни по одной. Стало быть, важно читателю знать, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, а гдѣ по источнику и по какому именно. Указанные въ концѣ книги источники не объясняютъ этого вопроса.

Черемисы будутъ описаны въ V томѣ, хотя въ данной области ихъ свыше 100.000 душъ. Мещерякамъ почти не удѣлено никакого вниманія: ихъ не болѣе 10.000 душъ; они вполнѣ обрусѣли—вотъ и все. Обрусѣніе—спасительная пристань для изслѣдователя.

Киргизы будутъ описаны въ XVIII томѣ.

Татары, чувашы, мордва и калмыки описаны подробно.

Персы будутъ описаны въ XV томѣ.

Мы опустили было разсмотрѣніе начала этой главы—распределеніе населенія по территоріи. Здѣсь много интересныхъ сырыхъ данныхъ, но тоже нѣтъ общей картины. Здѣсь не видно ни руководящихъ принциповъ, ни связи съ другими главами тома, ни даже полноты свѣдѣній; напр., распределеніе по вѣр-исповѣданіямъ отмѣчаетъ 2,3% раскольничью, а % поповщинцевъ и безпоповщинцевъ и вообще самые толки обихъ направлений не опредѣлены количественно.

Не будемъ останавливаться на VI главѣ («промыслы и занятія»), ни на VII (пути сообщенія). Здѣсь много интересныхъ фактовъ, но они теряютъ цѣнность, разъ не осмыслена связь ихъ съ населеніемъ. Здѣсь, напр., указано распределеніе поземельной собственности, но нѣтъ историческихъ данныхъ о землевладѣніи въ Поволжьѣ. «Крестыанскіи общества», «калмыки и киргизы», «частные собственники», «казна съ удѣломъ» владѣютъ здѣсь землей, но на какихъ основаніяхъ, для этого нѣтъ свѣдѣній. Здѣсь указаны различные виды промышленнаго труда и почти ничего объ исторіи и причинахъ ихъ возникновенія. Вообще все это въ полнѣмъ смыслѣ сырой матеріалъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ, когда выйдетъ послѣдній томъ изданія «Россія», потеряетъ свое руководящее значеніе.

Послѣдній отдѣлъ тома—«Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности»—могъ бы представить большой интересъ, если бы былъ составленъ интересно. Ужъ и говорить нечего, что здѣсь читатель не найдетъ никакого намека на знаменитыя изданія Бедекера. Маршруты хаотичны. Общая карта жалка. Частныя карты нѣтъ. Долженъ, конечно, самый принципъ «замѣчательности» мѣстъ. Больше половины приводимыхъ мѣстъ въ сущности ничѣмъ не замѣчательно. Но они интересны и даже важны въ общей картинѣ поселеній. Между тѣмъ авторъ во что бы то ни стало рѣшилъ звести все дѣло именно къ «замѣчательности», разумѣя подъ этимъ нерѣдко всякій историческій балластъ, наличность той или другой цѣферы отправляемаго груза, иногда фамилію владѣльца и т. п.; есть, конечно, заслуживающія вниманія свѣдѣнія. Но нѣтъ: во 1-хъ, свѣдѣній, необходимыхъ для туриста (гостиницы, постоянныя дворы, почтовые станціи, условія передвиженія и т. п.), во 2-хъ, свѣдѣній, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи: составъ населенія, типичныя или выдающіяся черты въ образѣ жизни, занятій, языка, костюма и т. п., въ 3-хъ, отношенія того или другого поселенія къ научной литературѣ, популярнымъ очеркамъ, беллетристичѣ и т. п. Короче говоря, не видно, чтобы авторъ объѣздивъ самъ описанный имъ районъ (да это для одного и невозможно), изучая его на мѣстѣ, примѣняя къ нему и существующую литературу. Такъ поступала за границей сотрудница Бедекера.

Надо еще сказать, что очень многое желательно въ отношеніи рисунковъ. Во-первыхъ ихъ мало. Для очень многихъ описанныхъ уѣздныхъ городовъ не имѣется видовъ. Во-вторыхъ, среди нихъ очень мало типовъ населе-

нія; бытовыхъ сценъ, бытовой обстановки. Въ-третьихъ, такіе, какъ видъ Царицына, Самары, Симбирска и др., не дають представленія объ этихъ городахъ. Для этого нужно имѣть своихъ специалистовъ фотографовъ, дѣлающихъ снимки для опредѣленной намѣченной цѣли.

Въ результатѣ получается, что страна, на которую привыкли смотрѣть съ особымъ интересомъ, остается и послѣ прочтенія VI-го тома «Россія» въ неясномъ, по преимуществу историческомъ туманѣ, при чемъ этотъ туманъ какъ бы не разсыялся и донынѣ. Этотъ туманъ—здѣсь цѣлая стихія, и сладить съ нимъ одному человѣку никогда не будетъ по силамъ. Вотъ почему, выставляя многіе недостатки разбираемыхъ очерковъ въ VI-мъ томѣ, мы ни однимъ словомъ не думали умалить личныя заслуги г-на Сырнева. Наша цѣль была—указать, что большого, многосложнаго дѣла не слѣдуетъ взымать на слабыя плечи одного.

Пожелаемъ же почтенной редакціи не послужить на средства, пригласить (какъ это сдѣлала, напр., редакція Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфронъ) достаточное число солидныхъ сотрудниковъ, командировать многихъ для спеціальнаго изслѣдованія на мѣстѣ, иллюстрировать посущественнѣе свое изданіе картами и фотографіями и весь матеріалъ для описанія «нашего обширнаго отечества» представить дѣйствительно въ интересной «общей картинѣ».

Вл. Б.

A. Dreselly. *Grabschriften, Martel-Bildstöcke-u. Todtenbrett-Verse, dann Hausinschriften, Wohn-und Trinkstuben-Reime, Geräthe-Inschriften u. a. 2-e vollständig umgearbeitete, stark vermehrte u. verbesserte Auflage. Salzburg.*

Передъ нами оригинальнымъ форматомъ изданная небольшая книжка, вмѣщающая въ себѣ, однако, обильный и интересный матеріалъ. Авторъ ея въ теченіе 25-ти лѣтъ записывалъ и собиралъ (отчасти съ помощью лицъ, которыхъ сумѣлъ заинтересовать своими предметомъ) надписи на могильныхъ памятникахъ, крестахъ и образахъ при дорогахъ, похоронныхъ доскахъ, утвари и т. п. Какъ ни незначительны на первый взглядъ кажутся эти небольшія произведенія творчества, ими невозможно пренебрегать—тѣмъ болѣе, что они съ каждымъ годомъ быстро исчезаютъ. Старинные дешевые кресты, замѣчаетъ авторъ, замѣняются новыми или убираются съ кладбищъ; наивныя надписи на старинныхъ могилахъ стираются; новые дома рѣдко стали расписывать, а старыя надписи и рисунки на нихъ зачастую замазываютъ теперь клеевой краской. Исчезаютъ постепенно т. наз. Marteln и Todtenbretter. Во многихъ мѣстахъ Австріи нерѣдко увидишь при дорогѣ столбъ съ образомъ или небольшою картинкой, на которой изображено какое-нибудь несчастное происшествіе: утонувшій человѣкъ, наприимѣръ, и надъ нимъ плачущіе близкіе, умершій отъ неудачнаго выстрѣла и т. п. Такіе столбы называются Marteln; они ставятся на мѣстѣ происшествія, снабжены надписью, заключающей въ себѣ имя и возрастъ скончавшагося или пострадавшаго, просьбу помолиться за него и изреченіе. Martel называется также дощечка съ над-

писью, повѣшенная въ воспоминаніе о какомъ-нибудь несчастномъ событіи на скалу, дерево, заборъ и т. п. Этотъ обычай соблюдается въ Австріи не только нѣмецкимъ населеніемъ, но и славянскимъ, напр. въ Крайнѣ. Изображенія на нихъ даютъ иногда интересный матеріалъ для исторіи костюма. Въ память избавленія отъ опасности и несчастія ставятся также небольшіе памятники при дорогахъ, т. наз. Bildstöcke. Въ Баваріи, Зальцбургѣ, Богеміи, Штиріи, Каринтіи и др. мѣстностяхъ Австріи, также и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи можно отмѣчать слѣдующій въ высшей степени интересный обычай. Покойника до погребенія кладутъ на простую доску, а послѣ похоронъ эту доску расписываютъ изображениями Малолы, святыхъ, различныхъ эмблематическихъ предметовъ; на ней пишутъ имя покойника и какое-нибудь изреченіе—а затѣмъ ставятъ ее гдѣ-нибудь при дорогѣ, чаще всего при дорогѣ, ведущей къ церкви или капеллѣ. Иногда такую доску кладутъ въ качествѣ мостика надъ ручейкомъ и т. п. Проходящій мимо и наступавшій ногой на доску поминаетъ въ молитвѣ умершаго. Интересенъ также существующій въ Штиріи, Каринтіи и Зальцбургѣ обычай расписывать черепа умершихъ родственниковъ. Каждые 8—10 лѣтъ за недостаткомъ свободной земли въ кладбищѣ приходится вырывать покойниковъ. Тогда родные берутъ кости и относятъ ихъ въ особые для сохраненія костей сооруженныя зданія. Черепа же очень часто расписываютъ; за это, какъ и за расписыванье похоронныхъ досокъ, берется чаще всего деревенскій столяръ. На черепѣ ставятся инициалы или полное имя покойнаго (иногда окруженное вѣнкомъ), годъ его смерти, эмблематическія изображенія (песочные часы, черепъ, обвитый змѣей, надломленная свѣча и т. п.) и пишутся изреченія. Замѣтимъ попутно, что существуетъ слѣдующее суевѣріе. Иногда на черепѣ пишутъ цифры до 90. Такой черепъ съ цифрами приносятъ тайкомъ въ церковь и во все время обѣдни не сводя глазъ смотрятъ на него; тогда будто бы исчезнуть изъ глазъ всѣ числа до одного—и оно то и обозначаетъ счастливый лотерейный номеръ. Подобный черепъ съ номерами изъ Каринтіи хранится въ Вѣнскомъ Museum für oesterreichische Volkskunde.

Западно-европейскіе этнографы не оставили безъ вниманія, особенно за послѣднія десятилѣтія, собраніе такого рода надписей и изреченій—стоитъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянуть на библиографическій списокъ, приложенный къ книгѣ г. Dreselly. Замѣтимъ, что библиографическія указанія можно найти также въ статьѣ Hein-a, Die geographische Verbreitung der Todtenbretter въ Mitth. d. Anthrop. Ges. in Wien, XXIV, стр. 56. Т. Dreselly отмѣчаетъ, что нельзя считать эти изреченія и надписи за произведенія чисто народнаго творчества: сочиняли ихъ, конечно, грамотеи изъ деревни, по большей части учителя и пасторы; часть ихъ, какъ могъ возстановить авторъ сборника, взята изъ сборниковъ изреченій, сентенцій, эпиграфовъ и т. п. XVI и XVII столѣтія, доступныхъ въ свое время лишь образованнымъ классамъ населенія; можно назвать также авторовъ того или другаго изреченія (писатели XVI, XVII и XVIII ст.). Но съ другой стороны нельзя отрицать, что въ нихъ ярко

проявляется народный дух: народная мудрость и житейский опыт, религиозное настроеніе и народный юмор нашли себѣ отраженіе въ этихъ немногословныхъ надписяхъ. Авторомъ собраны 1247 надписей изъ различныхъ мѣстностей Германіи, Австріи, также и Швейцаріи. Въ своемъ предисловіи, обращаясь съ просьбой прислать ему собранныя надписи (своего адреса авторъ не приложилъ) на нѣмецкомъ языкѣ, г. Dreselly справедливо замѣчаетъ, что при этомъ желательно было бы: 1) выставлять годъ надписи 2) сохранять подлинную орфографію ея, и 3) прилагать описаніе самаго памятника или еще лучше снимокъ съ него. Эти требованія (по крайней мѣрѣ два первыхъ), по нашему мнѣнію, необходимо исполнять при составленіи подобныхъ сборниковъ. Удивительно только, что самъ авторъ не исполнилъ ихъ. Годъ подписанъ подъ немногими лишь изреченіями; орфографія приведена также сравнительно рѣдко. Указаніе на мѣсто—коротко и неудовлетворительно. Мало написать названіе города или мѣстечка, гдѣ записано то или другое изреченіе; слѣдовало бы, напримѣръ, приведя надгробную надпись, выставить, кому принадлежалъ могильный памятникъ (общественное положеніе покойнаго), кратко описать видѣнность памятника, указать точнѣе кладбище и т. д. Записывая изреченіе на какомъ нибудь предметѣ (бочкѣ, ножѣ, печномъ кафелѣ, часахъ и т. п.), слѣдовало бы не только отмѣчать, на какомъ именно предметѣ стояло изреченіе, какъ дѣлаетъ это г. Dreselly; интересно было бы опредѣлять, хотя бы приблизительно, въ какомъ времени можетъ быть отнесенъ предметъ, въ какомъ мѣстѣ онъ изготовленъ (особенно интересно относительно кустарной работы), гдѣ приобрѣтенъ и въ чемъ владѣніи онъ въ настоящее время находится. Краткое описаніе предмета было бы тоже небезполезно. Всѣ эти условія лишь рѣдко соблюдены г. Dreselly, и это обезцѣвливаетъ сборникъ. Чувствуется, что авторъ владѣлъ болѣе цѣннымъ матеріаломъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ подѣлился съ читателями. Замѣтимъ также, что интересъ представляли бы также надписи на пасхальныхъ яйцахъ,—т. наз. писанкахъ. Писанки дарятся въ разныхъ мѣстностяхъ Австріи дѣвушками тѣмъ парнямъ, съ которыми онѣ въ теченіе зимы много танцовали (съ аналогичнымъ явленіемъ встрѣчаемся въ Пудожск. у., Олонецк. губ., напр.); писанки же отсылаются роднымъ, живущимъ на сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Моравіи можно встрѣтить лицъ, сдѣлавшихъ себѣ специальное занятіе изъ раскрашиванья яицъ. Такіе специалисты въ Пасхѣ изготовляютъ до тысячи яицъ и больше; важно считается умѣло подобрать подходящій стихъ или изреченіе на предназначенную въ подарокъ писанку.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы многочисленные русскіе собиратели этнографическихъ матеріаловъ обратили вниманіе на записыванье подобныхъ надписей и изреченій. Богатый матеріалъ могли бы дать наши городскія и сельскія кладбища: надписи на обѣтныхъ крестахъ и образахъ при дорогахъ, предметахъ домашняго обихода (старинныхъ и обрабатываемыхъ теперь въ крестьянскомъ хозяйствѣ): ларяхъ, шкафахъ, кроватяхъ, солонкахъ, блюдахъ, дугахъ, на утвари, колокольцахъ подъ дугами, на старинныхъ и современныхъ рушникахъ (часто при

этомъ выставленъ и годъ на полотенцѣ), на тканыхъ раскольничьихъ поясахъ, писанныхъ отъ руки вѣнчикахъ и т. д. и т. д. Было бы также интересно прослѣдить вліяніе письменности и литературы на эти мелкія произведенія—все же, скажемъ, народного творчества, т. к. они, обращаясь въ народѣ, выражаютъ его вкусы и міросозерцаніе.

В. Х.—на.

Зобнинъ, Ф. *Къ вопросу о невольникахъ, рабахъ и тюленютахъ въ киргизской степи.* (Пам. кн. Семицалат. обл. на 1902 г.) 8°. стр. 1—99.

Тяжело сложились условія существованія для рабовъ Дагестана (см. статью г. Гидулянова въ „Этн. Обзор“); не легче они были въ свое время и для рабовъ киргизской степи. Слѣды этого не исчезли и сейчасъ, въ особенности въ отношеніяхъ киргизскихъ богачей къ бѣднякамъ. „Положеніе киргизовъ, не имѣющихъ собственныхъ ни скотоводства, ни земледѣлія, близко къ положенію въ крѣпостномъ состояніи“... (98 стр.). Фактъ этотъ, важный въ общественно-правовомъ отношеніи, не лишень глубокаго этнографическаго смысла.

По архивнымъ дѣламъ бывшаго Каркалинскаго окружнаго приказа, такого же Аягузскаго областного правленія сибирскихъ киргизовъ и др., авторъ рисуетъ исторію долгой борьбы невольныхъ людей съ богатой и сильной знатью Киргизской степи.

На языкѣ правительства XVIII и XIX вв. всѣ киргизскіе рабы были „невольниками“, хотя такими слѣдовало бы назвать только людей, захваченныхъ въ плѣнъ и содержимыхъ подъ надзоромъ. Въ 18-мъ столѣтіи это были по преимуществу калмыки и башкиры. Само русское правительство, въ своихъ интересахъ, поддерживало эту исконную борьбу заволжскихъ и зауральскихъ инородцевъ. (Припомнимъ знаменитую неудавшуюся попытку калмыковъ перекочевать въ Китай).

Киргизское рабство росло. Отъ избытка плѣнныхъ тюленгутовъ¹⁾ и безконтрольнаго торжества грубой силы развелась торговля невольниками. Къ тому же Высочайшая грамота 5 сентября 1755 года, жалова киргизъ-кайсацкому народу „женъ, дѣтей, скоть и все имущество бѣглыхъ башкиръ“, впервые узаконила самый фактъ рабства. Злоупотребленія со стороны киргизовъ дошли до того, рабовладѣльческія вождѣнія такъ привилась киргизамъ, что какъ ни старалось русское правительство уже 20-хъ годовъ XIX вѣка ограничить рабство, особенно торговлю дѣтьми, старанія эти долго были бессильны и безплодны. Приобрѣтеніе плѣнниковъ путемъ обмѣна на товары, простой купли и т. д. опиралось на обычно-правовыя воззрѣнія киргизовъ и долго не могло быть поколеблено русскимъ „закономъ“.

Уставъ о сибирскихъ киргизахъ 22 іюля 1822 г. внесъ нѣкоторую новую административную организацію въ степь (аулы, волость, округъ;

¹⁾ Авторъ придерживается этого термина, по примѣру Н. А. Аристова, киргизскаго тюленгута, а не „теленгетъ“ и не „теленгутъ“, „теленгатъ“.

старшій султанъ), установилъ наследственное рабовладѣніе, но запретилъ вновь приобрѣтать въ рабство природныхъ киргизовъ.

Стали вести „спискїи“ невольниковъ, а рабовладѣльцы тянутъ длинную, часто ложную нить наследственного владѣнія. Султаны, имѣя большую власть, стали приписывать въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія природныхъ свободныхъ киргизовъ себѣ въ рабы.

Здѣсь мы наталкиваемся на темную страницу киргизской этнографіи, которая не выяснена достаточно убѣдительно и у автора—это о тюленгутахъ.

Говоря, что уставъ 1822 г. выраженіемъ „невольники“ имѣлъ въ виду киргизскихъ „рабовъ“ („кулъ“—мужчины, „кунъ“—женщины), авторъ говоритъ что „тюленгуты“ къ этому времени оказались для русской администраціи „непредвидѣннымъ явленіемъ“ (стр. 26). Выше (4 стр.) „пѣлиныхъ теленгутовъ“ онъ видитъ въ захваченныхъ киргизами алтайцахъ (1757 г.). Въ 22 году отмѣчены группы: султанъ, народъ и невольники; но не отмѣчены тюленгуты (стр. 26), наоборотъ, „есть основаніе“, говоритъ авторъ: „думать, что тюленгуты сами приобрѣтали невольниковъ. Выяснилъ все это авторъ такъ: тюленгутъ—названіе не киргизское, а калмыцкое (въ этомъ оно расходится съ самими киргизами, а также съ г. Калачевымъ—„Жив. Стар.“ 1896, III—IV); слово это первоначально могло означать пѣлинаго алтайскаго калмыка, по оно не было синонимомъ „кулъ“ (рабъ); наоборотъ, словомъ „тюленгутъ“ отличался пѣлиный калмыкъ отъ другихъ рабовъ.

Разсмотрѣвъ разные взгляды разныхъ авторовъ на общественно-правовое положеніе тюленгутовъ (Аристова, Левшина, Мейера, Загряжскаго, Ханькова, Небольсина, Терещенка, Красовскаго, Браста, Харузина), а также имѣя въ виду свидѣтельства, по которымъ тюленгуты являются «родомъ», авторъ заключаетъ, что это не просто рабы, а люди «добровольно-подчиненные султану» (33 стр.); кромѣ того, авторъ приводитъ отвѣты самихъ киргизовъ, данные ими подъ присягою въ 1833 г. на предложенный имъ русской администраціей вопросъ о значеніи невольниковъ и тюленгутовъ. Приведемъ одно изъ этихъ показаній:

«Тюленгуты приобрѣтаются киргизскими султанами тремя способами: 1-хъ, по неимѣнію скотоводства бѣдные киргизы прибѣгаютъ къ достаточнымъ и остаются у нихъ изъ-за одного пропитанія даже и навсегда со своимъ потомствомъ. 2-хъ, имѣющіе скотоводствъ киргизы, желая обезопасить стада и быть подъ покровительствомъ, остаются при покровителѣ также потомственно, а иногда отходятъ и увольняются по доброй волѣ владѣльцами, по учиненіи съ ними разчета въ содержаніи и приобрѣтеніи скота. Если же тюленгутъ оказывалъ покровителю вѣрность въ услугахъ, то отпускался и безъ всякихъ разчетовъ, даже еще и съ наградою. 3-хъ, во избѣжаніе какого-либо взысканія, правильнаго или неправильнаго, киргизы укрываются подъ покровительство султана или другого вліятельнаго киргиза».

О кулахъ показывали, напр., что они приобрѣтались покушкою и

плѣненіемъ отъ калмыковъ, закаменныхъ и черныхъ киргизовъ съ правомъ наследственнаго владѣнія, продажи и т. д.

Обязанности тюленгутовъ—охранять султана и его собственность, сопутствовать въ поѣздкахъ, служить для посылокъ. Въ древнія времена тюленгуты были исполнителями казни.

Однако глухая борьба тюленгутовъ, какъ говоритъ авторъ, съ русско-киргизской помѣщичьей администраціей шла вплоть до 1861 г., когда киргизы не могли опираться на русское крѣпостное право. Какъ одинъ изъ примѣровъ такой борьбы авторъ приводитъ долготѣнній процессъ о тюленгутахъ султана Чамы Аблай-Ханова, будто бы присваиваемыхъ султаномъ Агадаемъ Мамановымъ, возникшій въ 1832 г. Не приводимъ здѣсь обильнаго архивнаго матеріала, которымъ пользуется авторъ; скажемъ только, что, дѣйствительно, изъ дѣла раскрывается «свободное» состояніе тюленгута, прибѣгающаго лишь къ патріархальному покровительству султана.

Объявленіе свободы находившимся у киргизовъ степного края невольникамъ началось въ 1859 г., закончилось было въ 1863 г.

Въ 1874 г. изъ канцеляріи Его Императорскаго Величества былъ запросъ, числятся ли у киргизовъ невольники. Послѣдовалъ единогласный отрицательный отвѣтъ. Однако авторъ не приводитъ мотивовъ такого вопроса и заключаетъ только свои мысли о тюленгутахъ тѣмъ, что экономическое рабство у киргизовъ существуетъ и сейчасъ. Въ 1900 г. одно лицо пишетъ ему, что въ отношеніяхъ бѣдняковъ-киргизовъ къ богатымъ находится «въ сущности что-то близкое къ крѣпостному праву».

Мы нарочно подробно остановились на фактической сторонѣ трактуемаго г. Зобиннымъ вопроса, въ виду того, что самъ онъ, признавая весь интересъ его, нигдѣ не рѣшаетъ его положительно. Причина этому, очевидно, та, что, располагая интереснымъ архивнымъ матеріаломъ, авторъ и не задавался цѣлью обставить свое изслѣдованіе съ должной полнотой и научностью. Иначе онъ долженъ былъ бы серьезно обратить вниманіе на вопросы историческаго и этнографическаго характера, полнѣе захватить ихъ, не дѣлая пробѣловъ тамъ, гдѣ у него нѣтъ архивныхъ данныхъ. Общественные группы киргизскаго народа, семья, экономическій бытъ требовали бы болѣе отчетливаго разсмотрѣнія. Исторія передвиженій, смѣшаній, подчиненій разныхъ группъ требуетъ тоже полноты и вдумчивости.

Пожелаемъ же автору, столь интересно отнѣтившему и сейчасъ еще жизненный этнографическій фактъ, продолжить свое изученіе киргизовъ и отыскать какъ истинное начало тюленгутства, такъ и истинный ихъ конецъ, б. ж., дѣйствительно запряженный «въ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостнаго права».

В. л. Б.

В. Г. Богоразъ. Колымское русское областное нарѣчіе. *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 68. С.-П. 1901 г.*

Статья В. Г. Богоразъ «Колымское русское областное нарѣчіе» заклю-

часть въ себѣ свѣдѣнія о колымскомъ русскомъ нарѣчїи, объ его особенностяхъ въ произношенїи, этимологїи, словосочетанїи и словообразованїи, словарный матеріалъ, тексты пѣсенъ, сказокъ, загадокъ. Русское и обрусѣлое населеніе (1120 ч.) Колымскаго округа распредѣляется на р. Колымѣ въ 2 хъ группѣхъ: Среднеколымской и Нижнеколымской. Нижнеколымская (680ч.), кромѣ русскаго населенїа, заключаетъ въ себѣ обрусѣлые якутскіе и юкагирскіе роды (162 ч.). Русское населеніе состоитъ изъ казаковъ, бывшихъ колымскихъ крестьянъ и потомковъ сыльно-переселенцевъ. Центръ русскаго населенїа Походскъ и Нижнеколымскъ. Русское населеніе смѣшивается съ юкагирами и якутами, причемъ инородцы ассимилируются съ русскими.

Нарѣчїа обѣихъ группъ колымскаго русскаго населенїа принадлежатъ къ окающимъ сѣверно-русскимъ говорамъ, такъ какъ первоначальные завоеватели этого края были сѣверно-русскаго происхожденїа.—Въ среднеколымскомъ нарѣчїи обычно замѣненїе шипящихъ звуковъ свистящими и наоборотъ (вѣцно, жубы), замѣна *t* буквою *ч*. Въ обшемъ же говоръ этой группы совпадаетъ съ говоромъ Восточной Сибири.

Главною особенностью нижнеколымскаго нарѣчїа является сладкоязычіе (*л* и *р* передъ гласн. произносятся какъ *й*: йюбїю), и въ видѣ реакціи общему сладкоязычію употребляется твердое произношенїе слѣдующей за буквою *р* гласной: *подрадѣ*, *робатѣ* и переходъ звуковъ *е* и *ѣ* въ *э*: *вѣра*, *врѣнь*. Центромъ сладкоязычія является селеніе Походское. Происхожденїа сладкоязычія г. Богоразъ не объясняетъ, но указываетъ, какъ на матеріалъ для сравненїа, на языки коряцкій, чукотскій и юкагирскій, въ которыхъ замѣчается мягкое произношенїе. Кромѣ приведенныхъ особенностей, г. Богоразъ отмѣчаетъ многія другія, которыя интересны, какъ лингвистическій матеріалъ.

Между многими этимологическими особенностями колымскаго нарѣчїа отмѣтитъ мѣстоименїе *чеввичъ*, *чѣе на*, означающее «какого отчества» и измѣненїе нарѣчїи *многo*, *людно*, *сколькo* по отношенїю къ лицамъ въ склоняющїяся слова: *многoро*, *люднѣро*, *многорыгѣ*, *многорыгѣ* и т. д.

Разнообразныя синтаксическія особенности тоже подробно отмѣчены г. Богоразомъ, между ними интересна вопросительная форма, образуемая съ частицею *ду* (заимствовано изъ якутск. яз): «Братъ, вечерну топию метать станешь ду? Въ словообразованїи надо отмѣтить образованїе отъ каждаго существит. глаголовъ, обозначающихъ охоту за чѣмъ-нибудь: утковать, лебедовать. Далѣе, г. Богоразъ отмѣчаетъ сходство нѣкоторыхъ колымскихъ словъ съ польскими, перечисляетъ слова неизвѣстнаго происхожденїа (относящїяся къ ѣздѣ на собакахъ), старорусскія выраженїа: это како литовско раззоренѣе, разнoбoярищина и т. п., искаженныя иностранныя слова.

Словарь мѣстныхъ словъ очень обширенъ (163 стр.), составленъ съ объясненїями и съ сохраненїемъ мѣстнаго произношенїа.

Пѣсенный матеріалъ, собранный г. Богоразомъ въ Колымскомъ краѣ, очень обширенъ. Лирическія пѣсни чисто-великорусскія сохранились очень хорошо какъ по напѣву, такъ и по содержанїю. По мнѣнїю г. Богоразъ,

«сохраненію пѣсни болѣе всего способствовала пѣвучесть порѣчаннина» и пристрастіе его къ музыкѣ. Мѣстныя импровизаціи отличаются довольно бѣднымъ содержаніемъ, и тема ихъ—сердечныя мученія; наз. эти пѣсни *андыцины, андыльцины*. — Въ Колымскомъ краѣ г. Богоразу удалось записать и нѣсколько старинъ, которыя въ свое время были разобраны проф. В. Ѳ. Миллеромъ (Новыя записи былинъ въ Якутской области). Между этими старинами въ статьѣ г. Богоразы есть старина про Добрыню Минигтьевича, близкій вариантъ колымской былинны, разобранной профес. В. Ѳ. Миллеромъ въ его «Очеркахъ» (стр. 426). Людей, знающихъ старины, по словамъ г. Богоразы, становится все меньше, и старины забываются; также и лирическія пѣсни «подпали разрушенію въ послѣдніи десятилѣтія подъ натискомъ прозаической мѣщанской интеллиговки».

Бромъ старинъ и пѣсень, г. Богоразъ записалъ колымскія сказки (съ большою долей инородческаго элемента), скороговорки, пословицы и загадки.

Статья г. Богоразы, дающая цѣнный филологическій и литературный матеріалъ, очень интересна и полезна какъ для языковѣдцевъ, такъ и для людей, изучающихъ народную русскую словесность.

Е.

Эминскій Этнографическій Сборникъ, издаваемый при Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ. Выпускъ II: Армянскій народный (героическій) эпосъ и сказки. Москва. 1901, стр. X+447.

Сборникъ издается только по-армянски, но о его содержаніи можно составить себѣ понятія по русскому предисловію. Еще въ концѣ прошлаго года извѣстный собиратель по армянской этнографіи, С. Айкуни, представилъ въ распоряженіе редакціи «Эминскаго этнографическаго сборника» свои обширные рукописные матеріалы, собранные имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ различныхъ областяхъ турецкой Арменіи.

Настоящая книга, составляющая второй выпускъ «Эмин. этнограф. сборника» и первую часть изъ собраній С. Айкуни, заключаетъ въ себѣ два отдѣла устной народной словесности, а именно—*народный армянскій эпосъ* и *народныя армянскія сказки*. Въ виду изобилія матеріаловъ по послѣднему отдѣлу, вторая книга также будетъ посвящена сказкамъ; въ третью книгу войдетъ передаваемый у турецкихъ армянъ *курдскій эпосъ*, представляющій особый интересъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Остальные матеріалы г. Айкуни будутъ помѣщены въ послѣдующихъ книгахъ.

Изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ шести эпическихъ сказаній въ особенности заслуживаетъ вниманія Москскій вариантъ «Давида и Мхера» (стр. 19—50), представляющій новыя подробности и, вмѣстѣ съ вышедшими до сихъ поръ въ свѣтъ другими вариантами ¹⁾, образующій одно

¹⁾ Еп. Сруанцтіанцъ первый познакомилъ специалистовъ съ этимъ любопытнымъ эпосомъ (Константинополь, 1874); варианты изданы — М. Абеханомъ

прекрасное цѣлое. — «Апузеть» и «Ширинъ-шахъ и Бахръ», несмотря на упоминаніе въ нихъ нѣкоторыхъ курдскихъ обычаевъ, не чужды армянскимъ преданіямъ, почему и помѣщены въ отдѣлѣ армянскаго эпоса. Впрочемъ, у г. Айкуни записаны и другіе варианты тѣхъ же сказаній, носящіе чисто курдскій характеръ: послѣдніе войдутъ въ «Курдскій эпосъ».

Сказки всё въ высшей степени интересны по содержанию, затрогивая многочисленныя сходныя мотивы изъ общей сказочной литературы, и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны языка (хотя онъ и не записанъ специально съ лингвистической цѣлью), представляя образцы болѣе 15-ти армянскихъ нарѣчій и говоровъ.

Для объясненія всёхъ вообще областныхъ армянскихъ словъ, употребляющихся въ собраніи С. Айкуни, будетъ приложенъ къ послѣдней книгѣ его матеріаловъ пространнѣйшій словарь.

По содержанию Образцы устной народной литературы представляютъ два отдѣла: *I. Народный эпосъ*: 1. Санасаръ и Богдасаръ (Мокскій вариантъ). 2. Давидъ и Мхеръ (Мокскій вариантъ). 3. Юсепъ-Бекъ и Цахикъ-Ханумъ (на Аряшскомъ нарѣчій). 4. Апузеть (на Буланжскомъ нарѣчій). 5. Халантаръ (на литературн. языкѣ). 6. Ширинъ - Шахъ и Бахръ (на Кулапск. нарѣчій). *II. Народныя сказки*: 1. Чудный конь Лалазаръ (на Кулапск. нарѣчій). 2. Митиль-Хавкъ. 3. Безногій. 4. Меликъ-шахъ, Гурия-пери и Измѣнница-мать (на Кулапск. нарѣчій). 5. Чуко и Чейранъ—волшебное колечко (на Чарсанчакск. нарѣчій). 6. Волшебница Блелъ (на Чарсанчакск. нарѣчій). 7. Тумънъ. 8. Лагушка. 9. Огненная чечевица. 10. (Человѣкъ) съ голубыми глазами и безбородый (на Чарсанчакск. нарѣчій). 11. Артучъ и царь Хахахъ (на Чарсанчакск. нарѣчій). 12. Городъ Джаминъ и Разрыватель цѣпей (на Чарсанчакск. нарѣчій). 13. Ловець Айрадъ (на Чарсанчакск. нарѣчій). 14. Врачъ Лохманъ. 15. Царица Елена и Гико (на Чарсанчакск. нарѣчій). 16. Атаманъ разбойниковъ Исхендеръ и царь Осъ (на Абаранск. нарѣчій). 17. Братецъ-товарищъ и Пери въ сорокъ локоновъ (на Котайск. нарѣчій). 18. Ловець Муратъ (на Хойскомъ нарѣчій). 19. Царица-разбойница (на говорѣ села Алиджанъ). 20. Вѣрная и невѣрная жена (на говорѣ села Грамъ). 21. Самъ-булатъ (на Арчешск. нарѣчій). 22. Звѣзда Зуаль, Гранатная косточка и Златоудрая (на Багъшск. нарѣчій). 23. Дарчинъ (Корница) и Китайская царица (на Багъшск. нарѣчій). 24. Трое безбородыхъ и разоритель Аро (на Алашкертск. нарѣчій). 25. Мельникъ Диланъ (на Алашкертск. нарѣчій). 26. Попъ и братецъ-персіянинъ (на Алашкертск. нарѣчій). 27. Пышко-Нырно (на Алашкертск. нарѣчій). 28. Красавица всего міра (на Хлатскомъ нарѣчій). 29. Искусникъ Муратъ. 30. Хаджи

(Шуша, 1889). дьякономъ Гарегиномъ (Тифлисъ, 1892), Б. Халатянцемъ (Вагъшапатъ, 1899). Русскій переводъ «Давида и Мхера» по изданію Сруанджянца, сдѣланный Г. А. Халатянцемъ, былъ напечатанъ въ журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. (октябрь) и перепечатанъ затѣмъ въ обонихъ изданіяхъ «Братской Помощи» покойнаго Г. А. Джаншиева; нѣмецкій переводъ помѣщенъ въ IV книгѣ «Armenische Bibliothek» (Leipzig, 1887).

Сайать. 31. Царь Синамъ и Гюль. 32. Горемычный старшина Мурать (на Хлатскомъ нарѣчїи). 33. Бротный и задорный братцы (на Хлатскомъ нарѣчїи). 34. Охашъ! (Ахъ!) (на Хлатскомъ нарѣчїи). 35. Охашъ! (на Буланыхск. нарѣчїи). 36. Огерь, мой черный камешекъ! (на Буланыхск. нарѣчїи). 37. Огненная-Гурія (на Буланыхск. нарѣчїи). 38. Молчащая дѣва. 39. О Хикарѣ. 40. Жена, превращенная въ мула (на Арчашскомъ нарѣчїи). 41. Братецъ-барашекъ (на Ванскомъ нарѣчїи). 42. Сынъ Ходжа Юсепа (на Мокскомъ нарѣчїи).

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Воронежскія Губ. Вѣд. 1901. 48. Сообщение члена Воронежской Архивной Комиссии *Рождественскаю*, О рукописяхъ и преданіяхъ относительно кладовъ Тульской и Калужской губ., связанныхъ съ воспоминаніями о разбойникахъ (Кудеяръ). Названія городищъ, рѣкъ, мѣстечекъ, свидѣтельствующія о разбойничьихъ подвигахъ (Лихвинъ, Лютилка, Ръванцево).—Легенда о нечистой силѣ, строившей городище (глыба песчаника въ лѣсу Оптинскаго монастыря, въ 18 в. отъ Ковельска) для дочери Кудеяра.

Живописная Россія (ежегоднѣльно) 1901. 40. *Шваровъ, Е.*, Русскіе ратники пятьсотъ лѣтъ назадъ.—*Торювъ, А.*, Понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ.—40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 51. *Сулима, М.*, По Сибирской магистрали, по Якутскому тракту и по рѣкѣ Ленѣ (оконч.). 40, 41 и 42. *Надеждинъ, Н.*, Очеркъ исторіи русской семьи.—42 и 43. *Дьявова, Л.*, Разсаднякъ осеней.—Типъ старухи крестьянки Подольской губерніи (альбомъ).—44. *Два святицы осетинъ* (съ 5 рисунк.).—Типъ латыша Дюл. губ. (эти. альбомъ).—Древнія московскія шитыя полотенца (рис.)—45 и 46. *Красножскъ, М.*, проф., „Какъ русскіе берегли свою вѣру“—Историч. очеркъ.—Эрзянки, женщины мордовскаго племени въ Заволжѣ (этногр. альбомъ).—*Бенские* головные уборы во Флорищевой пустышѣ, Владим. губ. (ви.).—46. Типы морды Эрзя, Симб. губ. (этногр. альбомъ).—47. *Львовъ, Н.*, Русская этнографія въ разсказахъ для юношества.—*Черновъ, Е.*, Исследователи русской жизни.—В. И. Даль (съ портр.).—*Торювъ, А.*, „Объѣвъ“. Изъ прстонародныхъ повѣрій.—49. Изъ резервата *П. Г. Иванова*: „Телецкая экспедиція“.—*Торювъ, А.*, „Закладъ“ (Изъ народныхъ обычаевъ въ Пошехонскомъ у.).—Деревенскіе музыканты въ Ярославской губ. (этногр. альбомъ).—Русскія древности (изъ этнографическаго собранія антикварія П. М. Иванова въ Москвѣ).—52. *Филипповъ, А.*, О русской народной музыкѣ. Указавъ на сильный интересъ у современной интеллигенціи къ русской нар. музыкѣ (концерты, проектъ учрежденія особаго о-ва любителей русс. нар. музыки), авторъ дѣлаетъ обзоръ, какъ проявлялся этотъ интересъ у интеллигенціи съ XVIII вѣка до нашего времени. Далѣе переходитъ къ вопросу о точности записей народной мелодіи, для чего дѣлаетъ нѣсколько анализовъ записанныхъ мелодій.

Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія. 1901. Дек. *Е. Ф. Шмурло*. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XII (прод. см. 1900 г. окт.).—*Бритига, И. Тихомировъ*. Разборъ изслѣдованія *Н. Чернавскаю*. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Вып. I. Оренб. 1900.—Рецензія *А. Л. Попова* на „Литовскую хрестоматию“ *Э. Вольтера*. Вып. I. СПБ. 1901. *С. Н. Брайловскій*, Рецензія на *I. Bernstein*. Katalog dzieł tresci przysługiwowej składających bibliotekę Ign. Bernsteina. I—II i dodatek. Warszawa. MDCCC. *Д. И. Абрамовичъ*. Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера, подъ ред. *Н. А. Янчука*. М. 1900.—Замѣтки о книгахъ: Записки Серг. Григ. *Волконскаю* (декабриста). Изд. кн. М. С. Волконскаго. СПБ. 1901. VII + 547. *Н. Корниловъ*. Русское дѣло въ С.-Зап. краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго уч. округа, преимущественно въ Муравьевскую эпоху. СПБ. 1901. *Серг. Мечъ*. Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, чит. въ засѣд. Геограе. отд. О. Л. Е., А. и Э. въ Москвѣ. II изд. М. 1899. *А. и Ф. Гербертсонъ*.

Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Пер. съ англ. А. Александровой. СПб. 1901. *И. П. Хрущовъ*. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. СПб. 1901.

Новости. 1900. 42. *Паоло Ломброзо*. Участіе Италиі въ прогрессѣ XIX в. 58. 62. *Л. Е. Оболенскій*. Путевныя замѣтки о Трансваалѣ (по очеркамъ Поля де-Ней „La vie au Transvaal.—Notes de voyage“). 64. Отчетъ о лекціи *С. Г. Рыбакова* „Музыка инородцевъ“, составленной на основаніи собраннаго имъ въ Средней Азіи матеріаловъ (музыкальныя записи при помощи фонографа). 72. 76. 80. Принцесса Довія и принцъ Діадемъ (сказка изъ 1001 ночи; пер. съ французскаго изданія Margrus). 82. Великаны Огвенной земли—племі овансовъ (Изъ „Century“).

Самарскія Губ. Вѣд. 1901. 74. 83 84. 87. *Павловичъ*, Черемисы. Очеркъ исторіи, быта и вѣрованій (Юмо, Кереметь) черемисъ Вятской, Казанской, Пермской, Нижегородской и Костромской губ.

Православный Благовѣстникъ. 1901. 19. *Россіевъ*, Лопари. Краткій очеркъ нѣкоторыхъ обычаевъ и вѣрованій русскихъ лопарей. 21. Гольды.

Природа и Люди. Годъ XII (1900—1901). 1—4. *П. Бѣлецкій*, Въ глуши Сибири. 2. *Т. Бодановъ*, Языкъ обезьянъ. 1, 11. *В. Битнеръ*, Тѣло, душа и преступленіе. 1. Сіамская присяга. 2. *А. З.* Въ связяхъ сѣвера (о полевыхъ или оленныхъ финнахъ). 3. Судъ у китайцевъ. Новыя данныя о „большомъ Кулакѣ“. 6, 7. *В. Иверсенъ*, Любимыя китайскія блюда. 6. *Г. Ф.*, На развалинахъ древняго Карагена (легенда о Сиди-Саадѣ—покровителѣ рабовъ). Тысячелѣтній корабль (викинговъ). („Р. Вѣстн.“). 7, 9—11, 13, 14. Въ пустынѣ Казахари. Путешествіе *М. Фарина*. 8, 25. *Г. Ф.*, Страна восходящаго солнца. Очерки Япоіи. 9. *Г. Ф.*, Въ Южной Америкѣ. 10. *О. П.*, Святки въ Западной Европѣ. 11. Привракъ (Марія Стюартъ) въ Лондонской башнѣ (какъ предвѣстіе несчастья). 12. *Модъ Стоунъ*, Мое знакомство съ боксерами. Изъ записокъ жены миссіонера. 12. (13) *Б. М.*, Конецъ міра (въ представленіи пародовъ и людей). 13. Сожиганіе труповъ въ Япоіи. 14. Каэры сѣвдопыты.—*А. З.*, Серпа Пинто (африканскій путешественникъ) †. 15. *Б. Потоцкій*, Чума въ Индіи (о погребеніи труповъ). *Г. Сурицъ*, Праздникъ пастуховъ. Очерки изъ Тирольской жизни. 16—20. *К. Бабановскій*, Робинзоны Ладожскаго озера. Изъ быта окрестныхъ рыбаковъ. 16. Последніе индѣйцы. 17. Китайскіе пионеры Новаго свѣта. Письмо изъ Южной Америки *П. Кларка*.—Храмъ змѣй (въ Америкѣ). 18. *Ш. С.*, Головные уборы и постройка у разныхъ народовъ. 19. *А. Н.*, Хрустальный замокъ (о празднествахъ, соединенныхъ съ нимъ). Изъ путешествія по Канадѣ. 20, 21. *Н. Б.*, Черезъ великій лѣсъ пигмеевъ. Записки америк. миссіонера.—Одиннадцать городовъ одинъ на кругомъ. 21. Народныя суевѣрія: о зачатой дѣвѣ, обладательницѣ огромныхъ богатствъ (въ Сибири), въцѣмъ старикѣ (Нижегор. губ.), гадалкѣ и въщувѣ колдунѣ (въ Калугѣ, Саратовѣ, дер. Романово, Балахи. у.), о чудодѣйственной силѣ священныхъ предметовъ („херувимскаго ладана“, воды отъ полосанія потира, воска отъ свяжи послѣ чтенія двѣнадцати евангелій, воды отъ омовенія покойника, о подымавші въ Мингреліи иконъ, для преданія пролятію. 22. 9. *Сноль*, Австраійскій Робинзонъ (*В. Беклей*). Китайскій обѣдъ. Китайскій адъ. (Изъ „Драгоценныхъ воспоминаній“, Юй-Ли. 23. *Л. Черскій*, Саянъ—праздникъ весны (въ Самаркандѣ). 24. *З. Н.*, Причуды природы (окаменѣлое семейство, дѣва). 26. Исторія башмаковъ. 29. Молитвенные цилиндры у буддистовъ. 30. Странная мода татуировать руки и плечи въ „Нью-Йоркѣ“ („Нов.“). Первый чревоущатель, Сенгаль („Нов.“) 31—32. *М. Левицкій*, Колобелъ свверныхъ славянъ (Рига). 31. Бѣлый вождь индѣйскаго племени черноногихъ.—Человѣкъ рыба. 32. *Б. Потоцкій*, Китайскіе фокусники. 33—35. *З. А.*, Исторія Риги. 34—35. *В. Битнеръ*, Манн, ослѣплъ, ослѣплъ, соврем. положеніе вопроса о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. 34. *С. В. Максимовъ* †. Величайшая (китайская) рукопись энциклопедіи. 35. Посольство Далай-Ламы въ СПб („Н. Вр.“). 36—37. *В. Анфиловъ*, Этнографическій музей *И. Ак. Н.* (съ рис.). 37. Вышій сокъ (раскрывшій убійство). 38. Раскопки (Ганса) въ Египтѣ.—Народъ, не

умяющей считать (въ Зап. Австраліи).—Тибетская медицина (о П. Бадмаевъ) („Нов.“).—Новый пророкъ (Илья второй) въ Чакаго. 39. А. Б., Тайный судъ (въ Германіи).—Что такое сонъ? (докладъ Г. Бергсона). 40. Вл. Комаровскій, Въ таежной глуши. 41. А. Э. Норденшельдъ †. 42—45. К. Бабановскій, Исторія Грузіи. 42. Некрасовцы (указана литература); см. также: Влад. Мир-скій, У русскихъ подданныхъ султана („Русск. Вѣд.“ 1901). 44. В. С., Колдунъ и волшебники. Секта голодающихъ (въ Индіи). 45. Новый Мессія. 46. Г. П., Праздникъ маори.—Зубъ Будды въ храмъ Индіи. Ужасный „замокъ“ (о бвшенствѣ среди малайцевъ). 47. А. Эмскій, Русскій въ Пампасахъ—Рукопись апост. Петра.—Суевіе въ Свяч: черный пѣтухъ, какъ умиловительная жертва. 48. I. Ф., У рубяжа нашихъ познаній (гаданія автора о доисторическихъ временахъ).—Б. Потоцкій, Долина смерти въ Калифорніи (известная удушливостью атмосеры).—Въ сѣверномъ Китаѣ (о способахъ передвиженія и перевозки владѣй). 50. В. Витнеръ, Р. Вирховъ-Pow-Wow (правдство въ честь великобританскаго наследника принца въ Кальгори) (Le Temps) 51. Б. Потоцкій, Азиатская Швейцарія (Афганистанъ). В. Ж., Чистилище св. Патрика (о суевіи ирландцевъ, использованномъ іезуитами).—(—d—)

Русскій Листокъ. 1901. 335. О предполагаемомъ учрежденіи Иконописной мастерской при Строгановскомъ училищѣ.—Изя исторіи моды 337. Взяій сонъ („Ежедн. Курьеръ“).—Бесѣда съ покойнымъ Лв-Хунъ-Чангомъ. 338. Мирскыя отголоски. Храбрыя дамы. Въ Приложеніи: II. Россіевъ, Гдѣ сытно живется. Путевыя впечатлѣнія по Голландіи. (См. пред. № 345). Аерелій, П. Барневъ, какъ издатель. Библиографія: Поэты—жрестьяне (Гороховъ, Травинъ и Поповъ). Рисунки: Помощникъ бога войны въ Китаѣ и Принесеніе жертвы богу войны. Манджурскій станъ, семейство, молотба риса, манджуръ на станціи жел. дороги. Бурятскія женщины. 343. Французъ о Сибири. Путешествіе К. Оланьона („Торг.-Пром. Газ.“). Посмертныя почести Ли-Хунъ-Чангу. 344. Чудесное исцѣленіе. („Од. Л.“). Рюи-Блазъ, Современные постинки. Суевірные илпусы сначала считали одну постлицу богиней и хотѣли принисить ей жертвы. 345. (Приложеніе). Типы женщинъ Голландіи. 348. В. И. Григоровичъ, славиствъ († 1876). 349. Въ засѣданіи „музыкально-этнографическаго отдѣла“ (докладъ г. Аракчіева о грузинской народной пѣснѣ и ея эволюціи. За границей) Рождественскій сочельникъ въ домѣ президента французскаго. Легенды объ орѣхѣ. 351. Россъ, Вскользь; (О задачахъ Общества распространенія національной музыки). 352. А. Б(лям)и, Рождественскія представленія (въ Альпахъ, близъ Пресбурга). Симв. Календари и предсказанія. 353. О чемъ пишутъ. Сколько въ Россіи старообрядцевъ? Авторъ повторяеть доводы Ѡ. М., высказывавшаго недовѣріе въ переписи 1897 года.—Африканская свадьба.—Россъ, Рождественская елка. 355. По Москвѣ. О народныхъ гуляньяхъ на Дввицьемъ полѣ.—Святочное проишествіе о „духахъ“ („Орл. В.“). 357. Термитъ. Московскіе отголоски. Паденіе народныхъ гуляній на Дввицьемъ полѣ. 358. Датчанинъ Гильдебрандтъ намѣревается пробраться пѣшкомъ въ священный городъ Хлассу.—Знахарство: для опредѣленія болязнь знахарь (изъ Сѣдлецкой губ.) потребовалъ 10 волость съ головы больной, отрѣзанныхъ деревяннымъ ножемъ („Ежедн. К.“).—(—d—)

1902. 1. Садко, Къ моменту 75-лѣтія П. П. Семенова.—Ульяна-Егоръ („Сар. Дн.“).—Крупная археологическая повоств, скиская обстановка сожженія („К. Газ.“).—Татуированный одесситъ („Од. Нов.“).—Рюи-Блазъ, Встрѣча Нового года за границей.—О предполагаемой экспедиціи въ Абиссинію. 3. Въ Антропологическомъ отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. Э. Публичное засѣданіе по случаю VIII Пироговскаго съѣзда врачей. 5. VIII Пироговскій съѣздъ (докладъ А. Левинца о народной медицинѣ; докладчикъ настаивалъ на учрежденіи музея народной медицинѣ).—Вита, Франція черезъ 600 лѣтъ (объ уменьшеніи рождаемости во Франціи).—Курьезное паря (румынъ Георгеску предпринялъ пѣшкомъ путешествіе по Европѣ). Въ Приложеніи 5, 12, 26, 32, 40: II. Россіевъ, Гдѣ сытно живется (Путевыя впечатлѣнія по Голландіи). 10. Изъ міра суевірій. О сапожникѣ—колдунѣ, обманывавшемъ женщину. („Перм. Кр.“)

12. Изъ міра раскола. (объ „иноческомъ“ благочестіи, утверждаемомъ старикомъ Х. посланнымъ Отцомъ Небеснымъ). 17. Дуна-Джегодъ. Нурдныя поговорки. 18. Московскіе отголоски. О реформѣ народныхъ развлеченій въ Москвѣ. Сама себя высълка. Знахарка, ссылаясь на благодарственные письма паціентовъ, просила награды, однако сельвычегодское у. земское собраніе возбудило противъ нея уголовное преслѣдованіе („Свѣд. Кр.“). Въ Приложеніи къ № 19: Человѣческое жертвоприношеніе въ Западной Аеріи (рис.). Въ Приложеніи къ № 26: Типы подолянокъ, Японская красавица въ своемъ будуарѣ, Китайскій врачъ у паціента. 29. Тоже—экспертиза (для опредѣленія, кто изъ двухъ уронилъ въ колодець младенца). („Од. Нов.“) 30. Въ поискахъ „человѣчьей души“. Среди Черемьяхъ. (Казанск. губ.) распространяетъ слухъ, что для того, чтобы достать кладъ, зарытый некогда разбойниками, нужно отдать за него душу. 31. Р., В. Юнверъ.—Г. К-ій, На перепяси Хитрова рынка.—Кладовскаельница: легковѣрная женщина была обманута гадалщиками-аеористами („Кіевл.“). 32. Провинціальныя картинки. Объ обычаѣ брать плату за двухъ новѣсть („Сар. Дн.“). 35. А. Б-й, Нѣмецкія секты: а) секта „христіанской науки“, эксплуатирующая больныхъ, б) „адвѣитисты“ (въра въ близкую кончину міра). 36. По Москвѣ. Предсказатель въ Леортовѣ. 38. Докладъ Козлова о Тибетской экспедиціи въ Географическомъ о-вѣ. 41. *Сита*, Съдѣнная дикарями миссія (на англійской Новой Гвинее).

Русскія Вѣдомости. 1901. 328. Внутреннія извѣстія. Барнауль. Десятилѣтіе Общества любителей Алтаи. (А. Головачевъ сообщилъ „О семейномъ и общественномъ положеніи киргизской женщины“).—„Распредѣленіе старообрядцевъ и сектантовъ по толкамъ и сектамъ“, изд. Центр. Статист. комит. М. В. Д. И. Миллшевскій † (его диссертация: Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка). 329. В. Богуславскій, польскій историкъ †. О новомъ журналѣ: *Revue d'Asie*. 334.—скій, На Сахалинѣ. Библиографическія замѣтки. А. Дж. Р. де-ла Грассери, Психологія религіи. 336. Антропологическая находка около Зягребя.—25-лѣтній юбилей проф. Фр. Ратцеля.—Петербургскій музей въ Берлинѣ. Новое сочин. проф. Л. Нидерле: *Slovanske Starozitnosti*. 337. Докладъ А. Стаховича о борьбѣ съ любочной литературой. О предстоящемъ двадцатипятилѣтіи Мивусипсаго музея. 338. Путешествіе бурята А. Доржіева. Указъ богдылана о посмертныхъ почестяхъ Ли-Хунъ-Чангу („Спб. Вѣд.“). 340, 344. *Танъ*, По Манчжуріи. 342, 345.—ъ, Условія колонизаціи Приамурья (II) по вѣду отчета А. А. Кауфмана). 343, 353. Ю. Веселовскій, Народный театръ во Франціи.—Открытія на о-вѣ Критъ археологовъ Гальты и Перль. Сообщеніе художника А. Борисова о Новой Землѣ. 345. Результаты тибетской экспедиціи П. К. Козлова. 351. Епархіальный комитетъ правосл. миссіон. общества предпринимаетъ статистическое описаніе крестьянъ инородцевъ Увѣмской губ. („Спб. В.“).—80-лѣтній юбилей проф. А. Малецкаго.—Археологическія открытія въ Помпѣи. 353. XI. Съездъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. Въ секціи географіи и антропологіи сообщали: П. Шмидтъ—о путешествіи по Корей вѣтомъ, 1900 года, К. Якобъ—о сиппахъ пермской группы, П. Пантюховъ—антропологическій очеркъ лезгивъ, гр. А. Бобринскій—о значеніи Австраліи въ вопросѣ о происхожденіи человека (теорія Шетензаха), Д. Анучинъ—о черепѣ чукчей, П. Путятинъ—о вновь открытомъ мѣстѣ обработки орудій каменнаго вѣка на южномъ побережьи Бологовскаго озера, Д. Клименко—о переходныхъ формахъ быта между кочевымъ и осѣдымъ по дѣвнымъ новѣйшимъ русскимъ изслѣдованіямъ. При № 353 приложень „Указатель статей“, помѣщенныхъ въ „Р. Вѣд.“ за 1901 годъ (Годъ XIII.).—(—д—).

С.-Петербургская Жизнь (Приложеніе къ „Новостямъ“). 398, 399. На Амурѣ. Нѣсколько снимковъ, касающихся быта русскихъ поселенцевъ и инородцевъ на Амурѣ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и слов. Имп. Ан. Н. Т. 68-й. 1901. Этотъ томъ посвященъ діалектологіи русской В. И. Чернышевъ. Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. В. Ф. Соловевъ. Особенности говора донскихъ казаковъ. В. И. Чернышевъ. Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ въко-

которыхъ селеній Московскаго уѣзда. *А. И. Сахаровъ*. Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго у., Орловской губ. *В. И. Чернышевъ*. Дополненія къ свѣдѣнiямъ о говорахъ г. Мещовска. *В. Г. Бочоразъ*. Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчiя. (Во вступленiи приводятся свѣдѣнiя о населенiи Колымскаго округа; далѣе съ 19 по 163 стр.—словарь; пѣсни русскихъ португаловъ на Колымѣ—общiй очеркъ и тексты. Въ числѣ пѣсень помѣщены: 9 старинъ—1) Илья и Идолище, 2) Добрыня и змѣя, 3) Алеша П. и Тугаринъ, 4 и 5) Мишенька Данильевичъ въ 2 вариантахъ, 6) Туры и туряца, 7) О Невнамущкѣ, который оказывается Петромъ Алексѣевичемъ, 8) Богатыри на Соколъ-кораблѣ, 9) О Добрынѣ и Маринѣ; 23 игровыхъ пѣсни; 8 плясовыхъ; 7 дѣтскихъ; 28 свадебныхъ; 38 любовныхъ и семейныхъ; 2 величальныхъ; 12 старыхъ пѣсень, т. е. историческихъ; 3 разбойничьихъ; 7 казачьихъ; 15 разныхъ пѣсень. Загадки. Скороговорки. Пословицы. Сказки. Записанъ матеріалъ довольно точно фонетически).

Труды Назанскаго Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи. Т. XVII, вып. 2—3. *Селиц. Сухоуской*, О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ, Енисейской губ. Подробное описанiе обрядовъ при камланiи и предметовъ, употребляемыхъ шаманомъ (бубенъ, арба-колотушка, костюмъ). Практика шамановъ. Свѣдѣнiя о духахъ добрыхъ и злыхъ, имѣющихъ влiяніе на человека.

La Revue et Revue des Revues. 1901. 1. La Touche-Tréville, Les nouvelles révélations des antiquités bibliques, (съ 7-ью изобр.). О данныхъ, добытыхъ новѣйшими археологическими изысканiями въ Палестинѣ, трудами американскаго ученаго *Е. А. Hoffmann'a* и *Н. Radan'a*, (гл. 1) лондонскаго ученаго общества (Palestina Exploration Fund), (гл. 2) *Flinders Petrie* и *Bliss'a*, (гл. 3)—6. *Bégard, A. Légendes et superstitions de la Bresse, de la Dombes et du Bugey.* (въ деп. Ain). Краткiй, но интереснiй перечень народныхъ вѣрованiй въ данной мѣстности, отчасти исчезающихъ, отчасти уже исчезнувшихъ: преданiя о духахъ, мертвецахъ, бѣлыхъ и т. п. дѣвахъ, обитающихъ замки и развалины, духахъ, являющихся подъ видомъ животныхъ, о женщинахъ, превращенныхъ въ камень (гл. 2), вѣра въ чудодѣйственную силу некоторыхъ источниковъ; нѣкоторые суевѣрные обряды при рожденiи ребенка и при похоронахъ; выскобная рука повѣшеннаго, воскъ съ пасхальной свѣчи, если имѣть ихъ при себѣ, дѣлають невидимымъ; о священномъ деревѣ, въ которое страдавшіе отъ зубной боли вбивали гвозди (гл. 3); о часовнѣхъ, въ которыхъ ходятъ на богомолье съ разнчными цѣлями: увидать въ Троицынъ день на небѣ три солнца, исцѣлиться отъ слѣпоты и т. д.; о кюрѣ извѣстныхъ цѣрвей, имѣющихъ даръ врачевать тотъ или другой недугъ; о томъ, какому святому въ какомъ случаѣ молиться. Авторъ статьи сообщаетъ интереснiй фактъ изъ жизни хорошо знакомой ему семьи, происшедшій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ: въ статую святого, не подавшаго ребенку ожидаемаго исцѣленiя, родные ребенка бросали камнями. (гл. 4).—7. La Touche-Tréville: L'ancienneté du Nouveau Monde. (съ 3-мя изобр.). О новыхъ археологическихъ изысканiяхъ въ Америкѣ: *Hewett'a* въ Н. Мексикѣ, *Fulmer'a* въ Аризонѣ, изслѣдовавшаго сооруженiя cliff-dweller'овъ, профессора *Cole*—въ Н. Мексикѣ къ зап. отъ С. Фе.—№ 10—11. *Letourneau: La mentalité chinoise.* Эгогъ этюдъ о душевныхъ и мыслительныхъ свойствахъ китайцевъ составляетъ главу изъ имѣющей выйти въ свѣтъ (въ серiи Bibliothèque des sciences contemporaines) книги французскаго ученаго: *La psychologie ethnique.*—№ 17. *Zaborowski: Du vol des femmes en ethnologie.* О роли, которую играетъ похищенiе женщинъ къ постепенному перерожденiю антропологическихъ признаковъ той или другой народности; примѣры: осетины, древнее населенiе Пруссiи, гуареги. № 17—18. *Charpentier, L'évolution de la poésie chinoise.*—№ 20. *I. Hitomi. La femme japonaise.* Коротелькiй очеркъ, посвященный вѣщности, характеру и занятiямъ японокъ.—№ 21. *Archab Tchobanian: L'épopée populaire de David et de Mher.* Изложенiе народнаго преданiя изъ Турецкой Арменiи.—

Le Muséon. 1901. N. S. Vol. II. № 1. La tribu des Soleib. Статья появившаяся на арабскомъ яз. въ периодическомъ изданiи „Al—Machriq“, принадле-

жить миссіонеру о. А. М. de Saint-Elie; на французскій яз. се перевелъ Е. Soube. Она содержитъ краткія, но интересныя свѣдѣнія о небольшомъ (общее число палатокъ племени свыше 700), уже вымирающемъ и мало известномъ племени, живущемъ въ Сиріи. Соленбы отличаются физическими признаками отъ осѣдлыхъ арабовъ и бедуиновъ, кот. не признають племенного родства съ ними. Соленбы сѣвловолосые, голубоглазые; нѣкоторые авторы считаютъ ихъ за потомковъ крестоносцевъ. Ихъ собственныя преданія объ ихъ происхожденіи представляютъ лишь образчики широко распространенныхъ мифовъ, объясняющихъ волей верховнаго существа и ошибкой или прегрѣшеніемъ прародителя ответственное положеніе племени среди другихъ болѣе счастливыхъ народовъ и племенъ. Изъ обычаевъ отмѣтимъ клятву на опростанутомъ котлѣ (формула: „клянусь котломъ и пищей, кот. варится въ ней...“), кот. мужъ убѣждаетъ жену въ супружеской вѣрности.—№ 1—2, З. L. de la Vallée Pouassin: Le Bouddhisme d'après les sources Brahmaniques. I. Sarvadarśanasamgraha—№ 2—3. L. V. P. Bouddhisme. Notes et bibliographie.—

Revue des deux Mondes, 1901. Т. I. livr. 1. М. Courant: Etrangers et chinois.— З. А. Bellesort. Voyage au Japon, V. L'imagination. Живо написанный этюдъ о характерныхъ чертахъ японцевъ, о ихъ искусствѣ, литературѣ, театрѣ и т. д. Начало статьи въ R. d. d. M. 1899, 15 Déc. и 1900. 15 Jan., 15 Mars и 15 Sept.—Т. II, livr. 2. Isabelle Massien: Une visite à Bangkok.—З. А. Bellesort. Voyage au Japon. VI. Une histoire de yosé. Повѣсть объ Имамура-саки, дочери Йошивара, слышанная авторомъ отъ одного японскаго рассказчика. 3—4. R. Pinon. La résurrection d'un Etat africain. I. L'Ethiopie historique. II. L'Ethiopie d'aujourd'hui.—Т. III, livr. 3. А. Т. Piry. Le peuple chinois et la réforme.—Т. IV, livr. 2. F. de Navenue. Le Palio de Sienne. Описаны скачки въ Сиеннѣ, обычай сохранившійся съ XVII в. до нашего времени. Состязаются отдѣльныя части города, кот. выставляютъ отъ себя лошадей на скачки. Передъ скачками лошадей освящаютъ въ самой церкви. Отдѣльныя части города (contigade), носящія названія: Волчица, Сова, Башня, Раковина. Единорогъ, Орелъ, и т. п.,—обыкновенно враждуютъ между собой. Вражда обостряется во время скачекъ до кровопролитныхъ схватокъ между жителями отдѣльныхъ кварталовъ. Единственнымъ призомъ служить знамя съ шитымъ изображеніемъ Мадонны. Т. V, livr. 4. G. Paris. Un nouveau dictionnaire de la langue française. По поводу новаго словаря франц. яз. Hatzfeld-Darmesteter Thomas. — Т. VI, livr. 2. А. Bellesort: Voyage au Japon. VII. La femme et l'amour.—

Новости этнографической литературы.

- Абаза, К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Арефьевъ, В. Описание Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. II. Краткое описание губерній и областей Сибири. Томскъ. 1901 г. Ц. 30 к.
- Архангельскій, А. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Наказуяъ христіанства и письменности. Варш. 1901 г.
- Архивъ князя Э. А. Куракина. Книга девятая. М. 1902 г. Ц. 4 р.
- Аховъ, М. I. Очерки изъ исторіи армянскаго государства. II. Россія и Армяне. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.
- Богородицкій, В. Діалектологическія замѣтки. Неправильности русской рѣчи у чувашъ.
- Бужинскій, Гавриль. Проповѣди. (1717—1727). Историко-литературный матеріалъ изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901 г. Ц. 5 р.
- Ванъ-Мюнденъ. Исторія Швейцарскаго народа. Т. III. Съ 6 рисунками. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Герихъ, П., фонъ. Краткій очеркъ военнаго искусства въ древніе вѣка. Изд. 2-ое дополн. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Готтенротъ, Ф. Исторія вѣшней культуры. Одежда, домашняя утварь, орудія и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Томъ II, вып. I. (11-ый вып.). Подписная цѣна за 20 вып. 20 руб.
- Гретцъ, Г. Исторія евреевъ отъ расцвѣта еврейско-испанской культуры до смерти Маймонида. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гурляндъ, И. Я. Азты города Романова-Борисоглѣбска. 1627—1690. Ярослав. 1901 г. Ц. 30 к.
- Его же. Азты Романовской Ямской слободы. 1587—1707. Ярослав. 1901 г. Цѣна 30 к.
- Его же. Роспись, какіе города въ какомъ приказѣ вѣдомы. Ярослав. 1901 г. Цѣна 15 к.
- Денингеръ, I. Человѣческія расы. Переводъ съ французскаго. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Дитмаръ, фонъ, Карль. Поѣздки и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—1855 гг. Спб. 1901 г. Ц. 7 р. 75 к.
- Дурново, Н. Еъ исторіи сказаній о животныхъ въ старинной русск. литературѣ I.—II. М. 1901 г. Отд. отт. изъ III т. „Трудовъ Слав. ком.“ М. Археолог. Общ. Стр. 74. 40.
- Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Баржовымъ и С. Чеэрновымъ. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣрахъ. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. Изд. А. С. Суворина. Стр. 620. Ц. 3 р.
- Женская красота съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Иллюстрированная, художественная, историческая монографія. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ивановскій, В. М. Село Веска, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

- Истринь, В. Къ вопросу о гадательныхъ псалтыряхъ. Од. 1901 г.
- Кенингемъ, В. Западная цивилизація съ этноимической точки зрѣнія (древній міръ) съ пятью картами. Томъ I. М. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Короленко, П. П. Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска XVIII столѣтія. Историко-біографическій очеркъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- Корсаковъ, В. В., д-ръ мед. Пять лѣтъ въ Пекинѣ. Изъ наблюденій надъ бытомъ и жизнью китайцевъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Кузнецовъ, И. Д. Терскіе казаки и ихъ рыбные промыслы. Очеркъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- Кузьминъ, А. Запорожская съчъ. Историческій и бытовой очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 40 к.
- Лавровъ, П. Труды В. Г. Васильевского по исторіи славянъ. Львовъ. 1901 г.
- Лсмицій, С. (Радзиль). Персія и Персы. 1898—1899—1900 гг. Съ 44 рисунк. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Лупповъ, П. Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Изд. 2-е, испр. и дополн. Вятка. 1901 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Лалуновъ, В. Краткій очеркъ ученой дѣятельности ак. И. В. Ягича. Од. 1901 г.
- Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ., за 15 лѣтъ (съ конца 70 годовъ по 1893). Т. I. Историко-статистическое описаніе 100 поселковъ. Т. II. М. 1895—1897 гг. Ц. за 2 т. 1 р.
- Модестовъ, В. И., проф. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италиі и началу Рима. Ч. 1-я. Съ 35 фототип. таблиц. Спб. 1902 г. Ц. 4 р.
- Надеждинъ, П. П. Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 3-е просм. и дополн. Тула. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Нибуръ, Г. I. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. М. 1902 г. Ц. 2 р.
- Павловъ, Ф. За десять лѣтъ практики. (Отрывки воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій изъ фабричной жизни). М. 1901 г. Ц. 50.
- Павловъ-Сильванскій, Н. П. Феодалныя отношенія въ удѣльной Руси. Спб. 1902 г. 82 стр. Ц. 60 коп.
- Его же. Имунитетъ въ удѣльной Руси. Спб. 1902 г. 48 стр. Ц. 40 к.
- Памятная книжка и адресъ-календарь Карсской области на 1902 годъ. Съ этнографической картой Карсской области. Тиф. 1901 г. Ц. 1 р.
- Памятная книжка Оловецкой губ. Петрозаводскъ. 349 стр. Ц. 1 р.
- Панковъ, А. А. Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины. 1901 г. Ц. 25 к.
- Панковъ, А. Православные приходы въ Финляндіи. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- Плоцанскій, В. М. Промыслы Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII ввк. и др. источникамъ. Вып. II. Вильна. 1901 г. Ц. 1. 25 к.
- Рессовъ, П. Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Портъ-Артуръ. 1901 г. Ц. 2 р.
- Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. 2-я. Спб. 1901 г. Ц. 5 р.
- Смоленскій, Ст. О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ. Историко-палеографическій очеркъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Тарасовъ, Е. А. Донскій атаманъ Платовъ. (1751—1818). Его жизнь и подвиги. Съ иллюстр. Спб. 1902 г. 32 стр.
- Филевичъ, И. П., проф. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. Львовъ. 1902 г. Ц. 50 к.
- Филиппсонъ, М. Религіозная контръ-революція въ XVI вѣкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Францевъ, В. Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Гуси. Варш. 1901 г.
- Чернышевъ, В. Свѣдѣнія о говорахъ юрьевского, суздальскаго и владимирскаго уѣздовъ. Спб. 1901 г. Ц. 40 коп.

Чехъ, М. С. Разказы изъ старобалканской жизни. 2 тома. Спб. 1901 г. Ц. тома по 1 р. 25 к.

Чечулинъ, Н. Памяти Д. Н. Майкова. Спб. 1901 г. Ц. 20 коп.

Штукенбергъ, А. А. Материалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи (съ 4 таб. рис.). Каз. 1901 г. („Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн.“).

Эзовъ, Г. А. Начало сношеній Эчмиадзинскаго патриаршата съ русскими правительствомъ. Историч. изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Яворскій, Ю. А. Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ. Львовъ. 1901 г. Ц. 60 к.

Его же. Очерки по исторіи русской народной словесности. Львовъ. 1901 г. Ц. 50 коп.

Archiv für Religionswissenschaft 1901. 4 Heft. Ueber den Geisterglauben der Naturvölker, Kohler. (Свѣдѣнія о вѣрованіяхъ папуасовъ въ боговъ и духовъ, объ обычаяхъ, связанныхъ съ культомъ. Погребальные обряды, возвращеніе на душу и будущую жизнь. Колдовство, заговоры, гаданья).

Arnold, R. Die deutschen Vornamen. Wien, Holzhausen, 1901.

Assyrian and Babylonian literature. Selected translation. With a crit. introd. by R. F. Harper. New-York 1901. gr. 8°. X+362 стр.

Basset, R. Nédromah et les Traras. Paris. 1901. 8°. Avec 1 planche.

Batchelor, J. The Ainu and their folklore. London. 1901. 8°. With 137 illustr.

Bendall, M. A. Çikshāsamuccaya. A Compendium of buddhistic teaching compiled by Çāntidevo chiefly from earlier Mahāyānā-Sūtras (Bibliotheca buddhica. III) Спб. 1901. Отъ 217—312 стр. Ц. 1 р.

Bernstein, J. Katalog dzieł przysłowiowej składających bibliotekę I. Bernsteina. Warszawa, 1900. T. I—II i dodatek. (См.: Ж. м. н. п. 1901. № 12).

Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour, aux femmes et au mariage et des livres facétieux, pantagruéliques, scatologiques, satyriques, etc. par M. le C. D'... 4 ed. entièrement refondue et augmentée par F. J. Lemonnyer. 4 vol. Lille. 1901. gr. 8°. Цѣна—120 мар.

Blochet, E. Les sources orientales de la Divine Comédie. Paris. 1901. 8°.

Brockelman (См. Horn).

Buch Henoch Das. Aethiopischer Text, hrg. v. J. Flemming. Leipzig. 1902. 8°.

Buddhist art in India. Transl. from the „Handbuch“ of A. Grünwedel by A. C. Gibson. Rev. and enl. by J. Burgess. London. 1901. 8°.

Buttenwieser, M. Outline of the neo-hebraic apocalyptic literature. Cincinnati. 1901. 8°.

Čečetka, F. J. Od kolébky do hrobu. Obrázky lidopisné z Poděbradska. Ц. 3 кр.

Deasy, H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan: Record of 3-years' exploration. London. 1901. 8°.

Degrand, A. Souvenirs de la Haute Albanie. P. Welter. 1901. Понул.

Dietrich, C. Grundlagen der Völkerverkehrssprache. 8°. 70 s. Цѣна 1 р. 35 коп.

Donner, Otto J.—or. Resa i Central-Asien. 1898. Helsingfors. 1901. Цѣна 5 мар.

Dwight. Constantinople and its Problem. (См. „М. Бож.“ 1902. II).

Einwald, A. Zwanzig Jahre in Süd-Afrika. Reisen, Erlebnisse und Beobachtungen. (См. „М. Бож.“ 1902. II).

Erman, A. Zaubersprüche für Mutter und Kinder. Aus dem Papyrus 3027 des Berliner Museums. Berlin. 1901. 4°. M. 2 Taf.

- Fischer, H. Schwäbisches Wörterbuch. 1 Lief. A—Alter. Tübingen. Laupp. 1901. (Много нар. поговорокъ, присказоуъ и т. п.).
- Fountain, P. The great deserts and forests of North America. (См. „М. Бож.“ 1901. XII.).
- Gaufrey-Demombyass. Cérémonies de mariage chez les indigènes d'Algérie. P. Maisonneuve. 1901. Брош.
- Goos, Die Spiele der Menschen. Jena. 1899.
- Groot, J. J. M. de. The religious system of China. Vol. 4. Book 2: on the soul and ancestral worship. Part 1. Leide. 1901 gr. 8°.
- Grünbaum, M. Gesammelte Aufsätze zur Sprach- und Sagenkunde. Berlin. 1901.
- Heigl, F. Die Religion und Kultur Chinas. 2 Theile. Berlin. 1900. 8°.
- Hesse-Wartegg, E. von. Samoa, Bismarkarchipel und Neuguinea. 8°. 329 S. und 2 Karten. Цѣна 7 р. 50 коп.
- Hoogerwaard, Sellm Khan Keun, de. Krit. Studien zur Einführung in das Recht des Islam. Erlangen. 1901. 8°.
- Horn, P. d-r. Geschichte der persischen Litteratur, Brockelmann, C. d-r. Geschichte der arabischen Litteratur. (Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen, Band VI). 8°, 493 S. Цѣна 3 р. 60 коп.
- Hutchinson, H. Dreams and their meanings. (См. „М. Бож.“ 1901. XII).
- Internationales Archiv für Ethnographie. Das Javanische Maskenspiel. Juynboll. 1901. 3 и 4 Hefte. (Подробное изслѣдованіе о происхожденіи масокъ, ихъ исторія, употребленіе; преданія о маскахъ, игры, связанныя съ масками, представляющія собою цѣлыя драматическія представленія).
- James, William. The psychology of religion. (См. „М. Бож.“ 1901. XII).
- Jolly, J. Indische Medicin. Strassburg. 1901. 8°. (Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, Band. III, Hft 10).
- Joret, Ch. La flore de l'Inde d'après les écrivains grecs. Paris. 1901. 8°. 54 стр.
- Kaluzniacki, E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymus (1375—1393) nach den besten Handschriften. Wien. 1901. CXXVIII+450 стр.
- Karst, Jos. Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen. Strassb. Trübner. 1901.
- Krahmer. Das nordöstliche Küstengebiet. (Russland in Asien, Bnd V.). 8°. 295 S. und 2 Karten. Цѣна 3 р. 60 коп.
- Kreutz, Fr. Slovácké čerpe. Narodopisná studie, maloval J. Uprka. Seš 1. II. по кр. 1. 50.
- Kryptadia. Tome VII. Table des matières: Contes flamands de Belgique. Mélanges polonais et russes. Varia: 1. Un usage de guerre, 2. Hellenica, 3. Italicum e latrina. Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven. Lieder.: erste Forstsetzung. Contes de la Croatie et du Monténégro. Chistes y desverguezasdel, Rio de la Plata. 1 vol in 12. de 400 pag., relié toile. Prix—30 fr.
- Kühnel, P. Die Slavischen Orts- und Flurnamen im Lüneburg, gesammelt und erklärt Th. 1. Hannov. 1902. 8°. 170 стр. Цѣна 3 мар.
- Lehner, F. Djěny uměni národa českého. Ilustrováno. Lex. fol. Seš 1 až 6. II. по 0. 70.
- Letourneau, Ch. La psychologie ethnique. In 12°.
- Mathien. A travers l'Italie, l'Autriche, la Suisse et l'Alsace. In 16°.
- Michal-Dvorecký, Jan. O sv. Mikuláši v legendě a lidových pověstech i zvycích 8°. 240 стр. II. кр. 1. 10.
- Netto u. Wagener, Japanischer Humor. Lpz. Brockhaus. 1901.
- Osterlandsagen. Sagen, Bilder u. Geschichten aus dem Altenburger Ostkreise. Altenburg. 1901.
- Paniagua, A de. Les temps héroïques. Etude préhistorique d'après les origines indo-européennes. Préface par L. Rousselet. Paris. 1901. gr. 8°.
- Radlot, P. Les vieux Arabes (l'art et l'âme) Paris. 1901. 8°.

Raquez, A. Au pays des Pagodes. Notes de voyage, avec préface par le général Tcheng-Ki-Tong. Paris. 1900. 8°. Avec 56 grav. et photog.

Ribezzo, F. Nuovi studi sulla origine e la propagazione delle favole indoe elleniche comunemente detto Esopiche. Napoli. 1901. 8°.

Rolland, E. Flore populaire ou histoire naturelle des plantes dans leurs rapports avec la linguistique et le folk - lore. Tome III. in 8° 378 pag. Prix: 8 fr.

Ryuhart, S. C. With the Tibetans in tent and temple. (См. „М. Бож.“, 1901. XII).

Schaer, A. Die altdutschen Fechter u. Spielleute. Ein Beitrag zur deutschen Culturgeschichte. Strassb. Trübner. 1901.

Schanz, M. Ost- und Süd-Afrika. 8°. 456 S. Цена 4 p. 50 коп.

Schrader, H. 4-r. Der Bilderschmuck der deutschen Sprache in Tausenden volkstümlicher Redensarten. 8°. 541 S. Цена 2 p. 70 коп.

Séгур, de G. Au bout du monde. Une saison en Nouvelle Zélande. Avec 23 gravures. (См. „М. Бож.“ 1902. II).

Slecke, E. Mythologische Briefe. I. Grundsätze der Sagenforschung. II. Umland's Behandlung der Thor-Sagen. B. Dümmler. 1901.

Smith Robertson, W. Die Religion der Semiten. Autorisierte deutsche Uebersetzung aus dem Englischen nach der zweiten Auflage, von d-r. R. Stübe. Leipzig und Tübingen. 1899. XX+372.

Winter, Zikmund. Doktoři a lékaři v XVI věku v Čechách. (Lidové rozpravy lékařské, II. č. 4). II. sp. 0. 40.

Wolf, E. Meine Wanderungen. (Im Innern Chinas). Mit 67 Illustrationen. Stuttgart und Leipzig. (См. „М. Бож.“ 1902. II).

Zimmern. Beiträge zur Kenntniss der Babylonischen Religion. H. 3. Lpz. Hinrichs. 1901.

Хроника.

Пѣсенная экспедиція въ Нижегородскую губернію. Рядъ экспедицій внутри Европейской Россіи съ цѣлю собранія русскихъ напѣвовъ былъ снаряженъ въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ И. Р. Геогр. Обществомъ, съ Высочайшаго Е. И. Величества соизволенія, на Всемилостивѣйше особо дарованныя Его Величествомъ Государемъ Императоромъ средства. Въ 1900 году такая же, 11-я по счету, пѣсенная экспедиція, въ числѣ 3-хъ членовъ сотрудниковъ общества: И. В. Некрасова, Ѳ. И. Покровскаго и В. И. Чернышева, къ которымъ былъ присоединенъ еще и фотографъ, работала въ предѣлахъ Нижегородской губ. Для большаго успѣха работъ, члены экспедиціи, по прибытіи въ Нижній Новгородъ, обратились къ содѣйствію мѣстныхъ знатоковъ края и, получивъ отъ нихъ нужныя указанія, начали свои изысканія съ Валахнинскаго уѣзда, гдѣ и записали 46 пѣсенъ. Далѣе прошли въ сѣверную часть Семеновскаго уѣзда и, посѣтивъ скаты, черезъ Варнавинскій уѣздъ, Костромской губ. прибыли въ Макарьевскій уѣздъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ записано было 23, въ Макарьевскомъ — 12 пѣсенъ, а всего во всей губерніи 81 пѣсня. Въ высокой части губерніи работа усложнялась еще тѣмъ, что тамъ много инородцевъ, и надо было очень осторожно выбирать мѣстности съ чисто-русскимъ населеніемъ; здѣсь были обследованы уѣзды: Арзамасскій и Лукояновскій, а въ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Васильевскомъ, Сергачскомъ и Книгининскомъ работалъ одинъ изъ членовъ экспедиціи съ фонографомъ. На долю Арзамасскаго уѣзда приходится 9, Лукояновскаго — 34 и одна пѣсня записана въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ. Всего въ нагорной части губерніи записано 44 пѣсни: итакъ общая сумма записанныхъ пѣсенъ доходитъ до 125. Изъ этого числа выдаются по своему интересу былины: о Добрынь Никитичѣ, Ильѣ Муромцѣ и тугаровыхъ звѣрьяхъ и птицахъ, объ Ильѣ Муромцѣ и Борькѣ-Королевичѣ; затѣмъ пѣсня въ родѣ былинь о князѣ Михайлѣ, о сынѣ Стеньки Разина, Атаманская и пр., а также и духовные стихи — о Соловецкомъ разореніи, Асафѣ царевичѣ, предѣлѣ жизни человѣческой, Іосифѣ прекрасномъ и о Страшномъ судѣ. Большая часть былинь и духовныхъ стиховъ записаны отъ

старобрядцевъ. За былинами и стихами по красотѣ и мелодіи и ритмическому разнообразію наибольшаго вниманія заслуживаютъ — бурлацкія пѣсни, свадебныя, хороводныя, шуточные и плясовыя.

(„Спб. Вѣд.“ 1902. № 20).

Изученіе народной медицины. На засѣданіи VIII-го Пироговскаго съѣзда врачей въ Москвѣ д-ръ А. П. Левиткій сдѣлалъ сообщеніе „объ изученіи народной медицины“. Сущность доклада сводилась къ слѣдующему.

Народная медицина — не медицина въ тѣсномъ смыслѣ слова: это — проявленіе разносторонней духовной дѣятельности народа. Народное врачеваніе, знахарство отвѣчаетъ на многіе запросы и потребности народной жизни; оно предлагаетъ средства, что нужно сдѣлать, когда жена хочетъ, чтобы мужъ ее любилъ, когда нужно „строить новый домъ“, „водить пчелъ“ и т. п. Есть ли наша народная медицина продуктъ самостоятельнаго народнаго творчества или же это — отпечатокъ другихъ постороннихъ вліяній? Референтъ собралъ около 10-ти „Травниковъ“ въ различныхъ районахъ Московской и Владимирской губерній и могъ убѣдиться, что эти знахарскіе травники въ большомъ употребленіи и спросъ на рекомендуемыя ими травы и медикаменты въ московскихъ москательныхъ лавкахъ весьма большой. Докладчикъ ознакомился съ двумя знахарскими рукописями XVI вѣка, изъ которыхъ одна хранится въ Успенскомъ соборѣ города Александрова, а другая — въ Петербургской Публичной Библиотекѣ. Эти рукописи дѣлкомъ передаютъ то же, что заключаютъ въ себѣ современные „Травники“ и наши лѣчебники XVIII вѣка, сосредоточившіеся въ рукахъ духовенства. Лѣчебники среднихъ вѣковъ, распространявшіеся въ Зап. Европѣ на латинскомъ языкѣ, въ родѣ „Огородъ здравія“, лѣчебныя средства, упоминаемыя отъ разныхъ болѣзней у арабскихъ и римскихъ писателей и у Діоскура въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., представляютъ въ общемъ то же, что и наши „Травники“. Въ связи съ суевѣріями такихъ „Травниковъ“ можетъ быть сопоставлена и цензурованная брошюра 1899 г. игумена московскаго Симонова монастыря Марка: „Злые духи и ихъ вліяніе на людей“. Въ этой брошюрѣ, между прочимъ, говорится, что демоны питаются испареніями жертвенной крови такъ, какъ питаются устрицы, т. е. всасываютъ ихъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Въ „Травникахъ“ интересно, между прочимъ, средство противъ лихорадки. Такъ какъ предполагается, что лихорадка происходитъ отъ дьявольскаго навожденія, то рекомендуется сильная ругань противъ демона. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне лѣчили розгами отъ лихорадки. Князь Вяземскій въ „Князь Серебряномъ“ А. К. Толстого получилъ отъ мельника корешокъ, чтобы приворожить къ себѣ Морозову. Такіе корешки существуютъ и теперь, и доклад-

чикъ демонстрировалъ приворотный камень, „Адамову голову“, какъ средство, чтобы не видѣть чертей, и другія. Вопросъ, заслуживаетъ ли народная медицина изученія, долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Въ народной медицинѣ мы имѣемъ богатый этнографическій матеріалъ для изученія русскаго народа. Желательно изученіе народной медицины врачами и учрежденіе центрального музея по народной медицинѣ.

Собраніе секціи земской и городской медицины, выражая сочувствіе предложенію д-ра Левицкаго объ учрежденіи центрального музея по народной медицинѣ, предложило правленію Общества разработать этотъ вопросъ къ слѣдующему съѣзду.

(„Русс. Вѣд.“).

XI-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣеть быть въ Петербургѣ 20—30 декабря 1902 г. Идутъ подготовительныя работы. Одно изъ отдѣленій съѣзда будетъ посвящено географіи, этнографіи и антропологіи съ подотдѣленіемъ статистики.

(„Самообраз.“).

Пермскій научно-промышленный музей (естественно-историческій, сельскохозяйственный и прикладныхъ знаній), находящійся въ вѣдѣніи м-ства земл. и гос. имуществъ, имѣеть цѣлью не только собирать коллекціи, но и устраивать объясненія для публики, выставки, засѣданія, экскурсіи.

„Р. В.“.

Недавно закончено устройство отдѣла древностей каменнаго вѣка въ зданіи Кіевскаго музея древностей и искусствъ. Средства на это пожертвованы, гл. обр., Н. А. Терещенкомъ. Въ залѣ отдѣла помѣщены коллекціи, найденныя при раскопкахъ стоянки первобытнаго человѣка въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ; тамъ же имѣются предметы землянокъ кіевскихъ возвышенностей, многочисленные предметы трипольской или площадочной культуры („протославянской“), модель трипольской площадки и модель жертвенника той же эпохи, далѣе—погребеніе каменнаго вѣка (раскопки В. В. Хвойкомъ 1901 г. на берегу р. Роси), коллекція череповъ кам. вѣка и другіе предметы той же эпохи.

Тамъ же помѣщены предметы, найденные В. В. Хвойкомъ въ двухъ скифскихъ курганахъ близъ берега Днѣпра (3 версты отъ м. Ржищева): погребенія двухъ скифскихъ витязей.

(„Спб. Вѣд.“).

Кіевское Церковно-историческое и археологическое о-во. При кіевской духовной академіи около 30 лѣтъ существуетъ церковно-археологическое общество, на засѣданіяхъ котораго читались ре-

фераты исключительно по церковной археологии. Недавно Св. Синодомъ утвержденъ новый уставъ, по смыслу котораго въ засѣданіяхъ общества могутъ читаться рефераты по всемъ наукамъ академическаго преподаванія. О-ву дано названіе „Церковно-историческое и археологическое“.

Фонографическій архивъ образованъ при парижскомъ антропологическомъ музеѣ имени Брока. Д-ръ Азуле воспользовался пребываніемъ на послѣдней парижской выставкѣ представителей разныхъ племенъ и собралъ около 400 фонограммъ, заключающихъ въ себѣ образцы нарѣчій, разговоровъ, сказокъ, пѣсенъ, музыкальныхъ отрывковъ. Записаны они отъ китайцевъ, индійцевъ, татаръ, сирійцевъ, арабовъ, суданцевъ, эіоповъ и многихъ другихъ народовъ.

„Р. В.“

Новый трудъ по языку и цивилизаціи румынъ. Премія имени кн. Алек. Бибеско присуждена Парижскимъ Лингвистическимъ Обществомъ (Société de Linguistique de Paris) за трехтомный трудъ бывш. проф. при Бухарестскомъ Университетѣ *Saineanu*: *Influences orientales sur la langue et la civilisation roumaine*, отличающийся особенными достоинствами. (Rev. crit. d'hist. et de litt.).

Къ этнографіи вогуловъ, черемисъ, остяковъ, венгерцевъ и др. Въ XXX т. венгерскаго періодическаго изданія *Nyelvtudományi Közlemények* (1900 г.) помѣщено окончаніе статьи *Мункаччи* о религиозныхъ представленіяхъ вогуловъ и черемисскаго словаря, составленнаго Szilasi. Въ этомъ же томѣ начато печатаніе словаря иртышскихъ остяковъ, составленнаго *Паткановымъ* и статьи *Asboth'a* о славянскихъ словахъ перешедшихъ въ венгерскій. На ряду съ этимъ научнымъ журналомъ можно упомянуть о періодическомъ изданіи редак. *Simonyi-Magyar Nyelvöz* („Стражъ чистоты венгерскаго яз.“). Сотрудники г. *Simonyi* (ихъ около 180 чел.) выписываютъ изъ современныхъ книгъ, газетъ и т. п. новыя слова, въ которыхъ они видятъ порчу роднаго языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они доставляютъ въ свой журналъ множество образцовъ чисто народнаго говора, пословицы, загадки и пр. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

Къ этнографіи Тибета и изученію языковъ востока. На средства венгерскаго патріота г. *Duka* въ 1885 г. были изданы въ Будапештѣ сочиненія Александра Чомы (род. въ 1784 г. въ Семиградѣ въ Карэсѣ, умер. въ 1842 въ Сиккимѣ), одного изъ первыхъ путешественниковъ по Тибету, составившаго грамматику и

словарь тибетскаго нарѣчія. Въ томъ же году Duka издалъ на англійскомъ языкѣ біографію Чомы (Life and works of Al. Csoma Kőrös). На средства, имъ же пожертвованныя, Академія Наукъ въ Будапештѣ каждые три года намѣрена издавать въ память извѣстнаго венгерскаго путешественника сочиненіе, посвященное изученію языковъ востока. Серію этихъ изданій она открываетъ брошюрой ученаго ориенталиста графа Géza Kuun: Is meretėink Tibetröl (что намъ извѣстно о Тибетѣ?)—(Revue crit. d'hist. et de litt.).

Новая наеэдра антропологиі индѣйскихъ племенъ открыта въ Бекерлепскомъ Университетѣ (Калифорнія). На нее приглашенъ нѣмецкій ученый A. Körber. Көрберъ намѣренъ заняться собираніемъ пѣсенъ, преданій и др. произведеній народнаго творчества среди краснокожихъ племенъ. Извѣстный Фр. Босъ (Boas) производитъ подобныя же изысканія среди индѣйскихъ племенъ сѣверо-западной части Америки. (Litt. Centralb.).

Къ этнографіи малайскихъ племенъ. Голландскіе ученые, изслѣдователи и писатели внесли не мало серьезныхъ вкладовъ въ изученіе области, населенной малайскимъ племенемъ. Ихъ труды, къ сожалѣнію, мало доступны, благодаря сравнительно рѣдкому знакомству европейскихъ ученыхъ съ голландскимъ языкомъ, но по достоинству оцѣнены новѣйшей западноевропейской научной критикой. Много весьма цѣнныхъ данныхъ возможно ожидать отъ обработки матеріаловъ экспедиціи голландскаго ученаго A. W. Nieuwenhans'a. Путешествіе Nieuwenhans'a длилось 2¹/₂ года. Изслѣдованы имъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи центральныя части Борнео. На границѣ государства Саравакъ Nieuwenhans познакомился съ неизвѣстнымъ дотогѣ европейцамъ народцемъ—горцами, называемымъ Кепа.

Въ прошедшемъ году Кембриджскій Унив. получилъ интересное и рѣдкое приношеніе—собраніе малайскихъ рукописей (63) и литографированныхъ и печатныхъ малайскихъ книгъ (въ количествѣ 50 экз.) (Litt. Centralbl.).

Къ Этнографіи Индіи. Англійское правительство въ Индіи намѣрено приступить къ полному этнографическому описанію населенія индѣйскихъ колоній Великобританіи. Этотъ огромный трудъ предположено окончить въ теченіе пяти лѣтъ; ежегодно правительство ассигнуетъ на необходимыя издержки по 4 мил. рупій. (Litt. Centralb.).

Древняя рукопись на березовой корѣ. Библіотека Тюбингенскаго Университета является собственницей весьма рѣдкой рукописи Paippalāda - Atharvaveda, завѣщанной университету покойнымъ Dr. v. Roth'омъ. Въ настоящее время фирмой M. Rommel въ Штутгартѣ художественно воспроизведено fac-simile этой рукописи. Изданіе Rommel'a представляетъ три тома, украшенныхъ 544-мя таблицами; воспроизведена и березовая кора, на которой писанъ оригиналь. Рукопись Тюбингенскаго Университета писана лѣтъ 400 тому назадъ. (Litt. Centralbl.).

Сборникъ „Entre camarades“, появившійся въ прошедшемъ году въ Парижѣ (Alcan), составленъ трудами бывшихъ воспитанниковъ парижскаго филологическаго факультета, которые съ 1884 г. образовали товарищескій кружокъ (Association des anciens élèves de la Faculté des lettres). Между ними встрѣчаются имена, стяжавшія себѣ крупную извѣстность въ наукѣ и литературѣ. Настоящій сборникъ является лишь первымъ опытомъ. Статьи въ немъ посвящены преимущественно вопросамъ исторіи, философіи, литературы, филологіи. Для читателей „Э. Об.“ наибольшій интересъ представляютъ статьи Desdevises du Désert: Théâtre populaire à Madrid и недавно скончавшагося L. Marillier: Notes sur la coutume, le tabou et l'obligation. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

Парижская издательская фирма Hachette предприняла изданіе цѣлой серіи монографій преимущественно географическаго характера, касающихся отдѣльных странъ и областей. Первый томъ этой серіи посвященъ южной Африкѣ (Afrique australe, 1 v. in. 8°, 360 p. 25 cartes dans le texte et 3 hors texte). Изданіе поражаетъ своеобразиемъ и изяществомъ. Текстъ взятъ изъ Всеобщей Географіи Э. Реклю, но пересмотрѣнъ и дополненъ новѣйшими данными О. Реклю. Въ концѣ приложенъ библиографическій указатель. (Revue crit. d'hist. et de litt.).

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ“.

Этнографическое обозрѣніе кн. XLIX, 1901 г., № 2.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
50	9 сверху	желаніе	усиленіе
51	16 снизу	пробываніе	пробыванія
54	16 сверху	Общестъ	Обществъ
59	23 „	Велтахъ	Вильтахъ
60	17 „	на другой день	На другой день
61	14 „	Чаноуйскаихъ	Елисуискихъ
62	4 „ пр. 1.	честнымъ видомъ	частнымъ видамъ
63	13 „ пр. 1.	а почему	а потому
64	3 „	Общество	Общества
64	2 снизу	Сухая-хана	Сурхая-хана
65	7 сверху	начальнику	Начальнику
66	3 „	русской	русской
67	3 „	толаги	талаги
69	8 „	Терекмейскихъ	Терекмейскихъ
69	6 снизу	бековъ	бекамъ
72	3 сверху пр. 1.	ГІХ	т. ІХ
74	12 „	величины	объема
76	11 „	Бильчомъ-бильха	Бильчанъ-бильха
77	1 „ пр. 3.	Мимотинъ	Милютинъ
82	5 снизу	Гелги	Гелли
86	4 сверху пр. 3.	или же	имъ же
90	19 „	на пользу	не въ пользу

Этнографическое обозрѣніе кн. L, 1901 г. № 3.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
67	14 сверху	душъ	душъ
78	1 „ пр. 1.	экиновъ	якиновъ
78	3 „ „ „	экиновъ	якиновъ
84	6 сверху	Атлы-бокутъ	Атлы-бокунъ
84	21 „	Лубкунъ	Лудкунъ
85	7 снизу	тамагъ	тамачъ
94	17 сверху	Разаркентъ	Газаркентъ
96	3 „	Бубкентъ	Будкентъ